

А. В. Леоп

Историческое сознание и кризисный социум

Монография

Рецензенты:

А. И. Панюков, д-р филос. наук, проф. кафедры философии и социологии Рос. гос. аграр. ун-та – МСХА им. К.А. Тимирязева; М. Н. Чистанов, д-р филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и культурологии Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова.

Рассматривается роль исторического сознания как важного фактора социальной стабильности, выполняющего функции интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов в условиях глобального системного кризиса.

Монография предназначена для специалистов в области социальной философии, социологии и истории, а также широкого круга читателей.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мировое сообщество переживает системный кризис, который выражается в катастрофических последствиях научно-технического прогресса и покорения человеком природы, в разрушениях окружающей среды, что поставило под угрозу само существование человека как биологического вида.

Одним из проявлений этого кризиса, охватившего важнейшие сферы общественной жизни в общемировом масштабе, является конец старого, европоцентристского миропорядка. Мир необратимо вступил в новую фазу динамического переустройства, в которой практически не остается места для какого бы то ни было «вселенского» центра, из которого можно было бы руководить всеми странами и народами.

Углублению мирового кризиса способствовали все более проявляющиеся глобальные тенденции, которые сопровождаются возникновением новых ценностей, новых ориентиров, становлением новой культурно-социальной субъективности. Более того, современные глобализационные процессы носят и субъективный характер, который проявляется в стремлении США и Запада навязать всему миру свое цивилизационное устройство, свои цивилизационные ценности, культуру. Глобализация служит инструментом в руках США и Европы для установления господствующего положения в мире.

Под влиянием глобального системного кризиса переживает глубокий кризис, связанный с утратой идентичности, исторической памяти, традиций, размыванием нравственных ценностей европейской цивилизации, европоцентристское историческое сознание.

В условиях глобального системного кризиса проявилась общая закономерность усиления политизации истории и исторического сознания, политической культуры. История в этой ситуации используется для обоснования

объективного характера нынешнего этапа глобализации, его необратимости, а также легитимизации такого феномена, как обновленный космополитизм.

Мировой системный кризис отразился и на российском обществе и вызвал серьезные изменения исторического сознания, переосмысление истории России не только XX века, но и всей многовековой истории страны.

В условиях глобального системного кризиса на первое место выдвигается практически-политическая функция исторического сознания, которое должно выступить в качестве одного из важных факторов социальной стабильности, выполняющего роль интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов. «Ошибочно полагать, - отмечает М. А. Барг, - что историческое сознание обращено только в прошлое, что оно исчерпывается только его объяснением. В действительности же прошлое – только грань исторического сознания, которая концептуализирует связь между всеми тремя модальностями времени: прошедшим, настоящим и будущим... стержнем исторического сознания во все времена являлось историческое настоящее, сущее. Одним словом, историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, - мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»¹.

Ведущей проблемой современности является проблема поиска смысла и назначения истории. Вопросы куда мы идем как народ, что представляем собой на пути исторического процесса, в чем смысл жизни, сегодня особенно волнуют каждое цивилизованное общество. Поиски ответов на эти вопросы, поиски смысла истории заставляют сегодня обратить внимание на наследие зарубежных и отечественных философов и историков, пытавшихся понять ход общей истории.

Современный глобальный системный кризис затронул всю систему базовых жизненных целей, ценностей и смыслов, определяющих представления

¹ Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – С. 24.

людей о том, кем они являются и к каким человеческим общностям должны принадлежать. Современность ставит под сомнение исторически сложившиеся представления о человеке и человеческой природе. Более того, некоторые глобальные игроки пытаются навязать всем остальным единую, свою собственную, ценностно-смысловую систему, нивелирующую исторически сложившиеся особенности национальных культур. Все это неизбежно проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

И в этих условиях историческое сознание выступает главным фактором стабилизации общества. Обращение общества к своим историческим корням позволяет обрести себя, свою идентичность и на этой основе прогнозировать свое будущее.

В контексте глобального системного кризиса важна роль исторического сознания в определении путей выхода российского общества из кризиса и направления его дальнейшего развития. И здесь следует помнить, что сформировать, спрогнозировать будущее невозможно без обращения к прошлому, без диалога с ним, ибо «... в знании о прошлом... заключается новая философская современность. Фактически – это некая основная философская форма изначального философствования – понимать и делать очевидным, во взаимосвязи с традицией, в изучении старых текстов то, что, таясь в глубине, движет настоящее»².

Проблемы современного глобального системного кризиса и роль исторического сознания как фактора социальной стабильности в условиях кризиса рассматривались в работах Э. А. Баграмова, К. С. Гаджиева, Ю. Д. Гранина, А. И. Извекова, В. Л. Иноземцева, А. А. Искандерова, Н. И. Лапина, Н. Н. Моисеева, А. И. Неклессы, А. С. Панарина, И. К. Пантина, А. И. Панюкова, Е. Г. Плимак, В. Н. Поруса, Л. П. Репиной, О. А. Романова, М. Ф. Румянцевой, М. Н. Руткевич, М. Т. Степанянца, В. И. Толстых, Е. Н. Устюговой, В. Г.

² Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. – СПб., 2000. – С. 97.

Федотовой, А. Ю. Цофнаса, М. Н. Чистанова, А. Н. Чумакова, М. Ю. Ширманова, О. М. Штомпеля, Е. Д. Яхнина и др.

Вместе с тем в отечественной социальной философии остаются недостаточно разработанными некоторые важные проблемы кризисного социума и социальной роли исторического сознания, которые и рассматриваются в данной монографии.

ГЛАВА 1. ГЛОБАЛЬНЫЙ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

1.1. Парадигмальный характер глобального системного кризиса

Кризис – это с одной стороны, одно из состояний живого организма, критическая точка развития социальной системы, с другой – начало периода быстрых изменений. Еще в Древней Греции под кризисом понимали завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы. В самом общем виде кризис есть нарушение равновесия и в то же время переход к новому равновесию³. Кризис есть резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия⁴. В науке утвердилось мнение, что кризисы носят закономерный характер и свидетельствуют, с одной стороны, о том, что общество, несмотря на имеющийся определенный внутренний запас прочности, может достигать предела, дальше которого оно в данном состоянии дви-

³ См.: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – М., 1989. – Кн. 2. – С. 218.

⁴ См.: Социологический энциклопедический словарь/ Ред.- координатор – акад. РАНГ В. Осипов. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – С. 149.

гаться не может, так как исчерпало свои ресурсы и смысл существования, т. е. обозначилась некая критическая точка в развитии социальной системы, получившая название момента бифуркации, т. е. разветвления вариантов дальнейших перемен. Бифуркация отражается в дезорганизации общества, социальной анемии и обладает свойством непредсказуемости. С другой стороны, кризис выступает как начало периода быстрых инновационных изменений, в течение которых общество стремится к более или менее стабильному развитию. Двойственная природа кризиса дает основание не только воспринимать и интерпретировать его как национальную драму, но и видеть в нем оптимистические основания.

Обычно принято различать стабильное и кризисное состояние общества. Первое означает устойчиво воспроизводящийся социальный порядок. Второе выражает нарушение стабильности, служит острой формой проявления социального конфликта, способом движения социальной системы от прежнего его состояния через дезинтеграцию и конфликт к новому состоянию. «Кризис с этой точки зрения, - считает О. М. Штомпель, - является одним из состояний общества. Кризис есть нарушение стабильного равновесия, определенное выражение социальных, культурных и экономических конфликтов»⁵. В ходе своей эволюции, по мнению Н. И. Лапина, любое общество неоднократно проходит динамический цикл: «стабильность – кризис – новая стабильность»⁶. А. Я. Флиер анализирует социокультурный кризис, используя понятие «социально – культурная энтропия», понимаемое прежде всего как снижение уровня системно – иерархической структурированности, полифункциональности, сложности культурного комплекса определенного общества в целом⁷, т. е. как тенденцию к деградации определенной культуры как систе-

⁵ Штомпель О. М. Социокультурный кризис. Теория и методология исследования проблемы : Дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-н/Д., 1999. – С. 273.

⁶ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопр. философии. – 1992. - № 12. – С. 34.

⁷ См.: Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. – 1992. - № 12. – С. 34.

мы. Ряд исследователей отождествляют кризис со смутным временем. «Состояние, в котором сейчас находятся экономика и общество, обычно трактуется как кризис, – отмечает Д. С. Львов. – Это слово упрощает и искажает суть дела. В действительности мы переживаем смутное время. Так называют период политической борьбы отдельных групп и отсутствия объединяющих идей, утери привычного «круга безопасности», внутри которого каждый человек чувствует себя защищенным, где он у себя дома. Это *безвременье*»⁸. Иначе: кризис, понимаемый традиционным образом (в политике, в экономике, в социальной сфере и т. д.), оказывается неадекватным понятийным инструментарием, поскольку из сферы рассмотрения выпадает культурная составляющая всех этих процессов.

В контексте рассуждений о периодах социальных кризисов следует привести весьма интересную точку зрения М. Блюменкранца «Когда историки толкуют о переходных эпохах, – пишет он, – возникает вопрос, а какая эпоха непереходная. История сейсмически опасная зона, где каждая точка во времени-пространстве является точкой перехода, она подвижна и всегда погранична по самой своей сути»⁹. И с этим следует согласиться. Действительно, любые социальные явления, в том числе и кризисы, имеют свою историю, зарождаются в устоявшиеся эпохи, но носят до поры до времени латентный характер, похожий на закрытый котел, однако по мере накопления количественных характеристик пар из котла вырывается наружу, происходит скачок, прорыв постепенности, в результате возникает новое качественное состояние общества – переход завершился. По этому поводу М. Блюменкранц пишет: «Ретроспективно можно рассуждать о более или менее стабильных эпохах, но не следует забывать, что пороховые бочки наполняются зачастую именно в эти спокойные на первый взгляд времена, задолго до очередного взрыва.

⁸ Львов Д. С. Образ России – истоки формирования // Вопр. философии. – 1998. - № 4. – С. 7.

⁹ Блюменкранц М. Время анти-истории. Картина мира: дубль 2003 // Вопр. философии. – 2004. - № 1. – С. 181.

Любая эпоха, - делает вывод М. Блюменкранц, - может в принципе рассматриваться как переходная, все зависит от выбранной исследователем системы отчета»¹⁰.

Кризис – явление многогранное, он имеет глубокие корни. По мнению автора, наиболее полную классификацию дает Н. И. Лапин¹¹. По своей структуре кризисы в обществе бывают частные и общие. К частным относятся локальные кризисы, ограниченные частью территории данной страны, и сферные, или институциональные, поражающие конкретную сферу или институт общественной жизни (экономику, политику, образование, экологию и т. п.). Общие кризисы охватывают данное общество (страну) в целом, их можно именовать поэтому системными (от фр. *сошьете* - общество). В свою очередь, среди системных кризисов необходимо различать социальный, развивающийся в отношениях между людьми, складывающихся и воспроизводящихся в разнообразных процессах человеческой деятельности; культурный, поражающий сами способы деятельности человека, типы воспроизводственной жизнедеятельности общества; социокультурный, или универсальный, объемлющий как совокупность социальных (общественных) отношений, так и культуру (способы) деятельности человека, взаимодействие социальных отношений и культуры.

По характеру своей внутренней динамики кризисы общества можно разделить на два противоположных типа – саморазрешаемые (их большинство), они вписываются в естественную логику саморазвития общества и поэтому могут быть названы нормальными и патовые – заключающие в себе порок заколдованного круга и поэтому выступающие по отношению к естественному саморазвитию как патологические.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Лапин Н. И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопр. философии. – 1992. - № 12. – С. 34.

Особый, редкий в истории случай представляет собой патологический социокультурный кризис. В наиболее чистом виде в качестве веберовского «идеального типа» такой кризис характеризуется, во-первых, общим кризисом социальных отношений, эволюция данного типа которых достигла завершающей стадии; во-вторых, расколом культуры, инверсионная логика которой формирует заколдованный круг вариантов предкатастрофического состояния¹²; в-третьих, препятствиями, которые инверсионная логика расколотой культуры возводит на пути саморазрешения кризиса социальных отношений, гоняя общество из одной кризисной ситуации в другую и направляя его в конечном счете к катастрофе.

Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум. «Это специфическое, довольно редко встречающееся в истории состояние общества, - отмечает Н. И. Лапин, - характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития»¹³.

Социально-культурный кризис различается по динамике его различных фаз, видам и формам рассогласованности социального и культурного по его качественным характеристикам. Данное рассогласование, дисгармония, дисбаланс социального и культурного реализуются с точки зрения О. М. Штомпеля, в трех основных предметных сферах:

- на уровне общества – как противоречие между его социальными и культурными подсистемами;
- на уровне взаимодействия человека – субъекта исторического процесса, и общества – как отрицание индивидом деградирующего мира социума и культуры;
- на уровне личности, внутренний мир которой содержит доминантную установку на собственную внутреннюю, духовную «анормальность» и «не-

¹² См.: Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта. – М., 1991. – С. 269-293.

¹³ Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации. // Вопр. философии. – 1992. - № 12. – С. 34.

достроенность» в отношении с миром абсолютных культурных ценностей, а внешнее бытие, ее социокультурный статус оценивается в качестве ущербного и подлежащего изменению¹⁴.

Таким образом, кризис – это одно из переходных состояний общества, носящих закономерный характер. Он имеет сложную структуру, различается по характеру внутренней динамики. Особым, редким случаем является патологический социокультурный кризис, сочетающий в себе параметры социального и культурного кризиса.

Особенность нынешнего кризиса заключается в том, что впервые в истории он приобрел действительно всемирный характер. Он охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества. В первую очередь, происходит ломка прежней, устоявшейся системы отношений общества и природы, выражающаяся в катастрофических последствиях научно-технического прогресса и покорения человеческой природы, в разрушениях окружающей среды, что поставило под угрозу само существование человечества как биологического вида.

По мнению А. Д. Панова, «... есть основания полагать, что переживаемые сейчас события совершенно уникальны, являются закономерным итогом всей эволюции жизни на Земле, и по своей драматичности сопоставимы с возникновением жизни около 4 млрд лет назад»¹⁵. Глубинные противоречия, переросшие в глобальный системный кризис, обнаруживают процессы современного этапа глобализации, приобретшие особую интенсивность к началу XXI столетия. Происходит ломка прежней системы мироустройства. Более того, как отмечает В. И. Толстых, - «...сказать, что это – кризис глобальный, планетарный, – мало. Важно понять, что это кризис парадигмального харак-

¹⁴ Штомпель О. М. Социокультурный кризис. Теория и методология исследования проблемы: дис. ...д-ра филос. наук. – С. 131.

¹⁵ Панов А. Д. Завершение планетарного цикла эволюции? Филос. науки. – 2005. - № 3. – С. 42.

тера, и, стало быть, речь идет о смене старой и становлении новой основы (парадигмы) мироустройства»¹⁶.

В некотором роде глобальный системный кризис можно рассматривать как вершину того айсберга, основание которого сокрыто в глубинных пластах современного общества. Он представляет собой частный случай более масштабного явления, затрагивающего все стороны жизни людей, на всех уровнях жизни народов во всемирном масштабе, одним из проявлений которого является конец европоцентристского миропорядка.

Отраженная в различных концепциях «кризиса Большого Модерна» нынешняя негарантированность человеческой экзистенции оказывается по существу главной особенностью существования человека в созданном им же самим глобальном социальном контексте XXI века¹⁷.

Глобализация ведет к образованию новой мировой системы, в которой мощь и принципиальное явление культуры – человек духовной свободы – больше не является исключительной прерогативой Запада. Универсальные принципы цивилизации становятся всё более доступными для любых регионов планеты. В глобальном поле культуры Америка потеряла лидерство в силу того, что структура взрослеющей личности успела стать универсальным явлением. Конечно, конец евроцентристского миропорядка не означает перемещения всемирного центра из одной географической точки в другую и, соответственно, появления вместо США и Запада в целом какого-то другого региона или государства. Просто наряду с ними возникают новые «равновеликие им центры экономической и военно-политической мощи». Об этом свидетельствует, в частности, стремительное восхождение Китая, Индии, Бразилии... Важные радикальные отличия нового миропорядка от прежнего евроцентристского состоят в том, что он основывается не на одной, а не-

¹⁶ Толстых В. И. Цивилизационный кризис и идеалы идеологий // Тр. Фонда Горбачёва. – М., 2000. – Т.1. – С. 407.

¹⁷ Неклесса А.И. Конец эпохи большого модерна // Знамя. – 2000. – № 1. – С. 407.

скольких равновеликих несущих конструкциях в лице Запада и Востока, Юга и Севера»¹⁸.

Если говорить о причинах глобального системного кризиса, то одна из основных причин видится в глобальном масштабе, в характере развития мировой цивилизации конца XX - начала XXI века. Она заключается в том, что в настоящее время произошел цивилизационный поворот, который переживает всё человечество. Суть его заключается в том, что человечество резко свернуло с экстенсивного пути развития, и этот переходный период очень жёсткий, очень стремительный. По оценке академика С. П. Капицы, этот период ...сравним с самым появлением разумного человека, которое произошло более миллиона лет назад, когда человек впервые овладел речью, огнем и вышел из животного племени. С тех пор человек развивался экстенсивно. Больше людей, больше вещей, больше детей, больше денег, больше оружия, больше пушек, больше всего, что только можно придумать. Сейчас по главному параметру развития человечества - больше людей - человечество резко свернуло с экстенсивного пути. То, что в России больше не прибавляется населения, это не случайность нашей истории. Это поворот, который сейчас произошел во всем мире. И наша страна сейчас вступила на путь стабилизированного населения так же, как это случилось в Японии, в Европе, при всем её благополучии, в Америке. По этому пути неизбежно идут все развивающиеся страны... Население мира стабилизируется, и в этом отношении сейчас все прекрасно понимают, что это глубокий цивилизационный переход, значение которого до сих пор, может быть, не выяснено и даже не очень понятно, какие причины его двигают. Не недостаток ресурсов, не повороты ума, а какие-то более глубокие системные причины заставляют человечество как

¹⁸ Гаджиев К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурные измерения // Вопр. философии. – 2010. – № 6. – С. 17.

систему свернуть с пути экстенсивного роста, который взрывным образом происходил в наше время»¹⁹.

Наступление современного глобального системного кризиса может быть также объяснено как следствие предшествующего длительного соперничества двух мировых общественных систем - либерального капитализма во главе с США и реального социализма во главе с СССР. По мнению академика Н. Н. Моисеева, «...то, что произошло в нашей стране, - лишь фрагмент общей перестройки мировой системы и, прежде всего, ее экономической составляющей. Эта перестройка была подготовлена всей предшествующей историей капитализма, миропорядок, утвердившийся в послевоенные годы на Западе, иногда принято называть PAX AMERICANA. Такое название не лишено основания. Даже при активном противодействии Советского Союза оно более всего подходило к описанию планетарного порядка, до недавнего времени игравшего определяющую роль в международной жизни. Этот миропорядок рухнул, как и Советский Союз. И я думаю, что вследствие этого мир надолго потерял стабильность, хотя это обстоятельство не всеми пока осознается. PAX AMERICANA тоже рухнул и, наверное, навсегда. Но, в отличие от того, что произошло с Советским Союзом, разрушение PAX AMERICANA происходит пока без видимых катаклизмов. Однако под «ковром» уже идет жестокая война, и исход её неотвратим. Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости»²⁰.

Важной причиной глобального кризиса явилась новая расстановка политических сил на международной арене, сложившаяся после второй мировой войны. Крупнейшие страны Европы Англия, Германия, Франция на время утратили статус великих держав, распалась европейская колониальная империя. В этих условиях лидером Запада становятся США. Они предложили свой проект «Глобализация по-американски». Однако этот проект имел

¹⁹ «Круглый стол» посвящённый обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопр. философии. – 2000. – № 9. – С. 8.

²⁰ Там же. – С. 4,5.

ряд скрытых изъянов, которые и обусловили главные кризисные явления современного этапа глобализации. Приток капитала в страны «третьего мира», способный обеспечить их ускоренный рост, неизбежно предполагал, во-первых, выгодное использование западными предпринимателями различий, существующих между отдельными регионами мира, и уже поэтому декларируемое экономическое единство мира на деле обречено было оставаться иллюзией. Во-вторых, активизация инвестиционных и товарных потоков становилась делом частных компаний, что заведомо означало отсутствие механизмов эффективного их регулирования, объективно увеличивая вероятность финансовых кризисов, сотрясающих ныне мировую экономику. И, наконец, в-третьих, не имея рычагов системного политического воздействия на эти страны, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства, которое постепенно стало идентифицироваться с изощренной защитой интересов американских корпораций и служить одним из доказательств грабительского характера «новой глобализации»²¹.

В рамках логики этой «новой глобализации» отношения между центром и периферией качественно изменили свой характер; теперь это были отношения между теми, кто активно действует, и теми, кто вынужден лишь реагировать на эти действия. Как следствие, в современной «глобализации», как в лотерее, в выигрыше заведомо могут оказаться только немногие²² - большинство развивающихся стран неспособно адекватно реагировать на вызовы глобализации, становятся всё более маргинализированными.

В рамках данного анализа причин глобального кризиса необходимо акцентировать внимание на том, что кризис российского общества, кроме того, кроется в уникальности России – страны, пребывающей на границе между Востоком и Западом, и в этом смысле территориально обреченной на цивилизационный выбор, с вытекающим отсюда риском социально-исторической

²¹ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопр. философии. – 2004. – № 4. – С. 64.

²² Там же.

нестабильности. Создается впечатление, что положение России не является жестко закрепленным на оси Восток - Запад. В каждый кризисный период своей истории Россия смещается вдоль оси то влево, в сторону Запада, то вправо, в сторону Востока. В результате возникает мощный потенциал раскола её политического пространства. «Промежуточное цивилизационное положение России, - утверждает А. С. Панарин, - приводит к насыщению нашего пространства неустойчиво - гибридными, симбиотическими структурами, а также формами, относящимися к цивилизационному эпигонству и социокультурному стилизаторству»²³. Продолжая мысль А. С. Панарина, А. Д. Кара-Мурза констатирует, что Россия как особый социокультурный и геополитический феномен является зоной повышенного исторического риска. «Для меня несомненно, - заявляет он, - что эта принадлежность к пространству повышенного риска во многом связана с пограничным положением России между Востоком и Западом. Здесь, на историческом перекрёстке, как бы сталкиваются два типа социальности – «индивидуально-продуктивный», характерный для (условно говоря) Запада и «корпоративно - распределительный», типичный для традиционных цивилизаций Востока.

Таким образом, глобальный системный кризис, являющийся по существу социокультурным кризисом, представляет собой частный случай более масштабного явления, затрагивающего все стороны жизни народов во всемирном масштабе, одним из проявлений которого является конец евроцентристского миропорядка, связанного с размыванием единой оси мирового сообщества и возрастанием значения для мировых процессов разных взаимозависимых центров силы, а также с превращением глобализации в качественно новый этап экспансии Запада, суть которого заключается в беспрецедентном увеличении проницаемости национально-государственных границ.

²³ Риск исторического выбора в России (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 1994. – № 5. – С. 3.

1.2. Глобальный системный кризис как кризис рационализма и европоцентристского миропорядка

Научное мировоззрение, получившее название рационализма зародилось накануне эпохи Просвещения под влиянием революций Коперника – Галилея – Ньютона. Сформировался рационализм в XVII–XVIII веке (Р. Декарт, Б. Спиноза, В. Лейбниц и др.)

Тезис Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» - «Я мыслю, следовательно, существую» можно считать лейтмотивом данной темы. В историческом плане он означал онтологическую подмену чувств рациональностью. Именно на долю Декарта выпало бремя истории – стать одним из основоположников философии Нового времени и классического рационализма.

С именем Декарта связана абсолютизация индивидуалистического принципа европейской аксиологии, провозглашение принципа очевидности самосознания или индивидуальной идентичности. Антропологическое значение выдвинутого Декартом тезиса было велико, он ясно выразил присущую своей нации веру в человека и силу его разума. Метафизировав силу разума, Декарт препоручил человека своей собственной судьбе и своему собственному выбору, он даровал ему «веру в личную свободу» и уверенность в повседневной жизни. Иными словами, он заложил философско-антропологические основания будущей европейской цивилизации.

С другой стороны, с именем Декарта связано начало разрушения органической целостности и рефлексии, ведущей к трагической раздвоенности бытия. По-видимому, именно это обстоятельство дало повод Пьеру Шоню заявить, что Декарт «несёт ответственность за ту шизофреническую раздвоенность, на излечение которой нам надлежит обратить все наши силы»²⁴.

²⁴ Шоню П. Во что я верую. – М., 1996. – С. 21.

Пророческие слова: сегодня мы видим – диагноз подтвердился. Сегодня мы наблюдаем кризис рационализма, кризис европейской цивилизации. Излечима ли болезнь?

В основе классического рационализма XVIII века было представление о мироздании как о некоем организме, который действует по некоторым вполне чётко определённым и неизменным законам. Этот механизм был однажды запущен, и его дальнейшее функционирование раз и навсегда определено. В мире царствует жесткий детерминизм, а человек как сторонний наблюдатель не способен что-либо изменить и как-то существенно вмешаться в однажды начертанный ход событий, но он наделён способностью познавать эти законы и использовать их в собственных интересах. Такую позицию особенно чётко сформулировал Френсис Бэкон, который считал необходимым познание законов природы для того, чтобы иметь возможность ставить их на службу человечеству. Смысл, призвание и задачи науки Ф. Бэкон характеризует весьма чётко во введении к «Великому Восстановлению Наук»: «И наконец,- писал он,- я хотел бы призвать всех людей к тому, чтобы они помнили истинные цели науки, чтобы они не занимались ею ни ради своего духа, ни ради неких учёных споров, ни ради того, чтобы пренебрегать остальными, ни ради корысти и славы, ни для того, чтобы достичь власти, ни для неких иных низких умыслов, но ради того, чтобы имела от неё пользу и успех сама жизнь»²⁵.

Здесь следует выделить главный момент, имеющий прямое отношение к теме данного исследования, а именно – отсюда наука начинает рассматриваться людьми как источник их могущества, власти над природой. С этого времени человек претендует на роль Высшей Силы, или Высшего Разума, и для того, чтобы объяснить функционирование Вселенной, человек уже не нуждался в гипотезе о существовании Бога, о чём позднее заявит Ф. Ницше

²⁵ Цит по: История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. – М.: Мысль, 1991. – С. 352, 353.

«Бог умер», имея в виду, что Бог умер в душе человека. Таким образом, в Новое время человек выдвигается в центр Вселенной. Он всемогущ и всеислен. Это был «великий» исторический поворот в сознании человека, именно человека европейского. Именно с этого времени в сознании европейского человека сформировалась идея антропоцентризма, отличная от антропоцентризма как главного направления философской и в целом общественной мысли эпохи Ренессанса. В то же время следует заметить, что между этими эпохами есть и общее, которое, по мнению автора, заключается в том, что сама постановка проблемы человека в эпоху Возрождения, прозвучавшая как возврат к традициям Античности, ориентировала мыслителей того времени на поиски смысла жизни человека в потустороннем мире, его места в Природе, его судьбы и получившего ответ в известном изречении Пико дела Мирандоллы: «Человек сам творец своего счастья», (лат. *Fortunae suae ipse faber*). Пико ещё рассматривал человека как существо, которое способно стремиться к божественному совершенству, т. е. Бог ещё присутствует в человеке, как и во всей природе. Идеологи же антропоцентризма Нового времени видели единственно надёжный способ вывода человечества из ситуации несвободы и превращения его в центр Власти над миром, над его несметными ресурсами в безграничном наращивании научно - технической мощи мирового социума.

Однако историческая действительность оказалась намного сложнее их утопической картинки. На самом деле экзистенциальная ситуация человека оказалась совсем не такой, какой её представляли идеологи Просвещения. «Вопреки их надеждам, - отмечает А. В. Толстоухов, - практика реализации этого Проекта превратила человечество не во Властелина мира, а своеобразного «маргинала Вселенной», трагически выпавшего из космической гармонии... Трёхвековая практика осуществления Проекта Просвещения, превратившая человечество в субъект безудержного планетарного научно-

технического активизма, сделала его заложником своего же собственного активизма»²⁶.

Рациональность поведения индивидов и групп общества постиндустриализма оказывается всё более сомнительной просто потому, что сами основы рациональности – демократия, закон, наука – подвергаются эрозии. Выживание и сопротивление мегатрансформациям глобального социального контекста становятся доминирующими мотиваторами поведения²⁷.

Рационалистический подход был положен мыслителями эпохи Просвещения и в основу учений об историческом процессе, об обществе. Философы французского Просвещения Вольтер, Монтескье, Дидро представляли общество как рациональную совокупность индивидов-атомов, вершину истории видели в идеалах Просвещения, в идеалах универсальной рациональности и разумности, основанных на естественнонаучном мировоззрении. Впервые в философии идею универсальности развития выдвинул немецкий философ и математик Лейбниц в своём учении о монадах, которая впоследствии стала центральной идеей европоцентристского исторического сознания.

К началу XIX века в немецкой классической философии, основанной на рационализме, стали отчетливо проявляться европоцентристские взгляды на историю, ход исторического процесса, смысл истории. Именно на противопоставлении идеям французского и английского Просвещения сформировалась немецкая классическая философия и, в частности, философия истории, представители которой усматривали в идеях Просвещения угрозу культурного униформизма миру (И. Гердер, Т. Гегель, И. Кант, В. Виндельбанд, В. Гумбольд, Э. Трёльч, А. Шопенгауэр, Ф. Шлейермахер и др.). Если философы французского Просвещения представляли общество как рациональную совокупность индивидов-атомов, то немецкие философы рассматривали об-

²⁶ Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и культура эко-будущего // *Вопр. философии.* – 2003. – № 8. – С. 60.

²⁷ Там же.

щество живой органической целостностью, скрепленной культурой, и само движение истории представлялось им движением к усилению этой целостности, к наращиванию смысла.

В отличие от французского Просвещения, рассматривающего единство человечества как изначальную данность, обусловленную тем, что так называемый «естественный человек» - разумный эгоист – всюду один и тот же, в немецкой философии проблема единства исторического процесса рассматривается как перспектива исторического развития, движущегося к определённом финалу.

И. Кант рассматривал реальный процесс развития как осуществление и конкретизацию идеала прогресса и возникающего из него формального идеала царства свободы. Согласно Канту, история – это царство свободы и, в отличие от мира природы, действует по законам, в которых природа и свобода связаны друг с другом. Философия же есть система познания разумом, которая может содержать не только чистые априорные, но и эмпирические принципы²⁸. Поэтому исторический процесс Кант видел как процесс действительной воли, противопоставляющий разум напору чувственности и себялюбия. Исторический процесс вытекал из внутренних законов разума. Он означал нарастание целостного мира культуры, которое реализует лежащее в существе разума стремление к свободе в царстве нравственного, «себя самого признающего поощряющего разума».

Опираясь на теорию Канта, а также на учения Лейбница о восходящем прогрессе, превращающем неосознаваемое содержание разума в сознание и систематическое единство, взгляды Фихте о сущности единства противоположностей, разделяющих и снова восстанавливающих мир и жизнь в их единстве, на идеи Спинозы о полном присутствии универсума в каждой точ-

²⁸ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 5. Первое введение в критику способности суждения. – М.: Мысль, 1966.– С. 121.

ке действительности, Г. Гегель создал первую великую теорию исторической динамики.

«Все прочие теории исторического развития, - отмечал Э. Трельч, - выросли либо как отклонение от неё, либо как противоположное ей, но при этом они никогда не смогли устранить её полностью²⁹.

С позиций европоцентризма выводит Гегель и так называемый принцип снятия: народы-авангарды, воплощающие новейшую поступь истории в своём развитии, снимают всю предшествующую историю культуры и тем самым делают её ненужной. Соответственно, и теория авангарда: авангард монополизирует историю, ибо в нём воплощён мировой дух. Поэтому все остальные народы и культуры, не относящиеся к авангарду, не имеют права голоса в истории. Более того, их специфическая позиция может исказить проект истории, олицетворенной в деятельности авангарда. Отсюда деление народов на исторические и неисторические, имеющие и не имеющие права голоса в истории.

Следует отметить, что именно Гегель и его последователи Х. Бауэр, Б. Бауэр, Д. Ф. Штраус, Ф. Фишер, К. Фишер и др. заложили основы современных европоцентристских концепций исторического процесса, смысла истории.

Европоцентристскую концепцию истории развивает также немецкий философ Вильгельм Виндельбанд. Человечество творит себя само из рассеянных по планете народов и рас как сознающее себя единство. Это и есть его история. Он предлагает старую схему универсального общечеловеческого прогресса, выделяя среди трёх основных культурных групп - центрально-американской, восточноазиатской, средиземноморской – последнюю. Именно народы Средиземноморья создали в эллинизме основы науки, в римском

²⁹ Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М.: ЮристЪ, 1994. – С. 23.

мире – государственную организацию как основную форму социального общежития, в современный период – сформулировали универсальное сознание единства человечества.

Таким образом, говоря об общечеловеческом, В. Виндельбанд имеет в виду прежде всего европейскую традицию. Трагедия современности для него – в существующем противоречии между гармоничным идеалом античной культуры и специализацией в эпоху научно-технического прогресса, где перевес интеллектуального знания над гуманитарным приводит к обезличиванию и деградации культуры. В то же время он утверждает: «У нас всегда остаётся возможность хранить в нашем сознании чистое содержание всей культурной жизни человечества, идеала нашей истории и подчинять ему жизнь»³⁰.

Главной целью своих исторических исследований М. Вебер считал изучение особого характера западноевропейской культуры. Центральный вопрос его исторических размышлений можно сформулировать так: почему именно на Западе возник капитализм? Движущий фактор западной культуры М. Вебер увидел в протестантской религии. Пытаясь представить все доступные познания исторических связей, он пришел к выводу, что западная культура покоится на соединении греческого рационализма, римской правовой идеи и иудео-христианской духовности.

Не выходит за рамки старой схемы восхождение бесконечного прогресса к нравственной свободе и нравственному единству и универсальная история П. Наторпа. Мировая история – это бесконечная погоня логики за «идеей», которая никогда не есть, но всегда только становится.

Выдвинутые западноевропейскими философами теории рационализма, прогресса, модернизма сформировали в историческом сознании представление о том, что передовой тип социального (экономического, социального и

³⁰ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – М.: ЮристЪ, 1995. – С. 139.

политического) развития и передовой тип европейского общества должны выступить для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования (теория модернизации).

Сформировавшееся в западной Европе научное мировоззрение рационализма переживает глубокий кризис. Уже в конце XVIII века. Великая французская революция поставила под сомнение учение о рационализме французского Просвещения. На ужасы якобинского террора послереволюционная Франция ответила романтической рефлексией. Представители романтизма (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье, Ж. Мишле и др.), заявив о себе как о философско-эстетической теории, выступили против рационализма и холодной рассудочности Просвещения. Просвещению была дана оценка как деструктивного явления во французской истории.

Суть современной проблемы рационализма состоит в том, что индустриальная цивилизация, породив гигантски мощную технонауку, инициировав безудержный планетарный научно-технологический процесс, идеологию эконоцентризма и безудержного потребительства, не создала прочной нравственно-мировоззренческой основы, которая позволила бы всем творениям современной эпохи гарантировать человечеству достойное будущее, перспективу сохранения планетарного социума в мире. Любая стратегия, любые планетарные действия индустриальной цивилизации, направляемые системой доминируемых ныне нравственных, мировоззренческих, интеллектуальных начал, сопряжены с экзистенциальным риском и не могут считаться обнадеживающими.

Как справедливо отмечает А. Тойнби, человечество сегодня потеряло чёткие ориентиры и «не видит пути в будущее», его ожидают либо самоликвидация, либо исчезновение личности в тоталитарном мировом режиме. Че-

ловек, поработанный техникой, утратил духовную и нравственную самобытность³¹.

Ёмкую оценку кризисного состояния рационализма дал академик Иван Тимофеевич Фролов, главным в своей жизни считавший философию. Это была сфера его размышлений о человеке, его проблемах и перспективах. «Философия, - писал он, - любовь к мудрости. А мудрость – соединение разума и нравственности. Но люди не проявили мудрости, и в итоге достижения и результаты деятельности разума поставили их перед лицом смертельных угроз и опасностей»³². Поставив перед собой задачу осмыслить те изменения, которые происходят в самой науке и её взаимоотношении с человеком и обществом, И. Т. Фролов в качестве результата практического применения научных знаний называет освоение атомной энергии, выход в Космос, информационную революцию, освоение новых материалов и многое другое. В то же время он особо подчёркивал, что благодаря науке человек стал обладателем таких мощных сил, которые позволяют ему и создать отвечающий его требованиям «мир человека», и уничтожить цивилизацию. Чтобы наука никогда не была использована против человека, необходимо рассматривать науку не саму по себе, а в связи с теми целями, для достижения которых и используется научное знание. Если этой целью является благо человека, наука приобретает гуманистическую ориентацию. Исходной идеей здесь должна стать идея «единства науки и гуманизма»³³. Интерес человека в том, чтобы новый гуманизм «воплотился в жизнь, стал ведущей духовной силой прогресса человечества»³⁴. В то же время Ивану Тимофеевичу Фролову был

³¹ Toynbee F. *Surviving the Future*. – London, 1971. – С. 154.

³² Цит по: Келле В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И. Т. Фролова // *Вопр. филос.* – 2009. – № 8. – С. 3.

³³ Цит по: Келле В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И.Т. Фролова // *Вопр. филос.* – 2009. – № 8. – С. 6, 7.

³⁴ Академик Иван Тимофеевич Фролов. *Очерки, воспоминания, материалы* / Г. Л. Белкина, В. И. Игнатъев, Е. Д. Фролова, М. Г. Фролова; под ред. Г. Л. Белкиной. – М.: Наука, 2001. – С. 567.

чужд сциентизм с его убеждённой во всемогущество науки и равнодушием к ценностям гуманизма. Лишенный всякой духовности разум, - отмечал И. Т. Фролов, - безразличен к добру и злу, у него элиминировано нравственное чувство, он беспощаден и страшен. Фантастические образы машинной цивилизации чудовищны именно вследствие полной бездуховности. Человек будущего, - по его убеждению, - это не просто Homo Sapiens, а Homo Sapiens et Humanus, т. е. человек разумный и гуманный, а значит, нравственный; общество будущего – демократическое и гуманное; наука, обращенная к человеку, – наука гуманизированная³⁵.

Условия существования человечества в век глобализации не располагают учёных к принятию тех идей рационально спроектированного, благополучного будущего, которое вдохновляло мыслителей Просвещения. Социальные аналитики века постиндустриализма не лелеют больше надежд на возможность избавления от всего того, что мы ощущаем в социальных реалиях этого века как тревожащие, беспокоящие, раздражающие. Относительно шансов преодоления неопределённости модерн-экзистенции почти все социальные аналитики нашего времени являются пессимистами: все они в той или иной форме признают, что неопределённость модерн-экзистенции – это следствие безудержной интенсификации планетарного научно-технического активизма. Глобальные процессы, происходящие ныне в сфере знания, науки, информации, вряд ли в состоянии устранить неопределённость человеческого существования. По этой причине надежды социальных философов, возлагаемые на стабилизирующую мощь названных сфер, в XXI веке всё чаще воспринимаются как самонадеянные и безответственные³⁶.

³⁵ Цит по: Келле В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И.Т. Фролова // Вопр. филос. – 2009. – № 8. – С. 7-8.

³⁶ Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и культура эко-будущего // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 61.

Следствием глобального системного кризиса является кризис европоцентристского миропорядка.

Кризис окончательно поставил точку на периоде господства евроцентристского, или западнцентристского миропорядка. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что кризис также окончательно поставил точку на символе глобализации – так называемом «Вашингтонском консенсусе», возможно, и на англосаксонской модели рыночной экономики. Ведь не случайно Вашингтонский консенсус был сформулирован на фоне эйфории относительно так называемого «конца истории» в результате якобы полной и окончательной победы западной либеральной модели общественно-политического устройства современного мира³⁷.

Еще до недавнего времени на Западе преобладала убежденность в том, что глобализация приведет к повсеместному торжеству либерально-демократических ценностей и институтов. Это дало возможность утверждать, как это делал Ф. Фукуяма, что «... существует лишь одна система, которой предстоит продолжать доминировать в мировой политике, а именно – либерально-демократический Запад... Время на стороне современности, и я не вижу причин, почему США не будут господствовать»³⁸.

В этом контексте весьма характерны слова М. Лернера, который также восхвалял превосходство Америки над остальным миром: «Америка есть... совершенно самостоятельная культура с торжеством собственных характерных черт, со своим образом мыслей и схемой власти, культура, сопоставимая с Грецией или Римом как одна из великих и независимых цивилизаций в мировой истории»³⁹.

³⁷ Гаджиев К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // *Вопр. философии*. - 2010. - №.6. – С. 45.

³⁸ Fukuyama F. The West has Won: Radical Yslam can't Devaocracy and Capitalism // <http://www/guardian.co/uk>.

³⁹ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: пер. с англ. – М.: Радуга, 1992. – С. 77.

Однако по мере развертывания глобализации становится все более очевидной чрезмерная самоуверенность столь категоричных суждений. По признанию Л. Штраусса, - «Ошибка наших представлений состоит в предположении, что весь мир будет следовать за Западом по пути процветания западными методами. Этого не случилось. Считалось, что полное соблюдение прав человека дает ему возможность свободно развиваться и все будут поступать так же, а значит, будут равны, что прогресс обеспечивает все большее процветание, а оно – все большую свободу и справедливость, что этот прогресс ведет к обществу всеобщего равенства, к всемирной Лиге свободных и равных наций, состоящих из свободных и равных людей. А так как существование какой-либо группы свободных и процветающих стран длительное время невозможно, следует добиться процветания каждой страны и всего мирового сообщества. Сохранение Западной демократии обеспечивается демократизацией остального мира («глобальная демократия»). Однако действительность оказалась сложнее предположений неолиберальных идеалистов середины века»⁴⁰.

Конец европоцентристского миропорядка обусловлен широкомасштабными изменениями, происходящими в мире под влиянием современного этапа глобализации.

В современном мире происходят глубокие процессы, которые разрушают сложившиеся правила взаимоотношений между государствами на международной арене, размывают социокультурные ценности. В первую очередь к ним нужно отнести проницаемость государственных границ и как следствие этого – широкомасштабное рассредоточение богатства, собственности, науки, информации, технологий между регионами и государствами. Эти процессы современного этапа глобализации сводят на нет любые возможности осуществления контроля над мировыми событиями из какого - либо одного цен-

⁴⁰ Strauss L. Political and Crisis of our Time // The Post – Behavioral Era. Perspectives on Politica Science. – N. – Y., 1972. - P. 220.

тра. «Фактически мы имеем дело с исчезновением с мировой геоэкономической и геополитической авансцены самого феномена сверхдержавности в традиционном его понимании... похоже, что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений»⁴¹.

Равновеликое значение для мировых процессов приобретают разные центры силы. Для американской гегемонии наиболее реальной представляется опасность с азиатской стороны. Страны азиатского региона проявляют высокую степень солидарности в своем стремлении изменить расстановку сил на международной арене и выступить на ней в качестве стороны, задающей тон и правила игры. Китай, Индию, Японию, Южную Корею, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Малайзию и др. объединяет то, что им претит повсеместное утверждение западного образа жизни, ценностей и идеалов. Их объединяет стремление сохранить свою культурную идентичность⁴².

Фарид Закария, автор бестселлера «Пост-американский мир», вышедшего в 2008 году и посвященного закату Америки, считает, что современным трансформациям предшествовали «три тектонические силы перемен», которые за последние пятьсот лет обусловили фундаментальные изменения международной жизни – ее политики, экономики и культуры.

Первой такой силой автор считает подъем Западного мира, начавшийся в XV столетии и драматически ускорившийся в конце XIX столетия. «Этот процесс, - отмечает Ф. Закария, - как мы знаем, создал модерн: науку и технологию, торговлю и промышленную революцию. Он также создал продолжающееся политическое господство народов Запада. Второе изменение, которое имело место в последние годы XIX столетия, был подъем Соединенных Штатов. Вскоре после индустриализации Соединенные Штаты становят-

⁴¹ Гаджиев К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопр. философии. – 2010. - № 6. – С. 5.

⁴² Степанянц М.Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопр. философии. – 2009. - № 7. – С. 36, 37.

ся самой могучей нацией со времен Римской империи... И особенно за последнее столетие Соединенные Штаты стали господствовать в глобальной экономике, политике, науке и культуре. За последние двадцать лет это господство стало внеконкурсным, феномен беспрецедентный в современной истории. Теперь мы живем внутри третьей великой силы изменений современной эры. Ее можно было бы назвать «подъем остальных» (the rise of the rest). За несколько минувших десятилетий страны всего мира переживали экономический рост, который был совершенно немислим...Этот рост особенно очевиден в Азии...Это изменение можно назвать «подъем Азии»⁴³.

Важным моментом в ослаблении могущества США явилось ослабление их финансового могущества. Ф. Фукуяма в статье «Крах корпорации» Америка (2008 г.) признал, что Китай и Индия стали экономическими колоссами, другие экономические модели тоже становятся все более привлекательными, и в целом бренд «Америка» подвергается жесткой проверке на прочность. И хотя любые попытки предсказать экономическое будущее Америки дело крайне неблагодарное и никчемное, факт начала существенного экономического переустройства мира остается неоспоримым. Неудивительно, что в наши дни ее пошатнувшееся экономическое величие делает вопрос о притязании США на господство в цивилизации особенно интригующим⁴⁴.

«С 1991 года мы живем под Американской империей, - отмечает Фарид Закария, - в единственном однополярном мире, в котором открытая глобальная экономика драматически расширяется и ускоряется...На политико - военном уровне мы остаемся в мире единственной сверхдержавой. Но в каждом другом измерении – промышленном, финансовом, образовательном, социальном, культурном – распределение власти переходит, движется прочь от Американского господства. Это не значит, что мы вступаем в антиамерикан-

⁴³ Zakaria Farid. The Post- American World. – N. – Y.; London, 2008. - P. 1, 2.

⁴⁴ Извеков А. И. Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется // Вопр. философии. – 2010. - № 1. – С.46.

ский мир. Но мы движемся к постамериканскому миру, который определяется и направляется из многих мест и многими народами»⁴⁵.

В таких условиях, чтобы оставаться единственной сверхдержавой, Соединенные Штаты все эти годы наращивали свое экономическое, финансовое, научно-техническое, военное и культурное могущество. И если на военно-политическом уровне Америка господствует в мире, то широкая структура однополярности – экономическая, финансовая, культурная – ослаблена. Полярность не является бинарным условием. Мир не будет однополярным на десятилетия, и он однажды внезапно изменится и станет биполярным или многополярным⁴⁶.

В то же время, по мнению К. С. Гаджиева, «Конец евро-центристского мира отнюдь не означает, что Запад в целом и США в частности канут или уже канули в Лету и на их смену приходит или уже пришел восточноцентристский мир (по формуле *ex Oriente lux* – свет исходит с Востока). Просто наряду с ними возникают новые равновеликие им центры экономической и военно-политической мощи. Об этом свидетельствует, в частности, стремительное восхождение Китая, Индии, Бразилии... В итоге радикальное отличие нового миропорядка от прежнего евро центристского состоит в том, что он основывается не на одной, а на нескольких равновеликих несущих конструкциях в лице Запада и Востока, Юга и Севера»⁴⁷.

Постоянные усилия, направленные на достижение выверенного политического прогнозирования, демонстрируют в первую очередь США. Исследуя эту проблему, М. Т. Степанянц показывает что американский Национальный разведывательный совет неустанно ведет работу по обновлению и пересмотру прогнозов в соответствии с изменениями в ситуации. На основании консультаций с независимыми экспертами со всего мира в 1997 году Совет под-

⁴⁵ Zakaria Farid. The Post American World. – N. - Y. – P. 4, 5.

⁴⁶ Ybid. P. 218.

⁴⁷ Гаджиев, К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопр. философии. – 2010. - №. 6. – С.17.

готовил доклад «Мировые тенденции – 2010», через три года - доклад «Мировые тенденции – 2015», а в 2004 году – «Контурь мирового будущего: доклад по «Проекту -2020». Не располагая более свежими данными (а то, что деятельность в том же направлении не прекращается, не вызывает никакого сомнения), сошлемся на выводы «Проекта -2020».

В указанном докладе формулируется концепция четырех предполагаемых сценариев, где описаны «возможные миры», на пороге которых мы можем оказаться в зависимости от того, какая из тенденций возьмет верх и как они будут взаимодействовать друг с другом.

Первый сценарий. Неуклонный и стремительный экономический рост ряда ранее отстававших стран, в первую очередь Китая и Индии, изменит направления процессов глобализации, которая станет менее вестернезированной. Изменится расстановка сил на политической арене: привычные дихотомии «Запад – Восток», «Север – Юг», «развитые страны - развивающиеся страны» будут упразднены.

Второй сценарий. США удастся сохранить доминирующую роль в формировании всеобъемлющего мирового порядка.

Третий сценарий. Всемирное движение за создание «Нового халифата», опирающееся на радикальный ислам, бросит сокрушительный вызов западным нормам и ценностям, станет фундаментом новой мировой системы.

Четвертый сценарий – «Кольцо страха». Повсеместное ощущение опасности, вызванное ростом терроризма, организованной преступности, торговли оружием, кибернетических атак, расползанием оружия массового уничтожения. Страх рождает страх. Обеспокоенность, в первую очередь, распространением оружия массового уничтожения может повлечь за собой крупномасштабные превентивные интервенции (вроде той, что наблюдается в Ира-

ке), оправдываемые необходимостью предотвращения смертоносной угрозы⁴⁸. Результатом интервенций может стать создание оруэлловского мира.

Американские разработки сценариев будущего сосредоточены преимущественно на факторах экономического, военного и политического характера⁴⁹.

Можно вполне согласиться с А. И. Извековым, утверждающим: «Мир необратимо вступил в новую, пока еще никем не изведенную фазу динамического переустройства, в которой практически не остается места для какого бы то ни было «вселенского» центра, из которого можно было бы руководить переменами. Де-факто мир оказался неподвластным любому самопровозглашенному центру, равно как любые попытки провозгласить себя центром мира не имеют более на то достаточно легитимных оснований. Вслед за закатом эры Великих культур заканчивается и эпоха великих центров мировой цивилизации...»⁵⁰.

1.3. Проявление глобального системного кризиса в форме частных системных кризисов

В процессах современного этапа глобализации, начавшихся в конце XX века и к началу XXI века приобретших особую интенсивность, проявившуюся в формах экономической, политической, социальной и культурной интеграции, обнаруживаются глубинные противоречия, переросшие в глобальный системный кризис, который, по сути, является социокультурным. Как отмечают немецкие исследователи Г.П. Мартин и Х. Шуманн, «назревает экономическое и социальное потрясение неслыханных масштабов»⁵¹.

⁴⁸ Степанянц М. Т. Восточный сценарий глобального мира // Вопр. философии. – 2009. - № 7. - С. 36.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Извеков А. И. Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется // Вопр. философии. – 2010. - № 1. – С. 47.

⁵¹ Мартин Г. П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию: пер. с нем. – М., 2000. – С. 142, 143.

Системный по своему содержанию глобальный кризис проявляется в форме частных глобальных кризисов.

Глобальный экономический кризис

Великая депрессия 1930-х годов охватила в основном Западную Европу и Северную Америку, лишь косвенно затронув основной мир. То же самое можно сказать и о кризисе 1975 года. Предвестником современного кризиса можно считать финансовый кризис 1997-1998 годов, который впервые в истории начался за пределами евроатлантического мира, а именно с финансовых неурядиц в Южной Корее. Главный его удар пришёлся по ряду стран постсоветского пространства. Нынешний кризис, начавшийся в США, моментально распространился по всему земному шару⁵².

Исследователи нынешнего экономического кризиса, изучая причины, формы и основные составляющие экономического характера, приходят к выводу, что экономический кризис представляет собой частный случай более масштабного явления, затрагивающего все стороны жизни людей. В первую очередь это переход глобализации к качественному новому этапу экспансии Запада. На этом этапе увеличивается проницаемость государственных границ в глобальном масштабе, что ведёт к широкомасштабному рассредоточению собственности, богатства, знаний, науки, технологий, информации. Эти процессы подрывают основы социокультурных ценностей, стереотипов поведения, сводят на нет возможности контроля над происходящими в мире событиями из какого-либо одного центра.

«Фактически мы имеем дело с исчезновением с мировой геоэкономической и геополитической авансены самого феномена сверхдержавности в традиционном его понимании»⁵³ - отмечает К.С. Гаджиев. Во вторую оче-

⁵² Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // *Вопр. философии.* – 2010. – № 6. – С. 3, 4.

⁵³ Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // *Вопр. философии.* – 2010. – № 6. – С. 3, 4.

редь, формируются и приобретают важное значение для мировых процессов разные взаимозависимые центры сил. Появляются новые формы сотрудничества и конкуренции, консенсуса и конфликта и т. п. Происходит как бы раздвоение мира; развивается единая ось мирового сообщества. Формируется транснациональный глобальный мир, где сужается суверенитет национального государства, в то же время расширяется круг участников мировой экономики и политики от крупных экономических организаций, промышленных корпораций транснациональных банков до широкомасштабных политических движений внутри отдельных стран, таких как исламские фундаменталисты, террористические организации, антиглобалистское движение и т. п. Возрастает вес и влияние малых стран, располагающих серьёзным научно-техническим и финансовым потенциалом.

Таким образом, речь идёт о многоплановом подходе к рассмотрению современного экономического кризиса как элемента общего, глобального системного кризиса. «Выходя за пределы экономики, т. е. делая ещё один шаг к экстернальному пониманию, мы обнаруживаем, что в более широком контексте экономические кризисы – это социальные кризисы»⁵⁴.

Глобальный политический кризис

Специфика нашего века состоит не столько в ставшей ныне очевидной глобализации социального, экономического, информационного и других процессов, сколько в отказе от устаревшего способа организации мирового сообщества. Мировой социум претерпевает сложнейший комплекс глобальных трансформаций, преобразующих его в мегаобщество с весьма проблематичным будущим. Исторический процесс становления такого мегаобщества не может не изменить господствующие пока представления о мировом социуме, гражданстве, праве, политической власти, международных отношениях. Этот процесс всё более ощутимо влияет на логику поведения тех, кто

⁵⁴ Цофнас А.Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопр. философии. –2009. – № 11. – С. 55.

принимает стратегические решения, касающиеся процесса формирования будущего мирового социума. Однако процессы глобализации зачастую вступают в противоречия с национально-государственными интересами, главными из которых выступает защита интересов своих граждан. Что касается собственно суверенного государства, то оно есть нечто «замкнутое», «вещь в себе» (даже если проводит политику автаркии). Ведь окружающий мир повёрнут к суверенному государству различными своими сторонами, и государство реагирует на процессы, происходящие в мировом сообществе, в соответствии со своими правильно или ложно истолкованными интересами.

Процесс глобализации (во всяком случае, в его нынешнем виде) расставляет на международной арене отдельные страны далеко не одинаково по отношению к его общей тенденции. Достаточно указать на различие в объективном положении государств исходного базирования ТНК, с одной стороны, и государств-реципиентов — с другой.

Итогом глобальных стратегий в конечном счёте становится формирование интегрированной международной торгово-индустриальной системы, по сравнению с которой национальные территории и государства выступают как второстепенные. Структура этой системы включает в себя: международные режимы, институты и организации. Они формируют нормы и добиваются своих целей. С большей или меньшей степенью добровольности правительства уступают им часть суверенитета. О какой наднациональной власти в этом случае идет речь? Это международные организации (МВФ, Всемирный банк, ВТО). Не забудем, однако, за каждой из них стоит несколько наиболее могущественных государств, а сама «наднациональность» имеет весьма прочную национальную почву, ограниченную кругом немногих государств-участников, которые и «заказывают музыку»:

субгосударственные региональные акторы (федеральные земли, регионы, кантоны) все чаще и шире действуют в интернациональных и трансна-

циональных масштабах, не прибегая постоянно к посредничеству правительств. «Нерегулируемый регионализм» ослабляет эффективность государственного регулирования;

сети общественных акторов (неправительственные организации) охватывают земной шар и превращаются в политическую силу, с которой приходится серьёзно считаться;

гибридные образования (государственно-частно-общественные группы) играют возрастающую, опосредующую роль и опробуют новые формы управления.

Однако бесспорно, что доминирующий элемент во всей сложной структуре процесса глобализации – это могущественные государства, которые фактически и управляют наднациональными экономическими институтами.

То, что некоторые учёные воспринимают как глобальную цивилизацию или путь к единой культуре, лучше определять как своего рода экономический консорциум, в котором доминируют близкие ТНК, а продвижению их интересов способствуют агентства, в роли которых выступают ВТО и МВФ. Более того, национальные культуры и национальные границы остаются в мире первостепенными. Ни технологический прогресс, ни либерализация внутренней экономической политики не могут быть успешными без поддержки сильных правительств.

Несколько утрируя эту мысль, можно было бы сказать, что один из главных факторов глобализации - это национально-государственная политика нескольких наиболее могущественных в экономическом отношении стран - политика, использующая их технико-производственное могущество для продвижения на мировой арене интересов ТНК и попутно для вербовки в этих интересах себе партнёров или вассалов среди других стран - в зависимости от уровня и характера их развитости.

Этот и другие глобализационные процессы, влекущие цепь необратимых процессов, остро ставят вопрос: все ли национальные государства, где бы они не находились – в Азии, Европе, Африке или Америке, способны самосохранить себя в новом мироустройстве. Проблема самосохранения национальных государств может оказаться неразрешимой, если элиты национальных государств не подвергнут самым тщательным исследованиям последствия нынешнего взрыва глобализационных процессов.

Глобальный экологический кризис

XXI веку уже дана характеристика как эпохи глобального разрушения окружающей среды. Крайне обострены экологические проблемы: изменяется климат, разрушается озоновый слой, исчезают биоресурсы, продолжается беспрецедентное увеличение загрязнения окружающей среды⁵⁵. Многие процессы, происходящие в формирующемся мире, не локализуется в границах какого-то отдельного национального государства, региона, материка, а в кратчайшие сроки превращаются в транснациональные, всеобщие, надэтнические, планетарные, глобальные.

Эти экологические процессы сегодня обозначаются как мегариски, мегаопасность, мегаугрозы (ядерные, химические, биогенетические, экологические, социально-экономические, экзистенциальные). Производство этих рисков приобретает индустриальный масштаб, что «ставит под знак вопроса экобудущее мирового социума. Под нарастающим процессом этого производства его эволюция становится всё более непредсказуемой, неопределённой, негарантированной»⁵⁶.

Сегодня ряд исследователей обращает внимание на то, что нынешний кризис является не столько экологическим, сколько аксиологическим.

⁵⁵ Дилемма глобализации. Социум и цивилизации: иллюзии и решения. – М.: Вариант, 2002. – С. 294.

⁵⁶ Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 57.

Суть его состоит в том, что индустриальная цивилизация, породив гигантски мощную технонауку, инициировав безудержный планетарный научно-технологический активизм, идеологию экономоцентризма и безудержного потребительства, не создала прочной нравственно-мировоззренческой основы, которая позволила бы всем творениям нашей эпохи гарантировать человечеству достойное эко-будущее, перспективу самосохранения планетарного социума в мире. Любая стратегия, любые планетарные действия индустриальной цивилизации, направляемые системой доминирующих ныне нравственных, мировоззренческих, интеллектуальных начал, сопряжены с экзистенциальным риском и не могут считаться обнадеживающими⁵⁷.

Природа поставила предел реализации такой системы ценностей – как общей для всего человечества. Предел в виде глобальных экологических проблем. Жизненный мир... уже никак не имеет права оставаться таким же... - со всеобщей ориентацией на консюмеризм, в котором неограниченно растущие материальные потребности якобы должны непременно – независимо от их разумности и соответствия возможностям природы – удовлетворяться⁵⁸. Не менее опасна и каннибалистская идея «золотого миллиарда»: один миллиард людей спасётся, а остальные пять окажутся только средством для их благополучного проживания. Эти пять миллиардов ни за что не примирятся с тем, чтобы удобства цивилизации оплачивались неудобствами всех живущих на её периферии. Таким образом, природа больше не хочет мириться с обществом потребления, она вынуждает нас осознать, что с прежними идеалами жизни неизбежно придется расстаться. Вот почему в условиях кризиса нельзя забывать о наиболее фундаментальной задаче – необходимости выработки и принятия новой системы ценностей⁵⁹.

Глобальный социальный кризис

⁵⁷ Там же. – С. 49.

⁵⁸ Цофнас А. Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопр. философии. – 2009. – № 11. – С. 58.

⁵⁹ Там же. – С. 59.

Предание забвению идеи социального государства, резкая поляризация обществ на сверхбогатые и очень бедные усугубляет бедность большинства стран третьего мира которая порождена колониальной политикой стран Запада и варварским способом эксплуатации материальных и людских ресурсов целых континентов. Так понимает глобализацию С. А. Проскурин: «Глобализация в современной её модели разрывает традиции прогресса. Гуманисты прошлого, просветители XVIII века считали, что светлые лозунги о свободе, равенстве и братстве будут реять над всей землей, что светлое будущее – перспектива всех народов. Идеологи современного глобализма эту перспективу предполагают только для «золотого миллиарда». Основная же масса людей в мире лишается такого идеала, и ей уготовлена участь быть бедными и отсталыми»⁶⁰. Он полагает, что формирование глобальной экономики в современном виде привело к резкой поляризации экономических субъектов. Сложилась такая обстановка, в которой рычаги управления экономикой, прежде всего финансовые, сконцентрированы в наиболее развитых странах во главе с США. В свою очередь, отрасли, обеспечивающие производство с наименьшей добавленной стоимостью, экологически вредные и ресурсозатратные, находятся в зоне развивающихся стран. При таком разделении труда страны периферии обречены на усиливающееся отставание, на вечную роль ресурсной кладовой и дешевой рабочей силы. По мнению А. А. Громько, «глобализация углубляет пропасть между Западом и Востоком. Новый мировой порядок устанавливается силой... идёт схватка алчности со стремлением миллионов людей к выживанию»⁶¹.

Отмечается рост девиантного поведения, ухудшение здоровья людей, сокращение продолжительности жизни населения, рост преступности,

⁶⁰ Проскурин С. А. Глобализация как фактор поляризации мира // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 4. – С. 64.

⁶¹ Громько А. А. Становление нового мирового порядка. США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 11; См. также: Лужков Ю. М. Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России. – М.: МГУ, 2003; Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход. – М., 2002; Косолапов Н. Глобализация, миропорядок XXI века и Россия. – М., 2001.; Ивашов Л. Х. Россия и мир в новом тысячелетии. – М., 2000 и др.

коррупции, разрастание правового нигилизма, наркопорнобизнеса, утрата трудовым народом прав на труд, бесплатное образование, пользование достижениями культуры, медицины и т. д.

Глобальный культурный кризис

Произошло разложение морали, падение нравственности, духовности моделей. Произошло, говоря словами автора «биологизаторской теории» народонаселения П. Сорокина, относящимися к оценке влияния войны и революции и их следствия, «... оголение человека от своего костюма культурного поведения... Объявляя ...моральные, правовые, религиозные и другие ценности и нормы поведения «предрассудками», они тем самым: уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают необузданные проявления чисто биологических импульсов; прямо укрепляют последние; прямо прививают «антисоциальные», «злостные» акты, создавая нищету и голод, они (имеются в виду войны и революции - А. Л.) тем самым усиливают в поведении этот стимул, толкающий голодных к нарушению множеств норм морали и права... «биологизируют» поведение людей в квадрате»⁶².

Произошло крушение нравственных ценностей, насаждение американских стандартов культуры, снижение общей образованности, упадок национальной культуры и физическая и моральная деградация личности.

На смену таким понятиям, как коллективизм, патриотизм, пришли другие «великие идеи» неолиберализма, точнее - их суррогаты: ложно понимаемая личная независимость и индивидуальное благополучие, эгоизм, культ наживы оказались чрезвычайно привлекательными и стали доминирующими. Смена ценностных ориентаций и деградация культуры увеличили смятение в обществе. Сбитые с толку люди начали искать утешение в иррациональном, усилилась пропаганда мистики, возросли пессимистические настроения раз-

⁶² Цит. по: Гришаев С. В. Запад: правда и вымыслы о населении СССР. – Красноярск: КГУ, 1992. – С. 18, 19.

ного толка - о «конце света», «непознаваемости будущего». Даже некоторые историки стали обращаться из конъюнктурных соображений к мистификации истории⁶³. Непоследовательность и противоречивость преобразований создали в обществе предельное психологическое напряжение. «Новая реальность лишила многих людей духовности... разрушила всё, чему они верили и чему служили,... - отмечалось в комментарии редакции журнала «Свободная мысль». - Многие просто устали от повседневной борьбы за существование, от очередей, от хамства, от скачущих цен, от политических и экономических комбинаторов, от постоянного присутствия в обществе атмосферы идей ненависти и насилия, реванша и реставрации, межнациональной розни»⁶⁴.

Особенностью проявления кризиса стал рост религиозной нетерпимости. Конфессии начали растаскивать по национальным квартирам, начался делёж духовного пространства. Возникли десятки новых религиозных движений, так называемая нетрадиционная религия - от неоориенталистских групп - до скандально известных групп, возникших на Западе («Дети Бога» Д. Берга). Всего за несколько лет они громко заявили о себе в средствах массовой информации. Ряд учёных, публицистов расценивают их как наглядное свидетельство демократичности общества, творчества свободы совести, другие - как религиозно - культурную экспансию чужеродных сил⁶⁵.

Анализируя сегодняшний кризис культуры, следует отметить, что нынешний кризис культуры – это культурная катастрофа, обрушение связей между ценностями культуры и ориентациями личности. И в этой катастрофе гибнет не только культура, но и человек как культурное существо. «В этом подлинная причина смерти человека» - в распаде его сущности на осколки,

⁶³ Когда рушатся империи... // Вопр. истории. – 1994. – № 7. – С. 165, 166.

⁶⁴ На берегу новой реальности. Комментарий // Свободная мысль. – 1991. – № 17. – С. 4,5.

⁶⁵ См., например: «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России /«круглый стол»/ // Вопр. философии. – 1996. – № 12. – С. 4,5,7.

из которых «жажда жизни», ползая на коленках, пытается собрать муляжи существования»⁶⁶.

Истоки трагедии европейской культуры заключаются в нарастании конфликта между универсальностью культурных ценностей и универсальностью жизненной судьбы индивида. Мыслимо ли удержать культурные ценности как необходимое условие существования культурного человечества в непрерывном потоке изменений? «В том-то и мучительность этой проблемы, - писал Н. А. Бердяев, - что движение «вперед» - это движение в «никуда», если вечные ценности помещаются в ряд с переходящими интересами, уравниваясь с ними, а то и уступая им верховенство»⁶⁷.

Геополитический кризис

Согласно А. Тойнби основу исторического существования человечества составляют совокупности дискретных единиц социальной организации. Человек – составляющая часть этноса (цивилизации). Глобализация нарушает равновесие сложившихся этносов – образуется некая единая глобальная система, объединяющая «общечеловеков», порывающая с историчностью, с памятью о прошлом. Эта система не только неустойчива, но ведёт к разрушению антропосферы и угрожает существованию человека как вида⁶⁸.

Если говорить о России, то распад СССР привёл к огромным потерям в геополитическом плане - Россия потеряла половину завоёванных ею за всю историю территорий: Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию, Крым. Россия потеряла статус великой державы мира и вернулась к границам XVI - XVII века. В лице ослабленной России западные державы предельно цинично начали стремиться приобрести послушного и бесправного поставщика сырьевых и людских ресурсов.

⁶⁶ Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). – М.: Канон +, 2008. – С. 426.

⁶⁷ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. О русских классиках. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 144, 145.

⁶⁸ Мясникова Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопр. философии. – 2002. – № 7. – С. 6.

Таким образом, системный, по своему содержанию, кризис проявился в форме частных глобальных кризисов: экономическом, политическом, социальном, экологическом, культурном, геополитическом. Их необходимо рассматривать как систему, в основе которой лежит кризис аксиологический или «антропологические болезни, а точнее болезни культуры, кризис человеческого в человеке. Мы стоим перед острой необходимостью решительно переосмыслить сам смысл пребывания человека на Земле»⁶⁹.

1.4. Кризис фундаментальных оснований человеческого бытия

Современный глобальный системный кризис имеет особую природу. Он относится не только к конкретным формам социально-экономической жизни и культуры, но и к фундаментальным основаниям человеческого бытия как такового.

Глобальный кризис затронул всю систему базовых жизненных целей, ценностей и смыслов, определяющих представления людей о том, кем они являются и к каким человеческим общностям должны принадлежать.

Современность ставит под сомнение исторически сложившиеся представления о человеке и человеческой природе. Все это неизбежно проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

Проблема идентичности является одной из самых дискутируемых проблем в общественной мысли, философии, культуре. Она рассматривается как порождение глубоких противоречий между долгими веками архаического общежития, модернизационным рывком XVII–XX столетий и культурным кризисом постмодерна⁷⁰.

⁶⁹ Цофнас А. Ю. Аспекты понимания финансового кризиса. – С. 58.

⁷⁰ Рашковский Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Вопр. философии. – 2011. - № 6. – С.33.

Формирование кризисной ситуации, как показано в книге под редакцией В.А. Лекторского⁷¹, идёт по двум направлениям. С одной стороны, экспансия технологии на уровне нанообъектов, клонирование, генная инженерия ставят на повестку дня изменение фундаментальных свойств человеческой телесности. В условиях всеобщей компьютеризации трансформируются и духовные связи человека с миром: он обретает новую виртуальную реальность, а часто и некое виртуальное Я.

С другой стороны, чрезвычайно мощным генератором кризисных явлений стал современный этап глобализации. Его характерные черты – невиданная доселе плотность межкультурных взаимодействий при одновременном смещении всех параметров социальной и социокультурной идентификации. При этом некоторые глобальные игроки пытаются навязывать всем остальным единую (свою собственную) ценностно-смысловую систему, нивелирующую исторически сложившиеся особенности национальных культур. И это делает современный мир чрезвычайно неустойчивым и конфликтным. «Формально речь идёт о всеобщей унификации существующих правил и норм, о переходе к единой глобальной системе ценностей»⁷².

Идентификация определяется как высшая форма социализации, способ связи человека с коллективными сущностями своей истории, акт отождествления себя с главными ценностями и святынями ядра своей культуры. Идентификация – один из самых фундаментальных феноменов человеческого духа в человеческой истории, вырастающий из всей истории и культуры страны⁷³. Идентификация реализует потребность в ощущении глубоких исторических корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия. Без истории

⁷¹ Лекторский В. А., Кузьмин М. Н., Артеменко О. А., Баграмов Э. А., Гараджа В. И. Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе и школе. – М.: ИППО, 2008.

⁷² Чубайс И. Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ // Вопр. философии. – 2002. - № 10. – С.43.

⁷³ Козин Н. Г. Идентификация. История. Человек // Вопр. философии. – 2011. - № 1. – С.37.

мы не намного больше, чем просто ничто⁷⁴. Ведь «настоящее – всего лишь поверхность, почти не имеющая толщи, тогда как глубинное – это прошлое, сложенное из бесчисленных настоящих, своего рода слоеный пирог из моментов настоящего»⁷⁵.

С того времени, когда Цицерон предложил формулу *historia magistra vitae* (история – наставница жизни – лат.), было дано множество различных ответов на вопрос, в чем состоит назначение истории. Наиболее убедительным все еще остается утверждение, что наша идентичность находится в прошлом. Философы, начиная с Локка и психологи, начиная с Фрейда почти единодушно согласны с тем, что на вопрос, кто мы суть, лучше всего отвечает рассказ об истории нашей жизни в качестве *historia rerum gestarum* (история деяний) и в особенности наша память об этой истории в качестве *res gestae* (деяние). По утверждению Ф.Р. Анкерсмита, идентичность нации, народа или социального института находится в их прошлом, и если мы хотим постичь их идентичность, нам следует прежде всего написать их истории. «История, и только история, предоставит политическим и социальным институтам доступ к их собственной идентичности»⁷⁶.

Общество, теряя в себе историю, свою историческую идентификационную сущность, теряет себя в истории, свою социальную идентификационную сущность. Общество с разрушенной идентичностью перестает задавать вопросы самому себе, ибо лишается центров социального самосознания. Идентификационный кризис рождает такие идентификационные мутации общества в истории и истории общества, которые завершаются их взаимоотрицанием и полным коллапсом социальной истории.

Если обратиться к исторической ретроспективе исследуемой проблемы, то следует отметить, что проблема идентичности как остро-современная про-

⁷⁴ Там же. – С.39.

⁷⁵ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Кризис сознания / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2009. – С.164.

⁷⁶ Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт // Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – С. 435.

блема самопонимания, самосознания и самопознания человека почти что не существовала в широком сознании обществ архаического, дотрансформационного типа, ориентированных на воспроизводство предписанных норм и традиций. «В прежние времена, - пишет Гегель, - законы и обычаи имели безусловную силу: человеческая индивидуальность составляла одно целое со всеобщим. Почитать богов, умереть за отечество было всеобщим законом, и каждый исполнял это всеобщее правило как само собой разумеющееся. Но потом человек стал интересоваться, действительно ли ему хочется или следует подчиниться этому правилу. Эта пробудившаяся мысль привела к смерти богов Греции и погубила моральный обычай. Мысль явилась здесь как принцип разложения, т.е. разложения естественного обычая: но, осознавая себя как утверждающее начало, она выдвинула принципы разума, находящиеся в критической позиции по отношению к наличной действительности и противостояние ограниченности естественного обычая. Раньше греки прекрасно понимали, что требует от них обычай в тех или иных обстоятельствах, но теперь ответ на подобные вопросы человек должен был найти в себе самом – и в этом состояла позиция Сократа. Сократ вынуждал человека осознать свою внутреннюю сущность, чтобы его совесть могла стать мерой того, что является правильным и морально справедливым («Moralitat»). Здесь проходило различие между естественными обычаями прежних времен и моральными размышлениями последующих времен: прежде у греков не было совести...»⁷⁷.

Швейцарский философ К. А. Свасьян по этому поводу пишет: «Что человек уже с первых шагов, делаемых им в пространстве истории, бьется головой о проблему своей идентичности, доказывается множеством древней-

⁷⁷ Цит. по: Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт // Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – С. 452.

ших свидетельств, среди которых решающее место принадлежит дельфийскому оракулу «познай самого себя»⁷⁸.

Вполне справедливо звучит и дальнейшее высказывание швейцарского философа: «Характерно, - пишет он, - что человек продолжает биться, даже после того как ему взбрело в голову огласить конец истории, и сделать это там, где история еще даже толком не началась, хотя истории оттуда вот уже с полвека как задаётся тон. Общее между Сократом и кем-нибудь из «нас» в незнании, что есть человек. Только незнание первого знает себя как незнание, а незнание второго, ничего о себе не зная, выдаёт себя за знание»⁷⁹.

В позднем Средневековье в Западной Европе зарождаются общества современного типа. Общества, где даже средневеково-авторитарные, монархические и магические предпосылки индивидуального и общественного сознания иной раз могли легко становиться орудиями подрыва архаических форм общежития⁸⁰.

С XVII века эти общества уже получают и интеллектуальные, и материальные основы своей трансформационности. Отсюда берет начало миграция больших человеческих масс, миграция капитала, технологий. И вместе с ними – миграция рационально обоснованных идей, политических и научных институтов, а так же форм общественного сознания.

Именно с этим модернизационным порывом, как отмечает Е.Б. Рашковский, «мы вправе связывать начало истории не как истории отдельных цивилизаций прошлого с их хотя и подчас глубокими, но спорадическими связями, но именно как истории общезначимой и универсальной. Той самой, в

⁷⁸Свасьян К. А. PROOEMYUM // Вопр. философии. – 2010. - №2. С.3.

⁷⁹ Там же. – С.3, 4.

⁸⁰Неретина С. С. Образ мира в «Исторической Библии» Гийара де Мулена // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. – М.: Наука, 1976. – С.115, 116.

контексте которой и всплыла и кристаллизовалась занимающая нас проблема человеческой идентичности»⁸¹.

Вся эта качественно новая, неведана традиционным цивилизациям социоэкономическая, культурная, миграционная, политическая динамика чрезвычайно усложнила весь комплекс самоощущения и самопонимания человека, все контексты межчеловеческих связей и экзистенций. В той или иной мере для значительной части людей оказалась, если не осознанной, то, во всяком случае, внутренне пережитой сама сложность, сама конфликтная многосоставность современной человеческой ролевой структуры со множеством ее, как правило, несовпадающих параметров: местность, этничность, язык, вероисповедание, социоэкономический, юридический и гражданский статус, интересы, личные и групповые притязания⁸².

В модернизационных теориях прямо или косвенно ставится цель изменить идентичность людей модернизирующегося общества. Постановка задачи смены идентичности по сути как требование тех новых рамок самоотжествления, которые соответствовали бы и, по крайней мере, не противоречили бы западным ценностям и социальным установлениям, таким как соблюдение права индивида и других ценностей и институтов гражданского общества, морали, уходящей корнями в западное христианство, трудовой этики и др. Следовательно, речь идёт о вестернизации идентичности незападных народов, в этом заключается суть европоцентристского подхода к проблеме идентификации, т.е. к унификации мышления, поведения, образа жизни населения всей планеты.

М. Вебер, рассматривая развитие капитализма и процессы модернизации с позиций культурного детерминизма, считал культурные признаки эндоген-

⁸¹Рашковский Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Вопр. философии. – 2011. - № 6. – С.36.

⁸²Там же.

ными тому или иному обществу. Это положение теории Вебера вступало в противоречие с очевидным уже в начале XX века фактом развития ряда стран по европейскому пути. Для объяснения такого факта Вебер применил теорию диффузионизма, согласно которой набирающая обороты модернизация восточных стран объяснялась «просачиванием» эндогеннозападных культурных форм.

Первоначально средствами такого распространения рассматривали завоевания, торговлю, колонизацию, миграцию. Позже возник комплекс теорий подражания Г. Тарда, У. Беджтота, объяснявших общественное развитие заимствованием культурных достижений одних народов другими. Утверждение в западной социологии цивилизационных концепций и применение к ним структурного анализа привело к появлению еще двух теорий – теории культурного центра (Э. Смит) и теории культурных кругов (Л. Фробениус, Ф. Гребнер). Формирование теории центра и периферии, объяснявшей не только структуру цивилизационного пространства, но и мировую общественную динамику, отчасти примирило Вебера с глобальным эволюционизмом⁸³.

Теория эволюции оказалась даже более европоцентристской, чем в XIX веке. Если в классическом варианте эволюционизм трактовал все мировые культуры лишь как ступени на пути к высшей – европейской, не поднимая вопросы о каком-либо качественном отличии восточного общества от западного, то новый эволюционизм полностью противопоставляет Запад всему остальному миру. Объясняя модернизацию привнесением культурных форм извне, диффузионизм отказывает неевропейскому обществу в способности и необходимости имманентного развития. Напрашивается вывод о некоем «субстанциональном» отличии Запада от всего остального мира, якобы не способного породить и развивать передовые культурные формы.

⁸³Трубицын Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопр. философии. – 2009. - № 8. – С. 44, 45.

Из теории прямо вытекает мысль о несоответствии неевропейских культурных форм объективным задачам модернизации, включая не только культуру, в узком смысле, но и все общественные сферы. Более того, многие из них прямо противостоят интересам модернизации, а значит, необходим отказ от традиционных национальных ценностей и замена их западными. Складывается новая конфликтная ситуация, что выразилось в появлении понятия «вестернизация». Модернизация по западному образцу полностью отождествлялась с вестернизацией, ни о каком внутреннем развитии стран Востока в этом случае речь не шла. Уже первая половина XX века продемонстрировала несостоятельность подобных утверждений. Для большинства наиболее передовых стран Востока развитие капитализма стало имманентным процессом. Объяснить факт вхождения России и Японии в начале XX века в шестерку ведущих мировых капиталистических держав «рассеиванием» культурных форм невозможно. Особенно показательна Япония, где предпосылки капитализма вызревали в полной изоляции от внешнего мира⁸⁴.

С исторической точки зрения ни один из народов, прошедших модернизацию, не сменил свою идентичность полностью.

Опыт Японии и «новых индустриальных стран» показывает, что они сохранили свою идентичность и не стали Западом. Развитие без смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. «Люди, сохранившие свою идентичность и своё достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать»⁸⁵.

Со второй трети XX века причинами новых изменений идентичности стали глобализация и постмодернизм.

⁸⁴ Трубицын Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопр. философии. – 2009. - № 8. – С.45.

⁸⁵ Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. - №.4. – С.21.

В эпоху глобализации человек лишается уверенности относительно собственной идентичности. Это происходит потому, что в эпоху постиндустриализма человеческая экзистенция эволюционирует как сложнейшая социальная среда, открытая внешним и внутренним флуктуациям⁸⁶.

Под воздействием безудержного развертывающегося научно-технологического активизма такая экзистенция рискованно удаляется от состояния равновесия. Именно её удаленность не позволяет ей быть стабильной, гарантированной, однозначно определённой. Вдали от равновесия историческая эволюция этой экзистенции характеризуется такими свойствами, как темпоральность, неопределённость, нестабильность, негарантированность. Перечисленные свойства экзистенции отчетливо обнаруживаются в утрате не только уверенности в правильности и мудрости решений человека, касающихся его экзистенциальной участи, но и его способности с помощью индустрии наукоёмких технологий сформировать эко-будущее. В эту эпоху «идентичность» человека осознается не как «метафизическая константа», а как «незавершённый проект»⁸⁷.

Кроме того, идентичность человека в мировоззрении аналитиков эпохи глобализации представляется как неопределённая мировоззренческая перспектива, т.е. как проект, который в принципе не может быть когда-либо окончательно завершённым, поскольку рациональность поведения индивидов и групп общества постиндустриализма оказывается все более сомнительной просто потому, что сами основы рациональности – демократия, закон, наука – подвергаются эрозии. Выживание и сопротивление мегатрансформациям глобального социального контекста становятся доминирующими мотивациями поведения.

⁸⁶ Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопр. философии. – 1991. - № 6. – С.46-57; Курдюмов С. П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Вестник РАН. – 2001. - № 3. - С. 210-232.

⁸⁷ Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопр. философии. – 2003. - № 8. – С.60.

Ограниченность человеческих возможностей (мировоззренческих, интеллектуальных, психофизических) превращает современного человека не в свидетеля триумфа всё новых и новых возможностей, а в заложника, «заключенного в темницу идентичности». Такой заложник осознаёт себя своеобразной жертвой практики стратегического использования великих общепризнанных определителей сущностных идентичностей⁸⁸.

Современные глобализационные процессы в корне меняют характер идентификации личности и общества.

Е.О. Труфанова, исследуя проблему идентичностей, выделяет коллективную идентичность, к которой относит религиозную, профессиональную, государственную, национальную, этническую, культурную идентичность⁸⁹.

Для жизни современного индивида, отмечает она, характерно отсутствие и размывание социальной группы идентификации. Современные формы социальной жизни отличаются большим разнообразием и всякой социальной мобильностью. Если в сословном или кастовом обществе человек способен идентифицировать себя со своим сословием, классом, то современный человек может постоянно менять социальные группы, к которым он принадлежит, в связи с чем этот тип идентификации не является стабильным.

Также размытой становится идентификация по национальному признаку, поскольку в связи с глобализацией человек вынужден вольно-невольно стать «гражданином мира», и, принадлежа к своей нации, он одновременно приписывает себя к более широким общностям, таким образом, имея альтернативу в национальной идентификации⁹⁰.

Острейшим вопросом коллективной идентичности является религиозная идентификация. В прежние времена во многих странах, в первую очередь, в за-

⁸⁸ Там же. – С.60, 61.

⁸⁹ Труфанова Е. О. Идентичность и Я // Вопр. философии. – 2008. - № 6. – С.95.

⁹⁰ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопр. философии. – 2010. - № 2. – С.18.

падноевропейских коренные жители относились к религии весьма умеренно и следование ей предполагало и предполагает соблюдение определённых ритуалов. Но массовый приток в западноевропейские страны носителей различных религий вносит дезинтеграционные элементы в общество. В результате обостряется напряжённость на религиозной основе. Религиозная идентификация часто является составляющей культурной идентификации, и приписывая себя к определённой культуре, человек одновременно приписывает себя к религии, принятой в данной культуре⁹¹.

В современных условиях носит двойственный характер профессиональная идентификация – возникает конфликт социальной значимости какой-либо профессии, с одной стороны, и в то же время её недооцененность со стороны работодателя, выраженная в невысоком уровне зарплаты и пр. Это расшатывает стабильную идентичность, поскольку человек сам не может дать однозначной «оценки той роли, которая отведена ему в обществе исходя из его профессии»⁹².

На характер идентификации в условиях глобализации оказывает влияние моральный релятивизм. Вышеперечисленные особенности современной социальной жизни, выраженные в коллективной идентификации, приводят к размыванию ряда моральных ценностей, так что индивид лишается образцов нравственного поведения, на которые он мог бы ориентироваться. Во многих современных странах, отмечает Е.О. Труфанова, лишенных устойчивой системы ценностей и опирающихся на абстрактные «демократические ценности» возникает моральный вакуум и демократия превращается во вседозволенность⁹³.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопр. философии. – 2010. - № 2. – С. 18, 19.

Существенное влияние на формирование нравственности оказывают средства массовой информации, которые навязывают индивидууму, обществу в целом стандарты жизни, в которых на первый план выходит «человек экономический».

Тему кризисной идентичности на примере американского общества подробно развил американский психиатр Р. Дж. Лифтон, предлагая термин «протеевской идентичности» и «протеанизма». Протей – божество из древнегреческой мифологии, постоянно изменяющее свой облик и способное сохранять свой облик только будучи захваченным в плен. Лифтон утверждает, что современный человек подобен Протею, и вынужден постоянно изменять свой облик, и его идентичность просто не может больше оставаться стабильной. Это объясняется несколькими причинами. Первая и, пожалуй, основная – революция в средствах массовой информации, приведшая к взаимопроникновению культур, непрерывному обмену культурными ценностями и способности к моментальному распространению информации из одного конца мира в другой. В итоге человек, хочет он того или нет, становится «гражданином мира», и, находясь в своей культурной среде, он продолжает постоянно испытывать чужеродное культурное влияние извне, которое влияет на его формирование самости.

Второй причиной возникновения феномена «протеанизма» Лифтон называет состояние глобального социального кризиса. Его истоки усматриваются в окончании холодной войны между СССР и Западом, в распаде СССР, в результате чего существовавшая биполярная система мира была снята, что привело к кризису сознания не только жителей постсоветского пространства, но и западных граждан, вынужденных подстраиваться к новой «схеме» мира.

Все вышеперечисленные факторы приводят к возникновению у человека чувства «бездомности» или «безотцовщины» (термины Лифтона). Это чувст-

во «бездомности» может привести не только к трагическому исходу кризиса идентичности, но и к позитивному результату – когда человек отправляется на поиск нового «дома». Под «домом» здесь может пониматься широкий спектр понятий – от просто географической смены места жительства до смены психологических настроек личности.

У. Бек, С. Лэш и Дж. Юрри считают, что завершена эпоха первой современности – модернити, и начинается эпоха второй рефлексивной современности. Первая современность, называемая ими рефлексивной, началась в Новое время и характеризовалась преобладанием индустриализации, социальных структур, индивидуальности сначала в просвещенческом смысле (автономного и ответственного индивида), затем в массовом (индивид как человек массы). Вторая современность, называемая ими рефлексивной, началась на Западе в последней трети XX века и характеризуется рядом базовых черт: она совпадает по времени с постиндустриальной эпохой и глобализацией, она характеризуется не структурами, а процессами, «потоками», которые могут изменить направление движения. Это не позволяет экстраполировать прежние тенденции и требует рефлексии; рефлексия и выбор связаны с рисками; вместо автономного и массового индивида возникает не укоренённый индивид, не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей. Индивид первой современности рефлексивен, т.е. ориентирован на своё отношение с объектом, на объективное знание. Индивид второй современности рефлексивен, что означает направленность его сознания на совершение выбора, отвечающего лишь его склонностям и часто несущего дестабилизацию. Его выбор не линеен, не ограничен в прежней мере структурами и нормами, такими как гражданское общество, государство, класс, семья, право, мораль, контракт. Его представления подвижны, ситуативны, иррациональны. Лэш пишет: «То, что происходит сейчас, это не незнание и не направленность

против разума. В действительности рефлексивный современный индивид лучше образован и более знающ, чем когда бы то ни было. А вот как раз меняется сам тип знания. Оно само по себе не прочно, поскольку удалено от определённости, и то, о чём это знание, также является неопределённым – в большей мере вероятностным, чем характеризующим возможность»⁹⁴. Неопределённость и небезопасность самоподдерживается новым типом индивидуальности, разрывает связь времён и связь поколений, делает общество «обществом риска»⁹⁵.

В.Г. Федотова, исследуя проблему ценностных изменений на Западе, даёт характеристику ценностным сдвигам, происходящим там по причине его перехода к постиндустриальной стадии. Это утрата человеком контроля над социальными процессами, восприятие их как квазиприродных. Индивидуализированное общество, по её мнению, складывается не усилиями индивидов по обособлению, а действием объективных сил и процессов, среди которых первоочередное место занимает глобализация. Последняя подменяет универсализацию и снижает способность как определённых обществ, так и индивидов контролировать ситуацию. «Не контролируя своего настоящего, - пишет В.Г. Федотова, - человек не может представлять или планировать будущее и, добавим, ясно осознавать своё прошлое»⁹⁶.

Таким образом, в условиях глобального системного кризиса под сомнение поставлены исторически сложившиеся представления о человеке и человеческой природе, что неизбежно проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

⁹⁴ Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. – 2005. - № 11. – С. 4

⁹⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс – Традиция, 2003.

⁹⁶ Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. – 2005. - № 11. – С. 4

Идентификационный кризис рождает идентификационные мутации общества в истории, которые могут завершиться их взаимоотрицанием и полным коллапсом социальной истории.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

2.1. Основные представления о сущности и содержании исторического сознания

Проблема исторического сознания достаточно широко рассматривалась как зарубежными, так и отечественными историками и философами. В начале XX века вопрос о специфическом способе познания социальной действительности в рамках неокантианской традиции рассматривался В. Виндельбаном и Г. Риккером. Однако одним из первых понятие «историческое сознание» в оборот ввел широко известный немецкий философ XX века Йоахим Риттер в 1956 году. Этот термин был употреблен им в контексте рассматриваемой им теории человеческой субъективности, в которой он исследует условия реализации свободы в современном обществе⁹⁷.

Французский мыслитель Реймон Арон в 1961 году дал понятие исторического сознания. «На мой взгляд, - отмечает он, - историческое сознание в узком и широком смысле включает в себя три специфических элемента: осознание диалектики между традицией и свободой, стремление постигнуть реальность или истинность прошлого, чувство того, что связь между социальными организациями и творениями рук человеческих не является случайной или имеющей значение связью, но что она касается самого главного для человека»⁹⁸.

⁹⁷ Ritter Y. *Metaphysik und Politih // Das burgerliche Leben. Zur aristotfelischen Theorie des Glucks* (1956). – Frankfurt an Main, 1988. 2-е изд. – S. 57 – 105.

⁹⁸ Арон Р. Измерения исторического сознания: пер. с фр., 2-е изд.; отв. ред. и автор закл. ст. И. А. Гобозов. –

На самом деле, что понимает Р. Арон под этим определением исторического сознания?

Здесь он понимает историчность человека или деятельный признак исторической действительности. Далее он пишет: «Люди не подчиняются судьбе пассивно, они не довольствуются овладением традициями, которые в них вложило воспитание, они могут их понять, принять или отвергнуть... человек, который через деятельность хочет быть свободным в истории, хочет также быть свободным благодаря знанию. Познание прошлого – это способ освободиться от него... Это двойное освобождение деятельностью и знанием тем больше значит для человека, чем значимее сама историческая субстанция»⁹⁹.

В то же время Р. Арон, называя историческое сознание характерной чертой современного Запада, с европоцентристских позиций утверждает: «Запад не только распространил на всю планету орудия техники... он также распространил идеи, среди которых идея исторического сознания масс... Именно европейцы дали индивидам сознание о своем прошлом. Именно практикуемая европейцами научная история помогает просвещенным японцам в интерпретации своего прошлого. Именно рожденной в прошлом веке философией истории руководствуются правители нынешнего Китая в понимании здорового общества, перспектив, связанных с национальным прошлым, и видения будущего»¹⁰⁰.

В качестве возражения по этому поводу скажем, что и Китай, и Япония, в сравнении с Европой, более древние цивилизации, в основе которых лежат исторические традиции.

Далее термин «историческое сознание» используют в своих работах философы-феноменологи Э. Гуссерль и М. Хайдеггер, а в рамках философской

М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 52.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

герменевтики и нарратологии Х.-Г. Гадамер, П. Риккер, Х. Уайт и Ф. Анкер-смит.

Следует заметить, что наличие различных определений исторического сознания в западноевропейской философии закономерно вытекало из характера исследований в европейской философии истории XIX – XX века. «Появление в поле зрения философии истории понятия «историческое сознание» было подготовлено логикой развития всей предшествующей теоретической традиции данного направления. Первоначально философия истории возникает на заре Просвещения как средство поиска смысла социальных процессов... К концу XIX в. традиционная философия истории испытывает кризис, связанный с потерей предмета исследования...

Собственно именно попытки разрешить данную проблему приводят к тому, что в среде философов истории возникает и становится популярным новый предмет исследования – историческое сознание»¹⁰¹.

В отечественной философии истории термин «историческое сознание» ввел один из первых исследователей этого феномена М. А. Барг в 1962 году. Он дает следующее определение исторического сознания: «Это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени - прошлое, настоящее и будущее»¹⁰².

И. С. Кон, одним из первых предпринявший попытку решить проблему сущности исторического сознания в отечественной философской литературе в 1960-х годах, определил историческое сознание как «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим»¹⁰³. В таком же плане дает определение исторического сознания А. Х. Самиев:

¹⁰¹ Чистанов М. Н. Историческое сознание как проблема социальной онтологии: автореф. дис. д-ра филос. наук. – Новосибирск, 2010. – С. 5, 6.

¹⁰² Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопр. истории. – 1982. - № 12. - С. 49.

¹⁰³ Кон И. С. Проблемы истории в истории философии // Методол. и историогр. вопр. истор. науки. – Вып. 4. – Томск, 1986. – С. 15.

«Под историческим сознанием мы понимаем осознание обществом (классом, нацией, социальной группой, индивидом) своего прошлого, своего положения во времени, связи своего прошлого с настоящим и будущим». Эти позиции разделяют Ю. А. Левада, Б. Г. Могильницкий, А. И. Панюков¹⁰⁴. С ними в данном случае соглашается и И. А. Гобозов. «Историческое сознание, - по его мнению, - есть осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим»¹⁰⁵.

Онтологическую сущность связи прошлого и настоящего вскрыл Гегель: «... так как мы имеем дело лишь с идеей духа, - отмечал он, - и рассматриваем во всемирной истории все лишь как его проявление, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим...; наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени... Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине»¹⁰⁶.

И это действительно так. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшее развитие общества.

Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия -

¹⁰⁴ Самиев А. Х. Генезис и развитие исторического сознания. – Душанбе: Дионис, 1988. – С. 3. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Филос. пробл. ист. науки, 1969. – С. 191; Могильницкий Б. Р. Введение в методологию истории. – М.: Наука, 1989. – С. 124; Панюков А. И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденция развития: методол. анализ. Красноярск, 1995. - С. 130.

¹⁰⁵ Гобозов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 1999. - С. 361.

¹⁰⁶ Гегель Г. - В. – Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 1993. – С. 125.

человеком¹⁰⁷. Или, говоря словами К. Ясперса, «... наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее»¹⁰⁸.

Аналогичные размышления мы обнаруживаем в XIX века у одного из основоположников славянофильства А. С. Хомякова. «Справедливо говорят, - отмечает он, - что тот не понимает настоящего, кто не знает прошедшего; но неужели же можно узнать невидимое прошедшее, нисколько не зная видимого настоящего? Разве они не в самой тесной в самой непрерывной связи?»¹⁰⁹. Рецепцию такого подхода мы обнаруживаем и у М. Блока: «Незнание прошлого приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего»¹¹⁰.

Заметим, что впервые осознает необходимость прошлого для сознательной ориентации в настоящем Гомер¹¹¹.

В то же время в современной отечественной литературе сущность исторического сознания довольно часто сводят лишь к совокупности накопленных наукой знаний и стихийно возникающих представлений и других явлений духовной сферы, в которых общество воспроизводит, осознает, т. е. запоминает, свое прошлое¹¹².

Сторонники еще одного концептуального подхода в определении сущности исторического сознания, отрицая историческое сознание как одну из форм общественного сознания, предприняли попытку найти место исторического сознания в системе философско - социологических категорий, не отказываясь от самого понятия и термина. «Историческое сознание не есть особая форма общественного сознания, - утверждает И. А. Гобозов. - Оно неотъем-

¹⁰⁷ Неклесса А. И. Трансмутация истории // Вопр. философии. – 2001. - № 3. – С. 58.

¹⁰⁸ Ясперс К. О смысле и назначении истории / К. Ясперс. - М., 1991. - С. 135.

¹⁰⁹ Хомяков А. С. «Семирамида»: Исследование истины и исторических идей. Соч.: в 2 т. Т. 1. Работы по философии. – М., 1994. – С. 33.

¹¹⁰ Блок М. – С. 27.

¹¹¹ Шичалин Ю. А. Античность – Европа – История. – М., 1999. – С. 68 – 70.

¹¹² Гензелис Б. К. Человек и историческое сознание / Б. К. Гензелис // Некоторые аспекты философского понимания человека. - Вильнюс: АН Лит. ССР. Ин-т философии, социологии и права. Лит. отделение филос. общ-ва СССР, 1988. – С. 29; Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1980. – С. 160.

лемая часть всех форм общественного сознания. Анализ философского сознания, например, немислим в отриве от исследования исторического сознания, поскольку возникновение философии связано с размышлениями человека о природе, обществе и о самом себе. Он задумывался над вопросами окружающего мира и давал на них ответы. Это в свою очередь у нового поколения побуждало интерес к прошлому. Понимая практическую важность идущего из прошлого опыта, люди передавали друг другу то положительное, что накапливалось веками.

Так у них формировалось сознание об историческом прошлом, что уже означало начало проявления философского сознания»¹¹³. Как одна из важнейших сторон общественного сознания выступает историческое сознание у А. А. Радугина и В. Т. Маклакова¹¹⁴. Обосновывая данный подход к определению места исторического сознания в системе общественного сознания, О. Ф. Гаврилов приводит следующие аргументы: сознание является историческим в силу следующих особенностей:

а) оно ретроспективно по содержанию, т. е. знания и оценки, составляющие историческое сознание, обращены к прошлому;

б) его формирование осуществляется в процессе взаимодействия субъекта с исторической реальностью, развивающейся во времени от прошлого, через настоящее к будущему;

в) историческое сознание является своего рода инструментом, с помощью которого устанавливаются связи между временными отрезками развивающейся действительности¹¹⁵.

¹¹³ Гобозов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп., - М.: ТЕИС, 1999. – С. 361.

¹¹⁴ История России /Россия в мировой цивилизации / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. - М.: Центр, 1998. – С. 16; Маклаков В. Т. Историческое сознание: природа, формы бытования, язык // Ист. познание и современность. – Свердловск: Урал. науч. центр, 1987. – С. 30.

¹¹⁵ Гаврилов О. Ф. Историческое сознание и его социальные функции / методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1986. – С. 40.

«Следовательно, - делает вывод О. Ф. Гаврилов, - сознание исторично по своему содержанию, принципу формирования и по функциям...»¹¹⁶. Определяя историческое сознание как специфическое образование общественного сознания, М.Ю. Ширманов показывает многозначность термина «историческое сознание»:

- термином историческое сознание обозначается мышление познающего действительность субъекта, направленное на объект как природной, так и социальной действительности;

- историческое сознание выступает как метод научного познания «Иначе, - делает вывод автор, - историческим сознанием может быть названа мысль субъекта, познающего объекты действительности, имеющие историю...»;

- «историческое сознание» образуется как применение принципа историзма к исследованию общественного сознания и является модификацией первого значения термина «историческое сознание», означая исторический подход к изучению общественного сознания.¹¹⁷

В соответствии с таким определением места исторического сознания в структуре общественного сознания М. Ю. Ширманов определяет сущность

исторического сознания как определенного способа отражения действительности в мышлении и проявление этого способа в конкретно-исторических типах общественного сознания, как социально выработанную форму мышления¹¹⁸.

В свете изложенного следует заметить, что в отечественной философской мысли присутствует точка зрения, ставящая под сомнение существование исторического сознания как такового. Речь идет о статье «К вопросу об

¹¹⁶ См. там же.

¹¹⁷ Ширманов, М.Ю. Историческое сознание общества. – С. 15.

¹¹⁸ Ширманов М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ /: дис. ...канд. филос. наук. – С. 6.

историческом сознании». Ее авторы Г. В. Иващенко и Т. В. Науменко, ссылаясь на отрицание исторического сознания как одной из форм общественного сознания, но определяющие его как неотъемлемую часть всех форм общественного сознания, заявляют, что такие попытки не могут поправить положение дел с логической некорректностью, связанной с введением понятия «историческое сознание» в сложившуюся систему категорий, характеризующих строение общественного сознания.

В действительности, - утверждают они, - как представляется, никакого «исторического сознания» (ни рядоположенного другим формам общественного сознания, ни как «особой формы» общественного сознания), ни как «неотъемлемой части всех форм общественного сознания») не существует»¹¹⁹.

По мнению автора, данная точка зрения не имеет под собой никакого основания. Историческое сознание – это сложное и многогранное явление общественной жизни. Его нельзя изучать в каком-либо аспекте, как, скажем, нельзя дать характеристику пространству, пользуясь одним измерением.

Важное место в исследовании проблемы исторического сознания занимает проблема его структуры и содержания.

Структура и содержание исторического сознания рассматривались многими исследователями этого феномена как с точки зрения онтологической, так гносеологической и аксиологической. Автор данной монографии, преследуя главную цель - показать характер исторического сознания в условиях глобального системного кризиса, раскрыть факторы, влияющие на него, соотношение различных форм и уровней исторического сознания, одной из задач выдвигает задачу обобщить и систематизировать теоретические положения и выводы предшественников по проблеме, рассматриваемой в данном параграфе, дать ей философско-социологический анализ.

¹¹⁹ Историческая наука. Проблемы методологии. – М., 1986. – С. 96.

С данной точки зрения в первую очередь следует рассмотреть вопрос о субъектах исторического сознания, поскольку понятие «субъект» корректирует понятие «сознание», соотнося с ним знание, достигаемое сознанием в самых разных его проекциях. По данной проблеме в историческом сознании сложилось два подхода. Большинство исследователей феномена исторического сознания к субъектам исторического сознания относят социальные общности людей и отдельных индивидов¹²⁰. Субъект – это источник целенаправленной активности, носитель предметно-практической деятельности, оценки и познания¹²¹. Необходимо отметить, что, по мнению данной группы исследователей, как индивид, так и общество в целом, являясь субъектами исторического сознания, оказывают активное воздействие на объект исторического сознания – социальное прошлое¹²². Понимая под субъектом исторического сознания и в целом исторического процесса индивидуума и социума, М. Ф. Румянцева в качестве универсального субъекта рассматривает человека, поскольку он как «минимальная» социальная единица включен в различные социальные структуры (классы, сословия, иные социальные группы). «Но как ни парадоксально, - отмечает она, - немногие авторы уделяют специальное внимание анализу социальной природы человека как субъекта истории, а тем временем – это важнейшее основание любой теории исторического процесса»¹²³. Например, для стадияльной теории характерно представление об одинаковости социальной природы представителей разных социумов. В то же время для цивилизационных теорий характерны представления о ментальных различиях разных народов.

Рассматривая проблему новой философской парадигмы – парадигмы феноменологии жизни – в свете происходящих сегодня трансформаций в на-

¹²⁰ Гаврилов О. Ф. Историческое сознание и его социальные функции. – С. 51; Ширманов М. Ю. Историческое сознание общества. – С. 48 и др.

¹²¹ Яковлев В. П. Историческая наука и историческое сознание. – С. 48; Анисимов И. И. Историческое сознание как феномен культуры / к постановке проблемы // Сознание и диалектика познания: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: изд-во ИГУ, 1986. – С. 115.

¹²² Каменская Р. А. Историческое сознание: дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1999. – С. 18.

¹²³ Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект-пресс, 2002. – С. 37.

учных исследованиях, методах, дискурсах, директор Всемирного института феноменологии (США) А. – Т. Тыменецка отмечает: «Исследователь (the discoverer) больше не считается нейтральным наблюдателем «объективных» реальностей; исследователь признается «субъектом», который участвует в акте открытия творчества со всем своим вкладом живого существа. Одновременно с этим струна творческого акта живого человеческого существа звучит во всей философии жизни и творческого состояния человека. Научное исследование и философия сходятся в своем субъекте, а именно: живом человеческом существе (living human being), приносящем весь вклад своего творческого состояния в осуществление этого акта»¹²⁴.

Сторонники второго подхода к проблеме субъекта исторического сознания выводят субъект из процесса познания. Антисубъектные подходы раньше всего начали формироваться в гуманитарной сфере. Впервые воплощенные в лингвистике и литературоведении, они в качестве и под именем структурализма превратились в ведущий метод исследований. Элиминация субъекта шла вместе с отказом от истории и предметной, вещно-событийной реальности. Структурализм берет мир как систему знаков, у которых нет причины и означаемого. У них нет истории и заранее вынашивающего их автора. Отождествляя мир с текстом и растворяя в нём означающего, структурализм тем самым растворяет создателя, субъект мира вообще и субъект действия в каждом конкретном случае¹²⁵.

Нам представляется также, что человек одновременно является и субъектом, и объектом исторического познания. Это утверждение вытекает как следствие двусмысленности понятия категории «история», которая применяется и для обозначения исторической действительности (объективная история), и для обозначения науки об этой действительности (субъективная исто-

¹²⁴ Тыменецка А. – Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера // Вопр. философии. – 2005. - № 11. – С. 149.

¹²⁵ Кутырев В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопр. философии. – 2003. – № 1. – С. 64.

рия). Как утверждает Р. Арон, «... действительность и знание об этой действительности неотделимы друг от друга... Физическая наука не является элементом природы, которую она изучает... Осознание прошлого – составная часть исторического существования. Человек действительно имеет прошлое лишь в том случае, если он осознает, что оно у него есть, ибо только это осознание дает возможность диалога и выбора. Иначе говоря, индивиды и общество несут в себе прошлое, которого они не ведают, но воздействию которого пассивно подвергаются. В известных случаях они являют постороннему наблюдателю ряд изменений, которые можно сравнить с изменениями видов животных и которые могут быть расположены во временном порядке. Пока они не осознают того, кто они есть и кем были, они не достигают подлинного измерения истории.

Следовательно, человек одновременно является субъектом и объектом исторического познания»¹²⁶.

Важной проблемой при дальнейшем исследовании исторического сознания в условиях глобального кризиса является проблема его содержания, под которым ряд исследователей понимают все на данный момент прошлое в его связи с настоящим и будущим. Но поскольку всегда реальное прошлое будет шире, детальнее, конкретнее тех моментов исторической действительности, к которым обращено и на которые замыкается историческое сознание общества, группы или личности, то, как нам представляется, содержанием исторического сознания следует считать только ту прошлую действительность также в ее связи с настоящим и будущим, необходимость осознания которой вызывается практическими потребностями человека и общества и закрепляется в сознании в результате соответствующих мыслительных актов¹²⁷. Таким образом, к содержанию исторического сознания нельзя отнести

¹²⁶ Арон Р. Измерения исторического сознания. 2-е изд. / пер. с фр. Отв. ред. и автор закл. ст. И. А. Гобозов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 4.

¹²⁷ Латышев А. Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: дис. ...канд. филос. наук. – М., 1991. – С. 30.

все прошлое, а лишь то, к которому обращается общество, индивид в интересах решения сегодняшних и завтрашних проблем. Историческое сознание обнаруживает относительно развитую структуру, понимаемую как совокупность тех устойчивых связей между его компонентами, которые обеспечивают его целостность и тождественность самому себе.

В соответствии с представлениями ряда исследователей основу исторического сознания составляют исторические знания. Знание истории является ключевой предпосылкой всякого осмысления и истолкования социального опыта. Каждая социальная и национальная общность обладает определенным кругом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других народов и всего человеческого общества. Именно история дает конкретное представление о живой связи времен, позволяет оценить значение настоящего и будущего. Еще древнеримский историк Тит Ливий отмечал: « В том и состоит главная польза и лучший исход знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамленьи величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же - чего избегать; бесславные начала, бесславные концы»¹²⁸. Расцвет и крушение великих цивилизаций, гений созидательной деятельности людей и беспощадное разрушение войны, взлеты человеческой доблести, чести и низость порока, кипение народных страстей и затхлость застойных времен, мудрость политиков и их несостоятельность - все это образует живое полотно истории, которое обладает огромным воспитательным потенциалом и является важным фактором формирования сознания общества.

¹²⁸ Леопа А. В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. – С. 27.

В диалектическом соотношении исторического знания и исторического сознания первая категория выступает основополагающей.

Вместе с тем на характер исторического знания во все времена оказывали влияние идеологические процессы. Идеологическая деятельность не только наполняла общественное развитие богатейшими нюансами и оттенками человеческих борений, обогащала исторический процесс живым пульсированием человеческой мысли, но и существенно влияла на саму историю общества. Образцы прошлого формируют ценностные установки настоящего, поэтому сфера исторического сознания всегда выступает ареной борьбы за умы людей.

Уже первые русские летописи, относящиеся к XI веку, глубоко идеологичны. В XVIII-XIX веке, когда возникла историческая наука в современном понимании этого слова, едва ли не все корифеи исторической мысли не только не находили нужным скрывать свои идейно-политические устремления, но и рассматривали историю как орудие их пропаганды. В период петровских преобразований древняя российская история дышала стариной и традицией, а на дворе стояла эпоха, которая старину и традицию отрицала. Пафос преобразований зиждился на разрыве с традицией, на отталкивании от прошлого, и при обращении к этому прошлому очень трудно было соединить порвавшуюся связь времен. «Синописис» Иннокентия Гизеля уже не удовлетворял запросов петровского времени. Петр I счел необходимым составить новое учебное пособие. Еще при его жизни были написаны многочисленные труды, посвященные современности: «Рассуждения о причинах Свейской войны» Шафирова, «История императора Петра Великого» Ф. Прокоповича и др. Они, получив одобрение императора, издавались большими тиражами и становились феноменом культурно - исторического развития.

Во времена Елизаветы Петровны острая идейная борьба разгорелась между историком Г. Ф. Миллером и М. В. Ломоносовым. Главным расхож-

дением в их споре была позиция Ломоносова. «Он хочет, - заявлял Миллер, - чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе»¹²⁹. Частая смена теоретических построений историографии свидетельствовала отнюдь не о «деидеологизации», как это нередко стремятся представить, а скорее, об ограниченности и нежизнеспособности многих концептуальных схем, не выдержавших проверку временем.

Историческое сознание нацелено на события истории, которые выступают для нас не просто как предмет абстрактно - историсофского интереса, и не как объект только уважения, поклонения, но и как воплощение некоторых актуальных жизненных проблем, требующих от каждого личного участия в их решении, т. е. проблем экзистенциального плана. Иными словами, функционирование исторического сознания не сводится к исполнению задач информативного или, скажем, эпически - повествовательного характера, напротив, - оно всегда отягощено задачами оценочного порядка, задачами выяснения значений, смысла происходящего для нашего сегодняшнего бытия. То есть прошлое для нас - это инобытие наших сегодняшних проблем. Следовательно, историческое сознание не ограничивается знанием фактов истории. Важными его компонентами являются также обобщенный исторический опыт как совокупность знаний и умений, приобретённых на основе и в процессе непосредственного практического взаимодействия индивида с внешним миром, и вытекающие из него уроки истории. В историческом уроке огромное значение приобретает осмысление прошлого в связи с потребностями и возможностями современности и будущего, которых не существовало в прошлом.

Как отмечает Р. Арон, «...воссоздание прошлого не есть самоцель. Когда это воссоздание руководствуется современным интересом, оно приобре-

¹²⁹ Цит по.: Володина Т.А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопр. истории. - 2000. - № 11, 12. - С. 7.

тает современную цель. Живые в познании прошедшей жизни ищут не только удовлетворения желания знать, но и обогащение духа или определенный урок»¹³⁰.

Иначе: развитое историческое сознание предполагает ощущение связи времен, слитности и неразрывности прошлого - настоящего - будущего как единой череды сменяющих друг друга поколений, цепи взаимосвязанных (генетически и причинно) событий и, следовательно, понимание исторической ответственности общества в целом и каждого его отдельного члена за свои действия перед памятью предков и судом потомков. По мнению В. М. Межуева, «... существует не как самодостаточная и лишь для себя значимая реальность, а как момент (этап, ступень) целостной истории, включающей в себя настоящее и будущее»¹³¹. Таким образом, исторический опыт и вытекающие из него уроки истории возникают из попыток найти в прошлом образцы для подражания (позитивный опыт) или способ избежать допущенных ошибок (негативный опыт), определить оптимальные для общества методы решения социальных задач, аналогичных тем, которые уже решались в истории (уроки истории).

В то же время по поводу исторического опыта и уроков истории хотелось бы отметить одно печальное обстоятельство: о них много говорят, часто на них ссылаются, но крайне редко им следуют.

Правда, еще Гегель утверждал: история учит, «что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно урокам», которые можно было бы извлечь. Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней»¹³².

¹³⁰ Арон Р. Измерение исторического сознания. – С. 6.

¹³¹ Межуев В. М. Философия истории и историческая наука // Вопр. философии. – 1994. - № 4. – С.79.

¹³² Гегель. Сочинения: в. 8 т. – М. – Л., 1935. - Т. 8. – С. 7, 8.

Очень хорошо ответил на вышеприведенное высказывание Гегеля русский историк В. О. Ключевский: «Если это даже правда (то, что история никогда никого ничему не научила. - А.Л.), истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ей, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней»¹³³.

Наконец, историческое сознание предполагает в своем содержании момент социального прогнозирования на основе внимательного изучения генезиса и развития реальных общественных процессов и присущих им ведущих тенденций, экстраполируемых в будущее¹³⁴. Следует подчеркнуть, что такое прогнозирование, если оно осуществляется путем научного, т. е. строго объективного познания исторической действительности, адекватного обобщения исторического опыта и извлечения соответствующих ему уроков истории, не связано с конструированием некоей «утопии», которая всегда представляет собой отрыв от реальности и создание идеальной и в то же время абстрактной социальной схемы. Научное прогнозирование - это, наоборот, выбор оптимальной альтернативы из других тоже возможных в данных конкретных условиях.

Историческое сознание представляет собой способ рационального воспроизведения и оценивания социумом движения общества во времени. «В массовом сознании, по утверждению Г. Г. Дилигенского, - запечатлены знания, представления, нормы, ценности, разделяемые той или иной совокупностью индивидов, выработанные в процессе их общения вместе с собой и совместного восприятия социальной информации»¹³⁵. В этом отношении исто-

¹³³ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. - М., 1991. - Т. 9. - С. 307.

¹³⁴ См.: Маслов Н. Н. Политическая история. СССР: предмет, содержание, задачи. - М.: Политиздат, 1991. - С. 14.

¹³⁵ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопр. философии. - 1983. - № 11. - С. 7.

рическое сознание выступает как совокупность духовных образований того или иного общества.

Одним из духовных образований, составляющих историческое сознание, являются пережиточные, реликтовые элементы сознания, доставшиеся обществу от предшествующих времён. Имея в виду данный феномен, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...различные ступени и интересы иногда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влачить своё существование рядом с ним. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлекусь от их имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие»¹³⁶.

Следующий тип явлений - элементы исторического сознания, проникающие в данное общество, так сказать, «со стороны» - из других, соседних с ним, в том числе коренным образом отличающихся от него по своим социально - экономическим и общественно - политическим характеристикам, обществ. В новейшее время, когда всевозможные виды контактов в мире в огромной степени увеличились, данный феномен, как известно, приобретает массовый характер. При этом он включает в себя не только разного рода «нейтральные», безразличные к идеологии, но и откровенно окрашенные в идеологические тона, т. е. враждебные данному обществу, духовные образования.

Наконец, значительное место в духовной жизни каждого общества занимают элементы сознания, рожденные в иные исторические эпохи и в иных современных обществах, но относящиеся к разряду так называемых культурных ценностей данного народа (например: славянофилы, западничество, евразийство и др.). Не будучи связаны своим происхождением с жизнедеятель-

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. Т. 2. - М., 1985. - С. 66.

ностью данного общества, эти элементы исторического сознания тем не менее принимаются им в качестве его собственных, активно включаются в каждодневное обращение, в том числе путем распространения по каналам воспитания, образования, массовой коммуникации.

Таким образом, обратившись ко всей совокупности духовных образований, имеющих в обществе, как составляющим исторического сознания данного общества, можно констатировать тот объективный факт, что в составе этой совокупности присутствуют различные исторические элементы - как свойственные исключительно данному обществу, так и присущие иным типам обществ. Иными словами, историческое сознание предстаёт теперь не в качестве «чистого», а в качестве «смешанного» - в генетическом отношении - образования.

В то же время в современной философской и исторической литературе присутствует мнение, что историческое сознание, являясь одной из составляющих общественного сознания, охватывает собой далеко не все духовные образования, характеризующие жизнь данного общества, т. е. имеет определённые границы. Понятие «историческое сознание» согласно данной точке зрения, включает в своё содержание лишь совокупность идей, взглядов, представлений и других образований данной эпохи¹³⁷. С такой постановкой вопроса вряд ли следует согласиться, поскольку здесь искусственно разрывается единая ткань существующего в обществе исторического сознания.

Исключаемые из сферы исторического сознания явления духовной культуры, равно как реликтовые и «занесённые извне» элементы исторического сознания, по своему объективному положению являются совершенно такими же реальными составляющими сознания данного общества, как и те, что рождены непосредственно им самим. Те и другие не просто связаны друг с дру-

¹³⁷ См., например: Уледов А. К. Структура общественного сознания. – М., 1968. – С. 41, 42.

гом, не просто взаимодействуют, но образуют единое - пусть противоречивое - целое. Более того, сам момент вхождения этих «посторонних» образований в сознание общества ни в коей мере не является случайным. Он обусловлен практической деятельностью общества, теми или иными особенностями его исторического развития.

Конечно, при столь широком толковании исторического сознания возникает кажущееся противоречие с теорией о соответствии этого исторического сознания коренным историческим характеристикам общества. Однако данное противоречие разрушается, если, во-первых, различить в составе исторического сознания элементы, порождённые данным обществом, и элементы, тем или иным способом приобретённые им; во-вторых, более близким образом определить последние - как с точки зрения времени их происхождения (от обществ, предшествующих данному или современных ему), так и с точки зрения способа их приобретения (сознательная ассимиляция, наследство, проникновение со стороны); в-третьих, оценить образовавшееся множество элементов по шкале «соответствия – несоответствия» основным историческим характеристикам данного общества с учётом не только «крайних», позитивных и негативных, но и «нулевого», т. е. нейтрального, пунктов этой шкалы. Полученная в результате такой непростой операции картина как раз даёт представление об основных типах составляющих исторического сознания, выявленных с точки зрения их отношения к исторической специфике общества. На самом общем, предельно абстрактном уровне рассмотрения предмета решение задачи примет вид типологии, где фигурируют следующие типы элементов исторического сознания:

1 - порождённые данным обществом и отражающие его коренные исторические особенности, соответствующие им;

2 - порождённые данным обществом и нейтральные по отношению к его исторической специфике;

3 - порождённые данным обществом, но не соответствующие его коренным историческим чертам, в том числе противоречащие им;

4 - порождённые «другими» обществами, но активно ассимилируемые данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам;

5 - порождённые предшествующими обществами и переданные данному по наследству, но противоречащие его коренным историческим чертам;

6 - порождённые «другими» современными обществами и занесенные в данное общество тем или иным путём, но не соответствующие его коренным историческим чертам.

При рассмотрении типов элементов исторического сознания следует иметь в виду, что историческое сознание представляет собой не просто набор, конгломерат различных образований, но нечто единое целое - систему, в которой все образования занимают определенное место и связаны друг с другом определёнными отношениями. Ведь это только в нашей классификации типы 1,4 выглядят вполне «равноправными» со всеми остальными. В действительности же их положение в составе исторического сознания любого, имеющего чётко выраженное историческое лицо общества существенно отличается от положения всех прочих элементов. Прежде всего с чисто количественной точки зрения они представлены в историческом сознании общества при прочих равных обстоятельствах, безусловно, значительно шире, чем другие типы составляющих. Конечно, нельзя количественно измерить историческое сознание, поэтому нельзя и сказать, какие действительные пропорции существуют в историческом сознании того или иного общества между его «позитивными» и «нейтральными» элементами. Однако и без такого измерения можно совершенно определённо утверждать, что «позитивные» типы 1,4 несопоставимо преобладают в составе исторического сознания любого определённого в историческом отношении общества в сравнении с «негативны-

ми» типами 5,6. Главным доказательством данного факта становится само объективное существование соответствующего общества как устойчивого, находящегося в состоянии «равновесия» целого. Указанное соотношение «позитивных» и «негативных» элементов исторического сознания - непрерывное условие нормального функционирования всякого общества, залог и одновременно показатель его относительной стабильности, одна из существенных предпосылок сохранения им своей идентичности.

2.2. Историческое сознание как метод научного познания

Историческое сознание – это сложное и многогранное явление общественной жизни. Его нельзя изучать в каком-либо одном аспекте или плане. Здесь важным методологическим принципом должна служить многоплановость подхода к изучению исторического сознания, определяемая многообразием связей и отношений данного феномена с другими формами общественного сознания, в чем, в частности, проявляется его целостность. Такой многоплановый подход позволяет раскрыть разные стороны и грани феномена исторического сознания. Другое дело, что принцип многоплановости в исследовании исторического сознания ещё не нашёл достойного места в философских исследованиях¹³⁸.

В определённой степени эта проблема была осмыслена вслед за А. М. Гендиным, А. И. Панюковым. В этом отношении представляется ценным рассмотрение им исторического сознания в узком и широком смысле этого слова, в которых отражены два концептуальных подхода к определению сущности исторического сознания и его места в системе общественного сознания. В узком смысле - это есть собственно историческое сознание как отражение прошлого в общественном сознании, как социальная память на различных уровнях и в различных формах (теоретическое, обыденное сознание,

¹³⁸ Леопа А. В. Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Леопа Александр Владимирович. – Красноярск, 2004. – С. 21.

общественная психология). Это не особая форма общественного сознания, а временной срез всех форм общественного сознания, существующий наряду с другими временными срезами - презентистским (постижение настоящего) и прогностическим.

В широком смысле историческое сознание правомерно рассматривать в качестве специфической формы общественного сознания, воспроизводящей и реализующей связь времён и поколений, преемственность в историческом процессе, несущей эстафету поколений. Это отражение историчности исторического процесса, единства, изменчивости и преемственности в развитии общества, воплощение в идеальной форме соотношения прошлого, настоящего и будущего¹³⁹.

Исследование исторического сознания как метода научного познания осуществляется на уровне научно-теоретического сознания. Это такие структурные элементы исторического сознания как исторические знания, познание, мышление, опыт, реконструкция исторических фактов, осмысление современности на уровне теоретического осмысления прошлого, носителем которого выступает историческая наука. Именно на этом уровне формируется самосознание общества и индивида.

Важным элементом исторического сознания является познание исторического процесса. Прежде чем определить специфику исторического познания, следует отметить существенные различия между естественнонаучным и социогуманитарным познанием.

Это различие лежит в природе объекта и методах его постижения. Первый ряд наук, естественнонаучное исследование, предполагает изъятие из среды (умерщвление) предмета, использование инструмента, «внеположенного» ему, процедуры «вскрытия», расчленения, повторяемый в опыте экспе-

¹³⁹ Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденция развития, методол. анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Панюков Александр Иванович. – Красноярск, 1995. – С. 43.

римент и единственную формулу его результата. В гуманитарной же теории и практике предмет исследования живой, изменчивый, не равный самому себе в каждый последующий момент, и метод здесь «внутренний», имманентный процессу, он работает внутри исследуемого явления, предполагает со-присутствие, «погружение» исследователя в живой процесс, а результат предьявляется как описание, адресованное понимающему сознанию: вывод остается открытым для интерпретаций, предполагает продолжение в мысли Другого.

Существует также и специфика субъектно-объектных отношений в самом историческом познании. В отличие от естественнонаучной гносеологии в историческом познании происходит взаимовлияние субъекта и объекта. Тем не менее на этом основании неправомерно делать вывод о несостоятельности исторического знания и ущербности исторического сознания из-за его релятивизации.

Особенности исторической гносеологии неизбежно отражаются и на категориальном аппарате, в частности, в определении таких понятий, как историческое сознание и история.

Существует много определений категории «историческое сознание». Один из первых исследователей исторического сознания М. А. Барг даёт следующее определение исторического сознания «Это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени - прошлое, настоящее и будущее»¹⁴⁰.

И. С. Кон, одним из первых предпринявший попытку решить проблему сущности исторического сознания в отечественной философской литературе в 60-х гг. XX в., определил историческое сознание как «осознание общест-

¹⁴⁰ Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопр. истории. – 1982. – № 12. – С. 49.

вом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим»¹⁴¹.

Эти позиции разделяют Ю. А. Левада, Б. Г. Могильницкий, А. И. Панюков¹⁴². С ними в данном случае соглашается и И. А. Гобозов. «Историческое сознание, - по его мнению, - есть осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим»¹⁴³.

И это действительно так. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшее развитие общества.

Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия – человеком¹⁴⁴. Или, говоря словами К. Ясперса, «... наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее»¹⁴⁵.

Определяя историческое сознание как специфическое образование общественного сознания, М. Ю. Ширманова показывает многозначность термина «историческое сознание»:

- термином историческое сознание обозначается мышление познающего действительность субъекта, направленное на объект как природной, так и социальной действительности;

¹⁴¹ Кон И. С. Проблемы истории в истории философии // Методол. и историогр. вопр. ист. науки. Вып. 4. – Томск, 1986. – С. 15.

¹⁴² Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Филос. пробл. ист. науки. – М.: Наука, 1969.; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М.: Наука, 1989.; Панюков А. И. Историческое сознание: сущность, структура, тенденция развития, методол. анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Панюков Александр Иванович. – Красноярск, 1995.

¹⁴³ Гобозов И. А. Введение в философию истории. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 1999. – С. 361.

¹⁴⁴ Неклесса А. И. Трансмутация истории // Вопр. философии. – 2001. – № 3. – С. 58.

¹⁴⁵ Ясперс К. О смысле и назначении истории. – М., –1991. – С. 135.

- историческое сознание выступает как метод научного познания «Иначе, - делает вывод автор, - историческим сознанием может быть названа мысль субъекта, познающего объекты действительности, имеющие историю...»;

- «историческое сознание» образуется как применение принципа историзма к исследованию общественного сознания и является модификацией первого значения термина «историческое сознание», означая исторический подход к изучению общественного сознания¹⁴⁶.

В соответствии с таким определением места исторического сознания в структуре общественного сознания М. Ю. Ширманова определяет сущность

исторического сознания как определённого способа отражения действительности в мышлении и проявление этого способа в конкретно-исторических типах общественного сознания, как социально выработанную форму мышления¹⁴⁷.

Многоплановый характер носит и категория «история». Наиболее часто встречающееся определение термина «история» таково: история – это знание о человеческом прошлом. Если предположить, что в субъективном смысле историю определяют как знание о человеческом прошлом, то сразу возникает вопрос: почему все человеческое прошлое является объектом только одной дисциплины? Как свидетельствует Р. Арон, «...имеются два возможных утвердительных ответа: один предполагает биологическую версию единства человеческого прошлого, а другой – теологическую версию, более или менее секуляризованную в различных философиях истории»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Ширманова М. Ю. Историческое сознание общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ширманова Марина Юрьевна. – Ростов-н/Д., 1989. – С. 15.

¹⁴⁷ Ширманова М. Ю. Историческое сознание общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ширманова Марина Юрьевна. – Ростов-н/Д., 1989. – С. 6.

¹⁴⁸ Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 60.

Итак, историческое знание состоит из высказываний о событиях, но так как ни одна наука не состоит просто из набора разрозненных высказываний, историческое знание, конечно же, есть знание о событиях, причём о событиях взаимосвязанных. Согласно этому определению, историческое знание – это знание о событиях в их взаимосвязи. Это фактически приводит к следующему: история – это знание о рассказанном прошлом, или: историческое знание состоит из нарративных высказываний¹⁴⁹.

Рассмотрев существенные различия между естественнонаучным и социогуманитарным познанием, специфику исторической гносеологии и её отражение на категориальном аппарате, необходимо обратиться к некоторым особенностям исторического познания на различных уровнях исторического сознания.

Можно выделить три уровня исторического сознания, каждому из которых присущи свои особенности приобретения знаний человеком.

На первом, естественном (обыденном) уровне человек непосредственно встречается с историей, любой, даже если он не всегда это осознает,- отмечает И. А. Гобозов, - сталкивается с историей как через духовную культуру (воспоминания о прошлом, соблюдение традиций, знакомство с исторической литературой и т. д.), так и через материальную культуру (использование переданных прошлыми поколениями производительных сил, изучение памятников архитектуры и т. д.)¹⁵⁰.

Сущность обыденного сознания заключается в том, что оно есть эмпирическое отражение общественного бытия и повседневной практики индивидов и социальных групп. Оно черпает свои знания и представления об окружающем мире, историческом прошлом и настоящем из многих источников, которыми являются фольклор и устные предания, исторические памятники и

¹⁴⁹ Там же. – С. 66.

¹⁵⁰ Гобозов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 1999. – С. 362.

символы, художественная литература и средства массовой информации, различные виды искусства, воспоминания. Все они содержат элементы социальной памяти, сохраняя материализованный в предметной и духовной сферах мир прошлого: «Именно социальная память, - как отмечает В. В. Устьянцев, - создавая особую информационную среду, вовлекая в информационную деятельность по усвоению информационных потоков прошлого различных социальных субъектов, формирует обыденный уровень исторического сознания»¹⁵¹.

На втором уровне «...мы имеем дело с собственно историческим сознанием, когда у нас складывается определённая система знаний о прошлом»¹⁵². Ко второму уровню исторического сознания относится историческое сознание, формирующееся под влиянием художественной литературы, кино, радио, телевидения, театра, живописи. На этом уровне историческое сознание еще не превращается в систематическое знание.

На третьем уровне исторического сознания совершается теоретическое мышление исторического процесса. На этом уровне исторического сознания предпринимаются попытки объяснить человеческое прошлое во всей его противоречивости и сложности как на конкретно-историческом, так и на теоретическом уровне.

Формирование исторического сознания на теоретическом уровне помогает мыслить историческими категориями, видеть общество в диалектическом развитии, в изменении, осмысливать исторический процесс в динамике,

¹⁵¹ Устьянцев В. В. Историческое сознание и социальная память // Историческое воззрение как форма общественного сознания. Материалы межвузовской конференции, 1993. – г. Саратов: изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1993. – С. 7.

¹⁵² Гобозов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 1999. – С. 362.

в хронологической взаимосвязи времён. Носителем этого уровня исторического сознания является историческая наука¹⁵³.

Научно-теоретическое сознание использует специально разработанные методы и принципы, благодаря которым обеспечивается особый характер опосредованности теоретического отношения человека к действительности. Научно-теоретическое мышление рационально, и в плане рациональности оно характеризуется двумя чертами – доказательностью и системностью. Источники, используемые научно-теоретическим сознанием, более многочисленны и разнообразны. Это не только исторические легенды, предания, мемуары, исторические источники охватывают не только результаты человеческой деятельности, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности, естественно-географическую среду и физико-психологические свойства человека.

Между историческим сознанием как целым и историческим познанием как специализированной подсистемой существуют сложные взаимосвязи и зависимости, накладывающие определённый отпечаток на характер и структуру исторического знания.

Приобретённое в процессе познания историческое знание становится средством поиска возможных вариантов дальнейшего развёртывания общественных процессов, а инструментом этого поиска является мышление. Историческое знание организуется в проекты, прогнозы в соответствии с возможными альтернативами развития ситуации на основании избранных приоритетов. Картина истории здесь будет выглядеть как веер возможностей в обратной перспективе.

¹⁵³ История России / Россия в мировой цивилизации: учеб. пособие для вузов / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – М.: Центр, 1998. – С. 18.

Различные структуры исторической реальности, например события, процессы и т. п., предполагают использование различных моделей приобщения к истории.

Одно из условий выбора пригодной модели определяется тем уровнем, который занимает рассматриваемое явление в данной системе, взятое как целое. На этом основании могут возникать специфические отрасли: политическая история, военная история и т. д.

Историческое знание организуется в дисциплинарные систематики знания и выступает как конгломерат дисциплин. Оно классифицируется по различным основаниям, например по объекту: его географической или хронологической локализации; тематической локализации. Объект отражает специализацию научно-познавательной деятельности профессиональных историков, что обуславливает разветвленную внутридисциплинарную иерархию исторического знания (вспомогательные исторические дисциплины и т. п.). Данный аспект отмечает О. Шпанн: «История есть осмысленная иерархия находящихся в состоянии взаимного соответствия периодов развёртывания различных структурных элементов человечества, т. е. культур, которые развивают различные духовные направления, обладают различной скоростью развёртывания и потому находятся на различных стадиях процесса развёртывания»¹⁵⁴.

По мнению Л. П. Карсавина, история в узком и точном смысле этого слова усматривает и изучает развитие там, где оно полнее всего обнаруживается. А оно обнаруживается в материально-пространственном бытии не сразу, с большим трудом бессознательно и безотчётно выставляемых философски необразованными естественниками и обоснованно – философией¹⁵⁵.

При этом Л. П. Карсавин определяет важную особенность исторической науки. Она изучает не только прошлое, но также и настоящее, и при том так,

¹⁵⁴ Шпанн О. Философия истории. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 359.

¹⁵⁵ Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб, 1993. – С. 81.

что ни то, ни другое в отдельности своей изучению не подлежит¹⁵⁶. Поэтому философское рассмотрение истории разворачивается в двух перспективах: как методология исторического познания и как осмысление исторической действительности.

Важным моментом рассматриваемой проблемы, связанной с историческим сознанием как методом научного познания, является признание того факта, что историческое сознание образуется как применение принципа историзма к исследованию тех или иных сторон общественной жизни. Здесь следует заметить, что слово «историзм» (или «историцизм» в обычном или философском употреблении) было употреблено Карлом Поппером в очень специфическом смысле, который не соответствует его смыслу в философской литературе. Карл Поппер назвал небольшую книжку «Нищета историцизма». В этой работе Поппер подразумевает под историцизмом определённый взгляд на историю, согласно которому история управляется и детерминируется определёнными силами. Однако здесь речь не идёт о детерминистском понимании истории, которое принимает форму исторических законов, определяющих всеобщее движение становления человечества. В сущности, как утверждает Трёлч, это претензия на знание будущего или установление законов макроисторического развития.¹⁵⁷

«Историчность» знания измеряется событийным временем и может быть понята как его другая динамика, отличная от линейной. «Картина истории» в таком случае определяется экзистенциальными состояниями сознания (ментальность эпохи, дух времени и т. д.).

¹⁵⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб, 1993. – С. 277.

¹⁵⁷ Трёлч Э. Историзм и его проблемы. – М.: ЮристЪ, 1994. – С. 27.

Рассмотрев формы организации исторического знания, важно определить основные положения современной научной формулировки принципа историзма.

- Объектом исторической науки является история, понимаемая как прошлое развитие человечества. Это развитие подчиняется особым объективным законам.

- Развитие общества отличается от развития природы. Историческое развитие во многом определяется целеполагающей деятельностью людей и, следовательно, включает в себя на всех уровнях и этапах сознание, которое выступает в форме воли, эмоций, осознанных или интуитивных целей и является важным фактором истории.

- Эмпирическую базу исторического познания составляют факты, построенные на основании научного критического исследования исторических и археологических источников. Принцип историзма требует выявления и описания максимально полного набора фактов, необходимых для решения каждой конкретной исторической задачи.

- События и процессы объективной исторической реальности причинно обусловлены.

- Все исторические события, ситуации и процессы различаются по степени их значимости, по вкладу в историческое развитие.

- Современная историчность особо проявляет себя в пространстве, приобретая локально-региональные особенности.

Парадигма историчности апеллировала к таким социальным субстанциям, как цивилизации, нации, классы, политические движения. Эти субстанции являлись историческими образованиями, задавали движение общества и придавали смысл этому движению. Исходя из этого, политика мыслилась как выражение исторической правды в том или ином вопросе. По мнению

В. Семенкова, историческая политика доживает свой век, ибо сейчас все чаще мы видим ситуации, когда нам уже не важна историческая правда в тех или иных текущих политических конфликтах. Мы все чаще сталкиваемся с ситуацией, когда нет смысла в поисках тех или иных закономерностей, поэтому представляется возможным сказать, что историческая рациональность исчерпала себя как способ смыслообразования¹⁵⁸.

Именно методы современных учёных, а не понимание проблемы – вот что главным образом отличает современных мировых историков от Конта и Спенсера. Эволюционисты XIX века наибольший приоритет отдавали этнографическим свидетельствам. Поскольку подразумевалось, что люди имеют одинаковую природу, а также потому, что большая часть изменений рассматривалась как имманентная обществу, все люди мыслились как развивающиеся по единственной восходящей линии. Каждая изучаемая антропологами культура, от наиболее примитивной до наиболее утончённой, мыслилась как репрезентация одной ступени в прогрессивной эволюции вида. Современные мировые историки сместили акцент с этнографических на исторические формы эмпирических свидетельств.

При этом следует заметить, что состояния социальной реальности становятся историческими в той мере, в какой ситуация содержит в себе акт возникновения нового в ней. Однако с развитием социально-научных методологий историки всё больше и больше внимания стали уделять процессам исторического изменения. Отрицаются или подтверждаются импрессионистские находки тех, кто выработал трехчастную систему, динамическими моделями изменения, применяющимися историками? Все эти постоянно используемые модели отчасти получены из теоретических разработок политэкономов XVIII – XIX века Адама Смита, Томаса Мальтуса, Карла Маркса.

¹⁵⁸ Семенков В. Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания // *Credo New*. – 2006. – № 3. – С. 56, 57.

Все эти модели приводятся в движение одним из трёх механизмов изменения – разделением труда, основанном на торговле, циклическим демографическим воздействием или классовой борьбой, поскольку она связана со способом производства¹⁵⁹.

Как отмечал И. А. Ильин, «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и учёных; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем»¹⁶⁰.

Таким образом, проблематичность изучения исторического сознания обусловлена тем, что оно представляет собой многомерное явление духовной жизни общества и личности. С одной стороны, это специфическая форма общественного сознания, с другой – составляющая всех форм общественного сознания – политического, экономического, экологического, философского, нравственного и др. Историческое сознание как метод научного познания обрывается как применение принципа историзма к исследованию тех или иных сторон общественной жизни.

2.3. Амбивалентность цивилизационного исторического сознания

Во второй половине XIX века в противовес линейно-прогрессистским теориям развития появляются циклические модели исторического процесса, т. е. начал складываться опыт дискретного подхода к истории. Параллельно с субъективистскими подходами к культуре развивались концепции, с помощью которых принципиально старались охватить культуру комплексно, по-

¹⁵⁹ Грин В. Периодизируя всемирную историю // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 53.

¹⁶⁰ Ильин И. А. О русском национализме. – М.: Рос. Фонд культуры, 2007. – С. 69.

нять законы ее развития и функционирования, выстроить некоторую типологию культур (в форме цивилизаций), пытаясь понять причины возникновения, расцвета и упадка отдельных эпох. В этом направлении в прошлом работали Н. Данилевский, А. Тойнби, П. Сорокин и др. Некоторые их наиболее плодотворные идеи восприняли и развили ученые российской школы, включая современных ученых-теоретиков, работающих в области философии культуры.

Понятие «цивилизация» применяется во многих смыслах. Важно выделить три основных.

1. Обозначает совокупность достижений человечества, которые характеризуют выделение человека из животного мира и его восхождение по ступеням социального развития. В этом значении под цивилизационными достижениями понимается, прежде всего, развитие, системное усложнение и расширение «второй природы» – мира созданных человеком предметов и процессов, который непосредственно окружает его и обеспечивает его выживание в природе.

2. Характеризует особый тип общества, возникающий на определенной ступени исторического развития, когда происходит переход от первобытного состояния к первым сельским и городским цивилизациям древности. В основе этого понимания лежит целостное системное видение общества с особенностями его культуры, ее базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типов личности и образа жизни, которые воспроизводятся в процессе существования цивилизации. В этом значении употреблял термин «цивилизация» А. Тойнби, когда выделял в истории человечества различные виды цивилизаций. В этом подходе цивилизация и культура никак не противопоставляются друг другу. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры.

3. Под цивилизацией понимаются технологические и технические изобретения и она противопоставляется культуре, поскольку культура – это базисные ценности и состояния духовного мира человека. В этом смысле часто говорят, что цивилизация и культура не совпадают; это разные аспекты социальной истории.

Например, В. С. Степин использует термин «цивилизация» во втором смысле, т. е. рассматривает как некий целостный организм, предполагающий определенный тип культуры.

Понятие «цивилизация» определяется как совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политическо-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном, достаточно длительном, пространственно-временном диапазоне.

Изобретение самых элементарных орудий примитивными людьми есть цивилизация, как цивилизация есть всякий социализирующий процесс. Латинское слово «цивилизация» указывает на социальный характер обозначаемого этим словом процесса. Исходя из этого термин цивилизация более применим к социально-коллективным процессам, культура – процесс более индивидуальный и идущий вглубь. Можно сказать, например, что этот человек обладает высокой культурой, но нельзя, что этот человек имеет очень высокую цивилизацию. Говорят духовная культура, но не духовная цивилизация. Цивилизация означает большую степень объективации к социализации, культура более связана с личностью и духом.

В отличие от социально-экономической формации цивилизация имеет дело в первую очередь с культурой, духовно-нравственными ценностями, стоящими гораздо выше любых классовых и партийных пристрастий, а главное — выражает интересы общества в целом, объединяет всех живущих

на данной территории или в регионе людей идеей принадлежности к данной исторической общности.

Теория цивилизаций является одной из самых авторитетных среди тех научных парадигм, которые используются для интерпретации мировой истории на современном этапе. С. Хантингтон определяет цивилизации как наиболее высокую форму культурной общности людей, как «самые крупные человеческие племена».

В современных условиях релевантные для всемирной истории цивилизации являются крупнейшими единицами исторической действительности – помимо самого мира как целого, – которые допускают обособление. Другими словами, всемирная история определяется как исторический процесс, вовлекающий настолько большую часть человечества, что их изучение с точки зрения какой-то области, такой как Европа или Дальний Восток, обязательно остается фрагментарным. Приведем несколько примеров понятий исторических комплексов, играющих свойственную им роль.

Одним из первопроходцев на этом пути стал Н. Я. Данилевский, в своей книге «Россия и Европа» изложивший теорию культурно-исторических типов. История полифонична и не сводима к единой, общеобязательной для всех стран и народов «магистральной», полагал этот русский ученый. Он сформулировал вывод, что прогресс заключается не в фиксации момента определенного единства истории, а в принципиальной многосторонности, многоплановости человеческой культуры, в которой выделил 10 «полноценных» исторических типов. Цикл развития каждого из них включает в себя продолжительный период роста и относительно короткую эпоху «цветения и плодоношения» - время существования цивилизации, раз и навсегда истощающей жизненную силу культурно-исторического типа.

Нашим современникам Данилевский представляется первым, кто предложил модель многополярного мироустройства, которое в его глазах есть

«необходимое и вместе с тем единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы».

Два условия всемирного равновесия по Данилевскому – это зародыш мирового проекта альтернативного проекту глобального единодержавия. Первое и главное условие – возникновение вокруг России федерации славянских государств («Всеславянского союза» в терминах Н. Я. Данилевского)¹⁶¹. Сегодня данное условие носит видоизмененный характер, оно присутствует как возможность интеграции постсоветских государств и в первую очередь – формирования единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана, России и Украины.

Второе условие всемирного равновесия Н. Я. Данилевский формулировал так «Всеславянский союз» имел бы своим результатом... равный и справедливый раздел власти и влияния между... Европой, Славянством и Америкой». В XXI веке в Евразии потенциальных участников такого геополитического проекта, разумеется, не три, как в эпоху колониального мира, а больше. Как минимум это: 1) Соединенные Штаты Америки с образовавшейся вокруг них Североамериканской зоной свободной торговли; 2) сверхдержава будущего – «Соединенные Штаты Европы»; 3) Россия и интегрирующиеся с ней другие государства СНГ; 4) «Большой Китай»; 5) Индия с родственными ей культурами Южной Азии; 6) Япония; 7) мусульманский мир; 8) то или иное объединение южноамериканских государств.

В теории культурно-исторических типов нет места единой «общечеловеческой цивилизации», ее просто нельзя помыслить, а пути «всечеловеческого» единства различимы лишь в общем историческом плане событий, на-

¹⁶¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М., 1991. – С. 338.

чертанном «рукою Промысла», в конкретном многообразии форм исторической жизни.

В теории культурно-исторических типов нет места европоцентристскому мифу. В географическом смысле, писал Н. Я. Данилевский, «и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии»; в культурно-историческом смысле Европа совпадает не с общечеловеческой цивилизацией, а с цивилизацией романо-германской. В этой парадигме взаимодействие «типов развития» и «ступеней развития» образует «формы исторической жизни человечества», причем «подчинение в исторической системе степеней развития типам развития» имеет, по Данилевскому, характер закона.

Каждой цивилизации, как и каждой эпохе, соответствует своя географическая перспектива, поэтому теория цивилизаций и геополитическая интерпретация истории суть части одной парадигмы исторического знания, как это понимал Н. Я. Данилевский.

Взгляды Данилевского на исторический процесс были развиты другими русскими мыслителями. Они сходятся в одном: человечество живо до тех пор, пока способно к произрастанию и развитию самобытные национальные культуры. Вместе с тем он считал, что ни один народ не является историческим эталоном и не может заявлять о своем культурном или ином превосходстве.

Еще более глубокой и аргументированной в части критики линейно-прогрессистских подходов к интерпретации истории являлась концепция английского историка и философа А. Тойнби. «Непрерывность истории, – писал он, – наиболее привлекательная из всех концепций, построенных по аналогии с представлениями классической физики. Однако нам придется, скрепя сердце, критиковать ее»¹⁶². В основе подобных представлений, констатирует основоположник теории цивилизаций, лежит тезис об унификации мира на ба-

¹⁶² Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М, 1991. – С. 38.

зе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории. Но такой подход приводит к грубым искажениям фактов и сужению исторического поля.

А. Тойнби вычленяет несколько десятков цивилизаций. Среди них расцветшие (Египет), застывшие (Спарта), неразвившиеся (город-государство в средневековой Западной Европе) цивилизации и др. Движущей силой развития цивилизации, по Тойнби, выступает творческая элита. Именно элита, (творческое меньшинство) удачно отвечая на «вызовы истории», увлекает за собой инертное большинство населения. Оригинальность «вызовов» и «ответов» составляет своеобразие данной цивилизации. При этом А. Тойнби считал, что развитие истории человечества состоит в его духовном совершенствовании, в переходе к единой синкретической религии будущего.

Человеческое общество не сводимо только к экономическим и политическим его формам. Культура народов намного глубже и фундаментальнее этих двух исторических слоев. При таком рассмотрении истории почти полностью игнорируются особенности развития неевропейских народов. Мировую историю Тойнби сравнивает с каретой, имеющей множество колес цивилизаций, живущих каждая по своим законам. Английский ученый определяет цивилизации как общества, которые не могут быть объединены ни по одному из их признаков. Таких обществ в мировой истории он насчитал 21, а учитывая цивилизации-спутники и застывшие, -37. Каждая цивилизация как дискретная единица социальной организации имеет свойственную только ей среду обитания и развивается в соответствии с вполне определенным ритмом, включающим ряд фаз: генезис; рост за счет энергии жизненного порыва; надлом; упадок и разложение, связанные с исчерпанием жизненных сил и неспособностью адекватно реагировать на «вызовы истории».

Приверженцы «цивилизационного подхода» обычно никак не определяют ключевое для них понятие цивилизации. Но, если присмотреться к тому, в

каком контексте оно ими употребляется, нетрудно заметить, что под цивилизацией понимается либо – что реже – тот или иной социально-исторический организм со всей присущей ему культурой («египетская цивилизация», «китайская цивилизация»), либо – что гораздо чаще – та или иная региональная система социоисторических организмов, обладающая, по мнению людей, ее выделивших, общей культурой («шумерская цивилизация», «эллинская цивилизация», «античная цивилизация», «западная цивилизация» и т. п.). А. Тойнби в своем основном труде «Постижение истории»¹⁶³ прямо ставил знак равенства между понятием цивилизации и понятием общество. В составленном им перечне цивилизаций значатся шумерское, древнекитайское, хеттское, западное и еще семнадцать «обществ».

Немецкий философ К. Ясперс в отличие от Шпенглера и Тойнби исходил из того, что человечество имеет единое происхождение и единый путь развития, несмотря на кажущиеся отличия между отдельными обществами. Центральным моментом его теории является понятие «осевого времени», которое трактуется как вполне определенная историческая эпоха, когда человечество ближе всего находится к оси мирового бытия, когда последнее было открыто людям. Эта открытость реализовалась в творчестве величайших пророков, указавших людям, как жить в мире, чтобы быть достойными высокого звания Человек. Именно в этот период на смену первобытному язычеству приходят мировые религии, мифологическое сознание уступает место философии, в географически отдаленных друг от друга местах практически синхронно развиваются события и процессы, положившие начало становлению современного человечества. Надежды на будущее Ясперс связывал с возможностью нового осевого времени, не считая, однако, что эта возможность может реализоваться автоматически, без участия людей. «История, - писал

¹⁶³ Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / под. ред. Н. С. Розова. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 21, 22.

он в своем труде «Смысл и назначение истории», - это постоянное и настойчивое продвижение вперед отдельных людей. Они призывают других следовать за ними. Те, кто их слышит и понимает, присоединяются к этому движению»¹⁶⁴.

Используя многие идеи Шпенглера и Тойнби, даже полностью воспроизведя название одной из статей Тойнби 1947 г., но, почему-то не упомянув ни об одном из них, С. Хантингтон продемонстрировал высокую эффективность цивилизационного подхода в области исследования и обобщения опыта развития всемирной истории и международных отношений. Обосновывая свою «цивилизационную парадигму» современных международных отношений, американский ученый концентрирует внимание на нескольких важных с его точки зрения моментах:

- цивилизации различны между собой по своей истории, языку, религии, культуре, это несходство не обязательно предполагает конфликт, а конфликт - военное насилие, но фактом остается и то, что на протяжении столетий самые затяжные и кровопролитные войны случались между разными цивилизациями;

- мир становится все более «тесным» в связи с интенсификацией взаимодействий между цивилизациями, что ведет к росту цивилизационного самосознания, осознанию различия между цивилизациями и притягательности собственных цивилизационных ценностей и приоритетов;

- процессы экономической модернизации и политических перемен в мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, нередко рождая фундаменталистские, протестные движения;

- во многих странах происходит интенсивная девестернизация элит, которые возвращаются к национальным культурным корням и потому весьма болезненно воспринимают экспансию евроатлантической цивилизации в лю-

¹⁶⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 73.

бой из ее форм;

- возникающие на цивилизационной основе противоречия сложнее разрешить или свести к компромиссу, чем экономические или политические;

- Хантингтон исключает из цивилизаций так называемые расколотые страны, которые не имеют однозначной цивилизационной ориентации.

К исходу XX века наметилось постепенное схождение двух школ цивилизационных трактовок истории. Процессы социокультурной агрегации и самоформления больших групп людей стали восприниматься как нечто универсальное, общечеловеческое, но по-разному интерпретируемое в различных регионах и странах. Новое теоретическое прочтение понятия «цивилизация» было соотнесено с опытом всемирной истории в XX столетии, согласовано с выработанной мировым обществоведением новой научной картиной мира. В поле зрения науки попали внутренняя противоречивость, антагонизмы, разнообразные конфликты, жестокая борьба за власть и влияние внутри самих цивилизационных общностей. Цивилизационная реальность, связанная со стремлением упорядочить человеческий жизненный мир, всегда исходила из некоторых базисных характеристик человеческого бытия и биологических аспектов человеческой природы. В этой связи можно утверждать, что поиски отдельными группами людей собственного культурного места в мире имеют смысл и становятся продуктивными лишь тогда, когда связаны с развитием процессов многосторонней межкультурной коммуникации.

По мнению автора, теория цивилизаций является одной из самых авторитетных среди тех научных парадигм, которые используются для интерпретации мировой истории на современном этапе. В большинстве из имеющихся определений цивилизаций это понятие так или иначе сопрягается с феноменом культуры. Е. Рашковский и В. Хорос попытались провести демаркацию «этих двух пересекающихся понятий». «Нам представляется, – пишут они, – что различие между ними двоякое - в объеме и в содержании. Если культура

– это все поле интеллектуального и духовного поиска, весь комплекс смыслов, ценностей, имеющих хождение в том или ином обществе, то цивилизация – это «оплотневшая», кристаллизовавшаяся культура, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях, мыслительных парадигмах, прошедших тест на прочность, на длительность, на некоторую усредненность и, стало быть, на широкую транслируемость во времени и пространстве. Кроме того, цивилизация складывается не только из ценностей, но и институтов, что подчеркивает факт укорененности соответствующих элементов культурного наследия в социуме»¹⁶⁵.

В то же время цивилизация выполняет несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего, она несет в себе начало объединения, универсальности и претендует на эталон универсальности на фоне других человеческих общностей. Вместе с тем цивилизация обеспечивает преемственность в исторической эволюции, механизмы, скрепляющие общество. Б. С. Ерасов выделял четыре основные функции цивилизации, отвечающие за процессы ее развития и выживания: а) интеграция разрозненных компонентов жизни данной большой человеческой общности; б) дифференциация и специализация как часть процесса развития; в) обеспечение преемственности в длительном историческом времени; г) регуляция отношений между личностью и обществом.

Сейчас принято считать, что цивилизации проявляли и продолжают проявлять себя как некая стратегия выживания, стратегия самоорганизации человеческого времени-пространства и огромных человеческих общностей. И сама эта веками разрабатываемая стратегия накладывает свой отпечаток на весь характер цивилизационного становления и развития мира. Зарубежные и отечественные ученые в конце XX века предпочитают пользоваться цивилизационным подходом в анализе исторических фактов и процессов. Он из-

¹⁶⁵ Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность. – М., 2003. – С. 37.

бавляет их от необходимости отдавать дань экономической или материальной обусловленности деятельности человека, позволяет выдвигать на первый план самого человека, его потребности, знания, умения, культуру, идеологию¹⁶⁶.

Таким образом, вопреки истории, во второй половине XX века преобладающее влияние приобрела, однако, не геополитическая парадигма (парадигма культурно-исторических типов), а противоположная ей по смыслу «глобалистская» («формационная», «революционная»), отсылающая к таким духовно родственным явлениям, как концепция «глобальной революции», антиглобализм, идеология «мировой коммунистической революции», концепция смены общественно-экономических формаций К. Маркса, идея всемирной свободы торговли, идея «глобального директората» (глобального управления миром), философия прогресса в Просвещении XVII-XVIII веке. В связи с этим трехчастная периодизация, основанная на типах менальности, является не только жизненно важным, но и адекватным средством для поддержания культурной тематики, которой обычно уделяется особое внимание при обсуждении более ранних стадий всемирной истории. Суть заключается в том, что технологическая, коммерческая и культурная периодизации обеспечивают три различных, хотя и взаимосвязанных системы отсчета социального изменения, с помощью которых описываются структуры и контакты на глобальной в конечном счете основе.

Справедливо отметил П. Стернз: «Не подменяя собой особенности отдельных цивилизаций, трехчастное основание для хронологии всемирной истории выражает жизненно важные грани любого человеческого общества, охватывая ключевые изменения в истории как простого народа, так и элиты, а также описывая жизненно важные контакты и отношения с позиции силы между главными цивилизациями. Очевидно, другие социальные институты и

¹⁶⁶ Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации. – М.: Наука, 2005. – С. 7.

типы социального поведения все же должны быть помещены в этот каркас...»¹⁶⁷.

Однако другие авторы (Федотова и др.) утверждают во многом противоположное – сворачивание глобализации, рост влияния государств и национальных интересов, неустранимость в ТНК и пестроте социальных инноваций и группирований национально-государственного видения и его следов. Они также утверждают необходимость смены методологий, но понимают эту смену иначе – нужно перейти от констатации эклектического состояния и иронии невнятного постмодернизма к внятной новому Третьему модерну как самого Запада, так и незападных стран.¹⁶⁸

Авторы Л. П. Репина и др.¹⁶⁹ поставили перед собой задачу изложить эволюцию исторического знания, процесс формирования истории как научной дисциплины. В книге рассматриваются различные формы познания и восприятия прошлого, освещается современная полемика о месте истории в обществе, показаны особенности историописания. Значительное внимание уделено основным историософским школам и направлениям, концепциям исторической мысли, таким понятиям как, «история», «историческое время», «исторический источник», «историческая правда», «историческая закономерность».

Цивилизационный подход имеет ряд несомненных достоинств, знание и применение которых значительно обогащает механизм познания исторической реальности. Во-первых, цивилизация — это более широкое, более емкое понятие, чем социально-экономическая формация. Оно включает в себя такие черты и признаки, которые действуют на протяжении более длительного времени. Цивилизации, что очень важно, имеют большую не только времен-

¹⁶⁷ Стернз П. Периодизация в преподавании мировой истории: выявление крупных изменений // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 164.

¹⁶⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. «Глобальный капитализм: три великие трансформации» // Вопр. философии. – 2008. – № 8. – С. 15.

¹⁶⁹ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004.

ную, но и сущностную устойчивость, поскольку не связаны напрямую с социально-экономическими факторами. Именно поэтому исследование истории с минимальным влиянием субъектного фактора можно проводить на базе конкретного региона, исследуя его прошлое с учетом сравнительного анализа. Как отмечает А. С. Панарин, «... перед нами две альтернативные концепции философии истории: согласно одной, модерн – окончательный выбор человечества, которому предстоит продолжать эпопею прогресса, согласно другой, прогрессистская эпоха – это преходящая промежуточная форма между старым традиционным и новым, грядущим типом нестабильности»¹⁷⁰.

Таким образом, цивилизационный подход к истории в условиях глобализации имеет определенные особенности.

Во-первых, цивилизационный подход к прошлому предполагает определенный уровень исторического сознания, поскольку его сторонники в отличие от оппонентов – приверженцев формационной концепции, отвергают культ ведущих для современной науки постулатов: экономоцентризма и вестернизма.

Во-вторых, ученые, придерживающиеся цивилизационной концепции, исходят из изначальной самодостаточности и равноправия всех цивилизаций.

В-третьих, цивилизационный подход к историческому прошлому доказывает надуманность различных вестернистских концепций, которые выступают базисом насильственной глобализации и приводят к доминированию неконструктивного глобального мировоззрения.

2.4. Реконструкция исторического прошлого – основа формирования исторического сознания общества.

В соответствии с представлениями ряда исследователей основу исторического сознания составляют исторические знания. Знание истории является ключевой предпосылкой всякого осмысления и истолкования социального

¹⁷⁰ Панарин А.С. Философия истории. – М.: Гардарики, 1999. – С. 84.

опыта. Еще древнеримский историк Тит Ливий отмечал: « В том и состоит главная польза и лучший исход знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамленье величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же - чего избегать; бесславные начала, бесславные концы»¹⁷¹. Расцвет и крушение великих цивилизаций, гений созидательной деятельности людей и беспощадное разрушение войны, взлёты человеческой доблести, чести и низость порока, кипение народных страстей и затхлость застойных времён, мудрость политиков и их несостоятельность - все это образует живое полотно истории, которое обладает огромным воспитательным потенциалом и является важным фактором формирования сознания общества.

Формирование исторического сознания происходит через процедуру реконструкции истории, в результате чего реализуется двухсторонняя корреспондентская связь между новой идеей и содержанием источников, позволяющая уточнять и расширять содержание новой концепции за счёт установления новых фактов или репрезентации старых. Для понимания сущности реконструкции исторического прошлого необходимо отметить, что важнейшим способом актуализации форм исторического сознания является теоретизация самосознающей деятельности человека, позволяющая сделать адекватность отражающей способности рефлексивного образа основным связующим звеном между миром человеческой субъективности и объективными социальными процессами. Рефлексивный образ не тождествен «чистому образу истории», в нём отражается противоречивое взаимодействие человека и мира истории. В основе рефлексивного образа лежит ценностное отношение, человеческий мир, поэтому противоречивое отношение человека и истории в нём имеет тенденцию к единению. Олицетворением такого единства является

¹⁷¹ История России в вопросах и ответах: Курс лекций / сост. С. А. Кислицин. – Ростов-н/Д: Феникс, 1997. – С. 54.

представление об идеале. Г. Гегель подчеркивал, что «... в каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать такие решения, которые вытекают из самого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего»¹⁷². С ним согласен Б. Могильницкий: «Место реальных людей с их реальными чувствами, мыслями, делами занимают мистифицированные социологические категории, выступавшие в одинаковом обличье в самых разнообразных исторических ситуациях»¹⁷³.

Механизм сличения реконструированной исторической картины и действительности работает как определённый механизм обратной связи, в соответствии с которым человек меняет оценки, если они постоянно приводят его к нежелательным результатам, к состоянию постоянного дискомфорта с окружающим миром или самим собой. Этот механизм устанавливает отношения корреспонденции между внутренним миром человека, реальностью его сознания и исторической реальностью и действует как механизм нравственных рассуждений, т. е. рассуждений, которые предметом своего суждения имеют не столько сам объект, сколько отношение к нему.

Историческая реконструкция имеет свою специфику в представлениях сторонников критического рационализма. В известной работе «Познание без познающего субъекта» К. Поппер выдвинул концепцию трёх основных миров, с которыми сталкивается действующий человек. Один из них – объективный мир, мир природы, второй – мир субъективных процессов, мир мыш-

¹⁷² Гегель Г. Лекции по философии истории. – СПб., 2000. – С. 61.

¹⁷³ Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М., 1989. – С. 28.

ления. Третий мир возникает в результате деятельности второго. Он представляет собой мир объективных знаний. Эти знания зафиксированы в форме, доступной для восприятия другими субъектами. Понятно, что реконструкция исторического прошлого приводит здесь к другому пониманию сущности истории. В современных условиях историческая реконструкция используется для удовлетворения потребностей, возникающих по мере развития политической деятельности и самой политики как сферы взаимоотношений и борьбы социальных групп. Эта функция особенно ярко заметна на уровне конкретного региона, где особенно отчетливо проявляются ценностные пристрастия познающего историю.

Установление (или переустановление) фактов в прочие реконструкции неотделимо от их интерпретации – прояснения их смыслового содержания. Демонтаж прежних структур, скрепляющих массив знания, и оформление новых осуществляются одновременно. Разрушение старых связей сопровождается возникновением новых, но факты занимают надлежащее место в структуре концепции, и тогда утверждается новая архитектура знания. Только после этого вступает в силу рефлексивное мышление. Знание приобретает устойчивые формы, претендующие на теорию. Процесс формирования исторической теории организует, по сути реконструирует, ретроспективный взгляд, он трактует его как технологию конструирования нового исторического знания. Это часто приводило к искажению исторического сознания. В среде русских исследователей с самого начала было известно, что любые научные теории необходимо рассматривать с позиций историзма, с одной стороны, учитывая общий уровень развития науки данного периода, а с другой – прослеживая истоки и ближайшие последствия формирования данной теории. Однако такая необходимая схема оставляет тем не менее как бы в стороне жизнь общества, поскольку взаимоотношения между государственными и общественными элементами исторического процесса всегда яв-

ляются сложными. Одну из особенностей исторического сознания отметил Н. О. Лосский: «В числе многих парадоксов русской жизни один из самых замечательных тот, что политическая Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе ...»¹⁷⁴.

Если мы признаем, что многие факторы определяют в своём взаимодействии движение истории, то, вне всякого сомнения, одним из таких факторов является культура¹⁷⁵. Очевидно, что человечество проходит в своём развитии определённые стадии, содержание которых во многом совпадает, но при этом сохраняются и существенные различия. Для большинства учёных и политических деятелей представление о «едином плавильном котле» – пройденный этап. Многие сходятся на том, что преобладающей тенденцией является единство в многообразии, т. е. двигаясь к чему-то общему, мы сохраняем определённую самобытность и самость. Решающую роль в сохранении этой самобытности, своеобразия играет ментальность, которая, в свою очередь, формируется национальной культурой. Японец и Япония принадлежат сразу к нескольким цивилизациям: постиндустриальной (информационной), конфуцианско-буддийско-синтоистской, рисосеющей и островной. Новые её элементы, бесспорно, потеснили традиционные, но не вытеснили их.

Уайт наиболее полно изложил презентистский и конструктивный взгляд на историографию. Он писал, что «единственная причина, почему мы должны изучать вещи скорее в аспекте их прошлого, чем в аспекте их настоящего, есть необходимость преобразовать исторические исследования таким способом, чтобы позволить историку позитивно участвовать в освобождении настоящего от бремени истории. Это требует признания того, что исторические

¹⁷⁴ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 2001. – С. 153.

¹⁷⁵ Кукарцева М. А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопр. философии. – 2006. – № 4. – С. 50.

факты не столько «обнаруживаются», сколько «конструируются» теми видами вопросов, которые задаёт историк. Уайт полагал, что нарратив есть только один из возможных способов исторической репрезентации, и был склонен поддерживать конструктивизм, который мог бы помочь историкам избежать радикального релятивизма. Объяснение, по его мнению, должно быть рассмотрено исключительно в терминах богатства метафор, которые управляют последовательностью его артикуляции. Предусмотренная таким образом базовая метафора исторического исследования могла бы быть понята как эвристическое правило, которое сознательно устраняет из рассмотрения в качестве свидетельств некоторые виды данных. Историк, оперирующий такой концепцией, мог бы, подобно современному художнику и учёному, использовать такую перспективу взгляда на мир, которая не претендует осуществить полную дескрипцию или анализ всех данных в феноменальной области, а скорее предлагает себя как один среди многих путей раскрытия исследуемой области¹⁷⁶. Историки тогда вынуждены будут признать следующее: то, что составляют сами факты, есть проблема, которую историк, подобно художнику, пробует решать выбором метафоры, с помощью которой он организует свой мир, прошлое, настоящее и будущее. Однако при реконструкции исторического прошлого предполагается, что она ведётся изначально с учётом плюрализма. В познавательном отношении практикуемая в условиях глобализации форма плюрализма опасна тем, что она блокирует поиск истины под предлогом, что философия якобы не даёт истинного знания, а это, по справедливому замечанию Г. Гумницкого, неизбежно ведёт к существенному снижению научного уровня философской продукции¹⁷⁷.

¹⁷⁶ White H. The Burden of History // History and Theory. – N. – V. – 1966. – P. 126.

¹⁷⁷ Гумницкий Г. Н., Зеленцова М.Г. О «плюрализме» в философии и познании истины // Вестн. РФО. – 2005. – № 2. – С. 173-174.

В процессе реконструкции исторических фактов важное значение имеет понятие «историческая память». Историческая память – это в первую очередь сознательное обращение к прошлому со всеми его положительными и отрицательными моментами, это попытка восстановить действительность происшедших событий, отражённых в исторической теории. Историческая память является предметом исследования и историков, которые ставят цель выявить, как, собственно, происходило то или иное историческое событие, и философов, которые пытаются выяснить основные тенденции и смысл исторического развития, отражённые в историческом сознании. Речь идёт о соотношении реального прошлого, его сохранении и адекватном понимании его настоящим. Но, по мнению автора, современный уровень исследования исторической памяти напрямую связан с аксиологическими компонентами, во многом определяющими содержание исторической памяти народа. Именно ценностно-смысловая нагруженность содержания исторической памяти стимулирует исследование её взаимосвязи с памятью социальной. Эта взаимосвязь историками анализируется через призму функциональных отношений. Так, в работе Б. Г. Могильницкого отдельный раздел посвящён функции социальной памяти, которая, по его мнению, «меняет своё содержание на разных этапах исторической науки не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и в не меньшей степени в силу их оценки. Одни и те же явления прошлого нередко получают в разных системах исторических представлений диаметрально противоположную оценку, что определяет их неодинаковое звучание в памяти различных общественных классов. Неудивительно, что функция социальной памяти имеет ярко выраженный мировоззренческий характер»¹⁷⁸.

Группа исследователей (рук. П. Нора) исходит из констатации разрыва между исторической памятью и историей как следствия того, что историче-

¹⁷⁸ Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – С. 158.

ская память не сохранила нам общей непрерывной картины истории. Важный результат отрыва истории как науки от исторической памяти эти авторы усматривают в самом существовании историографического сознания. «История историков, – отмечают они, – сформировала особую среду памяти, постепенно складывающуюся от создателей средневековых хроник до представителей исторической науки, каждый из которых воссоздавал картину ограниченной памяти – памяти династий, монархов, народов, наций. То, что мы сегодня называем памятью, – это уже не память, а история, которая поглощает память»¹⁷⁹. По мнению автора, имеется в виду тот факт, что размывание границ истории как науки и фальсификация принципиальных периодов исторического прошлого приводят к потере главной функции исторического познания: формированию исторического сознания для сохранения своей идентичности. Характеризуя историческую память как память-архив, П. Нора подчёркивает, что в этом случае память сводится к своеобразному складу материальных запасов, которые мы не способны удержать в воспоминаниях. В связи с этим возникает вопрос, что из всего многообразия исторических материалов действительно должно быть запомнено, т. е. трансформировано из памяти исторической в память социальную.

При реконструкции исторического прошлого большое значение имеет не только память, но и забвение, которое в исторической памяти выступает как целенаправленный, осознанный процесс. Причём в рамках исторической науки в результате целенаправленной деятельности оно принимало системный характер. Сами создатели исторических источников изобрели достаточно универсальные способы забвения фактов исторической памяти: сообщить о происшедшем событии неправду или умолчать о правде. Иные высказывания, факты сознательно обрекаются на вытеснение, забвение, что приводит к

¹⁷⁹ Цит по: Автономова Н. С., Караулов Ю.Н., Муравьев Ю.А. Культура, история, память // Вопр. философии – 1988. – № 3. – С. 28.

искажению содержания исторической памяти. В этом случае историческая память выступает как отражение своеобразного «заказа» на то или иное видение прошлого. Следствием этого являются переписывание, переоценка исторического прошлого, в котором его содержание сознательно профанируется или, напротив, сублимируется. Социальная память в силу того, что она охватывает больший объём запоминаемого материала, менее связана с вещественными носителями своего содержания, слабее подвержена манипуляции. Кроме того, сам процесс бытийствования социальной памяти реализуется в таких формах её существования, которые охватывают глубинные сущностные характеристики социума, коренящиеся в мифах и архетипах.

Таким образом, реконструкция исторического прошлого является основой для формирования устойчивых мировоззренческих установок общества, на базе которых создаётся соответствующий данному обществу уровень исторического сознания как основы для сохранения своей идентичности.

ГЛАВА 3. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КРИЗИСНОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Возрастание общественной роли исторической науки в кризисные периоды социума

В периоды социально-политических кризисов, будь то Смутное время, революция 1917 года, Вторая мировая война или современный глобальный системный кризис, особенно рельефно выступает общественная роль исторической науки.

В немалой степени это происходит потому, что в связи с коренными изменениями в условиях жизни людей резко обостряется их историческая память, появляется потребность обращения к минувшему - далёкому и близкому. В переломные моменты жизни общества, когда утрачиваются или резко меняются привычные жизненные ориентиры, народы ищут ответы на вопро-

сы современности в своём прошлом. Богатейший опыт, накопленный поколениями соотечественников, служит обществу на переломах эпох практическим, нравственным и интеллектуальным арсеналом, помогая по-новому оценить путь, пройденный страной за многие века, подтвердить или опровергнуть то, что ранее казалось незыблемыми истинами¹⁸⁰.

Актуальной роль исторической науки становится и потому, что в кризисном обществе выдвигаются политические движения и партии, критически относящиеся к официальной истории, они выдвигают свою концепцию исторического знания, с помощью истории стремятся размыть в общественном сознании сложившиеся традиции, разрушить веру различных слоёв общества. Так, в период «перестройки» в СССР в ряде публикаций на историческую тему основные этапы истории советского периода - 1920 - 1930-е года, Великая Отечественная война, послевоенный период - представлялись таким образом, чтобы не оставить в сознании человека никаких положительных представлений об осуществленных преобразованиях, конструктивно-созидательной деятельности народа, росте экономики страны и культуры народа. Репрессии, преступления, ошибки, просчёты, неудачи составляли при этом не только драматические, трагические стороны исторического процесса, а исключительное, исчерпывающее содержание нашего развития. «Очевидно, - отмечает Г. Л. Смирнов, - цель была поставлена такая - не оставить никакого следа в сознании людей, в памяти потомков»¹⁸¹.

А смена веры каждый раз сопровождается ростом массового безверия, негативизма, эгоцентризма, цинизма, культа силы, нравственной опустошённости¹⁸².

¹⁸⁰ Золотарев В. Возвращение к урокам прошлого // Свободное слово. – 2001. – № 6. – С. 11.

¹⁸¹ Историческое сознание общества - на уровень задач перестройки // Вопр. истории. – 1990. – № 1. – С. 13, 14.

¹⁸² Курашвили В. СССР в 2000 году // Через тернии / сост. А. А. Проташик. – М.: Прогресс, 1990. – С. 643.

Одна из причин возрастания роли исторической науки состоит в овладении историками новыми исследовательскими методиками и приёмами, позволяющими по-иному взглянуть на прошлое человечества.

Благодаря освоению методов демографии, антропологии, психологии, социологии, политологии, или, как говорят в профессиональной среде, междисциплинарной методологии, ею было вскрыто множество новых, не известных ранее пластов экономической, социальной, политической и духовной истории человечества¹⁸³.

Соглашаясь с данной формулировкой, следует заметить, что в рамках теоретического уровня исторического сознания ей можно придать более широкое толкование. На актуализацию исторической науки влияет не только овладение историками междисциплинарной методологией, но и в целом совершенно другой взгляд на практику исследования и объяснения истории. В ходе перестройки исторической науки и переоценки устоявшихся концепций произошел отход ряда историков от исследования самого термина «закономерность». Некоторые исследователи склонились в другую сторону - к изучению истории исключительно через деятельность личностей, абсолютизируя индивидуальную сторону явлений. Стала насаждаться точка зрения, что деятельность личностей, политиков и других участников исторического процесса является главной движущей силой истории. Другие исследователи начали поиск закономерностей исторического развития на стыках общественных социально - гуманитарных наук, появились такие научные дисциплины, как политическая история, социальная история, историческая психология и др. Несомненно, что активное использование достижения смежных наук в истории будет способствовать более полному объяснению механизмов функционирования и смены политических режимов в рамках различных систем.

¹⁸³ Согрин В. В. К новому историческому сознанию // Обществ. науки. –1989. – № 3. – С. 93, 94.

В качестве альтернативных марксистско-ленинской концепции истории в исторической науке в последнее время развиваются радикально-обновленческие, консервативно-рационалистические, центрические и другие тенденции. В достаточно широких кругах историков Запада произошёл сдвиг методологических установок - отказ от идеи существования «вечных основ» человеческой истории, отброшена не только идея прогресса, но и идея преемственности в развитии общества; прошлое мыслится ими как нечто прерывное и фрагментарное; его осмысление отождествляется прежде всего с анализом различий и разграничений, не обязательно сопоставимых между собой. В результате этой смены методологических установок происходит сдвиг в основной проблематике исторических исследований. Если давняя традиция требовала от историка интересоваться социальным устройством, экономикой, управлением, политической организацией общества, то теперь на передний план выдвинуты различные феномены частной и повседневной жизни, особенно из числа тех, что связаны с эмоциональной и телесной сферами человеческого поведения: эгоизм, насилие, мазохизм, унижение, отвращение, гневливость, боль, муки, инцест, трансвестизм и тому подобные антропологические сюжеты. «Нетрудно заметить, - пишет по этому поводу Ю. Л. Бессмертный, - ...что под таким анализом подразумевается теперь не столько изучение последовательных изменений, пережитых феноменами прошлого, сколько понимание своеобразия каждого из них в отдельности, так же и наполнение нашей сегодняшней памяти об этих феноменах»¹⁸⁴. Иными словами, не преемственность и эволюция, не сопоставимость и трансформация, но прерывность и неповторимая инакость каждого из исследуемых феноменов все чаще заполняют интеллектуальное поле историков.

¹⁸⁴ Бессмертный Ю. Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопр. истории. – 2000. – № 9. – С. 154.

Таким образом, в научной литературе открыто обсуждаются новые, отличные от принятой ранее схемы, истолкования исторического процесса, закономерностей его развития.

Важной причиной возрастания роли исторической науки в переломные периоды является необходимость аккумуляции знаний о прошлом в целях передачи нынешним поколениям опыта предшествующих поколений; осознания своего места и роли в историческом процессе; выработки соответствующих образцов и норм поведения; использования исторических знаний как аргументов в политической и идеологической борьбе¹⁸⁵.

Безусловно, всё это можно рассматривать и как комплекс причин, обуславливающих наличие исторического сознания вообще, безотносительно проблемы его актуализации, поскольку каждая из причин является в определённой мере обязательным условием его существования, отражая одну из функций этого сознания. Но дело в том, что отличающий историческую науку динамизм формирования её содержания способен создать условия для резкого возрастания роли какой-то одной из её функций, которая становится на данный момент определяющей и актуализирующей историческую науку в целом. Так, функция передачи наследия, опыта прошлого оказалась тесно сопричастной с трагически осознаваемым сегодня нашим обществом разрывом в дореволюционный и постреволюционный периоды развития отечественной культуры. Отрицание опыта прошлого, игнорирование достижений дореволюционной общественной мысли стало невосполнимой утратой, и привело во многом к тем духовным порокам, которые сейчас приходится преодолевать.

Но проблема эта не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Процесс возвращения к прошлому не прямолинеен, надо учитывать в нём как

¹⁸⁵ Латышев А. Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.

положительные, так и отрицательные тенденции и течения. Надо учитывать многовариантность названной причины и возможность формирования связи с этим содержанием сознания не только в конструктивном, но и в регрессивном для общества направлении.

Вопросы, куда мы идём, как народ, кто мы, что представляем собой на пути исторического процесса, безусловно, волнуют каждое цивилизованное общество. И различные исторические теории Гердера, Гегеля, Лорана, Соловьева, Бердяева и других мыслителей представляют в этом отношении смелые попытки философского осмысления этих проблем, являются отражением большого общественного интереса к ним, который способен обостряться в переломные для общества периоды. Поэтому злободневность подобных вопросов, усилившееся в последнее время внимание к наследию отечественных философов и историков, пытавшихся понять ход общей истории, конечно, не случайны. Тот интерес, который к ним проявляется, содержание дискуссий и споров по этому поводу являются своеобразным индикатором не только исторического, но и общественного сознания в целом, отражают степень восприятия и понимания этих фундаментальных проблем, закладывают основы стратегического развития общества.

Важно заметить, что действие этой причины происходит на «пограничном» участке исторического сознания, где оно легко трансформируется в другие формы общественного сознания. Это позволяет в какой-то мере объяснить политический и идеологический фон, который сопровождает обычно появление или обсуждение указанных идей и теорий.

Использование исторической науки как инструмента в политической и идеологической борьбе - явление довольно частое. Известна формула истории, которую критиковал М. Покровский, но которую постоянно ему приписывают: «История - это политика, опрокинутая в прошлое». В историографии иногда ошибочно считают эту мысль квинтэссенцией

понимания сущности исторических знаний марксизмом. В реальной действительности историографическая парадигма формируется практически всегда исходя из текущей политической ситуации, из задач, стоящих перед обществом на конкретном этапе. Вопрос заключается в том, в какой степени политическая конъюнктура сказывается на познании истории, подавляет ли она научный поиск. История всегда была источником аргументов и идей для политиков и наоборот - её зачастую переписывали для обоснования легитимности политических режимов.

В. О. Ключевский справедливо отмечал: «История народа, научно воспроизведенная, становится приходно - расходной книгой, по которой подсчитываются недочёты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего - сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты»¹⁸⁶.

Сегодня понятия «партийность», «классовость» в отношении исторической науки употребляются очень и очень осторожно. Но падение «популярности» этих понятий не означает исчезновения тех явлений, которые они выражают.

Если есть многопартийность, есть и многозначность отношения со стороны той или иной партии или блока партий к прошлому, к истории, историческому сознанию. Все это еще больше усиливает необходимость исследования данного духовного феномена как мощного фактора в политической и идеологической борьбе.

3.2. Особенности проявления исторического сознания

¹⁸⁶ Цит. по: История России в вопросах и ответах: курс лекций / сост. С. А. Кислицын. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – С. 244.

Пребывание в целостной, устоявшейся исторической эпохе не способствует историческому познанию, не возникают с надлежащей остротой вопросы об историческом движении и о смысле истории. Более того, в таком состоянии общества, по мнению С. Платонова, общественное сознание страны трагически отстает, теряется в потемках межвременья от общественного бытия, которое уходит вперед на многие десятилетия¹⁸⁷.

Для активизации исторического познания нужно, по словам Н. А. Бердяева, чтобы произошло раздвоение исторической жизни в человеческом сознании, нужно, чтобы наступила рефлексия¹⁸⁸.

Раздвоение объекта и субъекта истории, зарождение рефлексии исторического познания возникает в переломные периоды человечества, когда начинают разрушаться утвердившиеся исторические устои, когда начинаются исторические катаклизмы и катастрофы, когда начинается историческое движение, когда нарушается ритм целостной общественной жизни. В такой период, на изломах истории, когда решаются судьбы страны и народа возрастает интерес к идеологическим аспектам идущих в обществе перемен, исчезает состояние апатии, возникает насущная мировоззренческая потребность в целостном осознании действительности. Люди ищут ответы на вопросы, что происходит с нами, жизнью. В такие моменты общественное сознание как бы пробуждается, начинается напряженный умственный и нравственный поиск, выходящий на коренные основы бытия, его историческое прошлое, настоящее и будущее. То, что вчера ещё не замечалось или воспринималось как нечто должное, неизменное, становится объектом пристального внимания, острых дискуссий и горячих споров. В такие периоды появляется повышенный

¹⁸⁷ Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 9.

¹⁸⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 5.

интерес к истории, особенно остро, почти физически, люди ощущают потребность познать свое прошлое, весь ход истории, постичь самые корни тех событий, что происходят в современном обществе, понять их подлинный исторический смысл. В такие переломные моменты, писал В. О. Ключевский «пробуждается интерес к происшедшему более серьезный, чем обычное любопытство, к делам минувших дней. Тогда люди, силясь уяснить себе связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести»¹⁸⁹.

Обращаясь к далекому и недавнему прошлому, люди стремятся восстановить разорванную связь времён и поколений, найти в истории ответы на мучительные вопросы современной жизни. Не потому ли отношение к истории, правильное понимание и толкование её проблем и уроков приобретают в переходные эпохи общенациональное звучание. Интерес к событиям и явлениям прошлого тем сильнее, чем созвучнее они переживаемому обществом моменту.

Сложившиеся формы исторического сознания в кризисные периоды эпохи испытывают мощное давление извне, меняется их соотношение в общей структуре сознания.

Такая ситуация в историческом сознании складывается по ряду причин. Кризис официальной идеологии и связанная с ней система нормативного исторического знания сопровождается мучительной ломкой исторического сознания, попадающего в ситуацию когнитивного раскола. Консерваторы стремятся сосредоточить свои усилия на защите сложившихся взглядов. Идеологи инноваций усматривают в сложившихся представлениях о прошлом, его связи с настоящим духовную основу консерватизма, препятствующего преобразованиям. Различные социальные группы в обществе, обладая капиталом

¹⁸⁹ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С. 365.

разного рода, в том числе и символическим, то есть, располагая возможностями по внедрению и культивированию устойчивых принципов по восприятию исторической реальности, конформных их собственным структурам, трансформируют внутренний мир людей, в том числе и их историческое сознание.

В современном мире историческое сознание подвергается особому давлению со стороны идеологов глобализации, поскольку историческое прошлое используется ими в качестве определённого базиса для оправдания насильственной глобализации. Поэтому именно объективное изучение истории доказывает несостоятельность аргументации как сторонников насильственной глобализации, так и западноцентристской картины мира в целом.

Для идеологов глобализации, как справедливо отмечает А. Грякалов, «социально-историческая действительность есть результат символического конструирования. При этом символическая (политико-историческая) определённость современности конституируется всегда «ретроактивно»: «первоначальное событие воспринимается как случайная травма, как вторжение некоего, не поддающегося символизации Реального. И только после того как оно повторяется, оказывается возможным распознать его символическую необходимость – найти ему место в символической системе»¹⁹⁰. Иными словами, исток глобального мира усмотрен в начале истории, что делает символически легитимным господствующий проект. При этом господство символического предстаёт столь очевидно и мощно, что наводит на мысль о критической массе глобальной информации – возникает опасность «большого взрыва»¹⁹¹. Понятно, что подобный подход носит однобокий характер, поскольку

¹⁹⁰ Грякалов А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: Pro et Contra. Материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб. : Астерион, 2006. – С. 67.

¹⁹¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: – Художественный журнал, 1999. – С. 23.

целиком основан на императивном господстве вестернизированного исторического сознания. Объективные и субъективные факторы, а также вышеназванные и другие причины в конечном счете влияют на характер проявления исторического сознания в кризисное время.

Такой особенностью, в первую очередь, следует назвать усиление как никогда в стабильное время политизации истории и исторического сознания, политической конъюнктуры. История становится не просто болевой точкой общественного сознания, она в ряде случаев превращается в орудие политической борьбы. Конечно, наивно было бы отрицать влияние политики на историю. Исторические работы всегда имеют политическую окраску. Трудно найти книгу о прошлом, авторы которой писали бы беспристрастно. Историческое сознание, господствующую в обществе концепцию истории формирует власть. Власть, её институты всегда вмешивались и будут вмешиваться в формирование исторического сознания. Более того, по мнению философа К. Поппера, отбор исторических фактов проводится обычно таким образом, что история предстаёт перед нами как история политической власти. Причинами такого характера отбора Поппер считает воздействие политической власти на всех членов общества, склонность к обожествлению власти, порожденную страхом, и, наконец, «то, что люди, обладающие властью, как правило, хотят того, чтобы их боготворили, и это им удаётся - многие историки писали под надзором императоров, генералов и диктаторов¹⁹².

Примеров тому можно привести немало. В начале XII в. к правлению на Руси приходит В. Мономах. Ему потребовалось выразить свое отношение к прошлому. Поэтому сын Мономаха запирается в Выдубицком монастыре с игуменом Сильвестром, и они вырабатывают свою трактовку исторических

¹⁹² Цит по: Зувев К. Существует ли смысл истории? (О философии истории К. Поппера) // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 5. – С. 118-127.

событий¹⁹³. Таким образом была создана новая летопись, новая история, которая и стала закрепляться в общественном сознании, определяя его дальнейшее развитие. И теперь современным ученым трудно восстановить за субъективными наслоениями реальную действительность того важного периода становления государственности на Руси. Упомянутый эпизод говорит о том, что власть, его институты всегда вмешивались, и будут вмешиваться в формирование исторического сознания. Более того, по мнению философа К. Поппера, отбор исторических фактов проводится обычно таким образом, что история предстает перед нами как история политической власти. Причинами такого характера отбора Поппер считает воздействие политической власти на всех членов общества, склонность к обожествлению власти, порожденную страхом и, наконец, «то, что люди, обладающие властью, как правило, хотят того, чтобы их боготворили, и это им удается - многие историки писали под надзором императоров, генералов и диктаторов¹⁹⁴.

В нестабильные же периоды истории происходят злоупотребления историей, инструментализация исторической памяти, мобилизация непросвещённости исторического сознания для реализации политической стратегии новой власти. В такие периоды историки, даже с громкими именами, участвуют в манипуляциях историей, в дрессировке массового исторического сознания. Прошлое предстает тут подсобным складом, откуда набираются противными сторонами аргументы, и цель иная - не отыскать потерянную истину, но укрепить себя подручным историческим материалом. Распря вокруг истоков - феномен социально-психологический. Как заметил выдающийся французский историк Марк Блок, «... к прошлому для объяснения настоящего прибегали так активно лишь с целью убедительней оправдать или осудить настоящее. Так что во многих случаях демон истоков был, возможно, лишь во-

¹⁹³ Историческая память обновляющегося общества // Коммунист. - 1990. - № 18. - С. 12.

¹⁹⁴ Цит. по: Зуев, К. Существует ли смысл истории? / О философии истории К.Поппера / К. Зуев // Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 124.

площением другого сатанинского врага подлинной истории - мании судить... когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно - белую картину¹⁹³.

Так в XIX в. немецкая историческая наука поставила себя на службу прусско-немецкому властному государству, оправдывала войны в глазах населения, из которых возникала бисмарковская империя. В начале XX в. она оправдывала первую мировую войну и немецкие военные цели. И Гитлеру не составило труда привлечь на свою сторону профессоров, чтобы они приукрасили псевдонаучными аргументами национал – социалистическую расистскую идеологию, экспансионистскую стратегию и политику уничтожения. Во Франции в послевоенный период сформировалось неизменно положительное отношение французов к их прошлому. Почти каждый француз выдавал себя за участника движения Сопротивления. О маршале Петене и дружески расположенном к нацистам правительстве Виши не было никакого упоминания. Десятилетиями «великая нация» жила с коллективной ложью о годах второй мировой войны¹⁹⁴.

Подобные примеры можно привести и из отечественной истории. Так в Смутное время вновь избранный в 1606 г. русский царь Василий Шуйский для упрочения своего положения на троне поручил своему приятелю и помощнику М.И. Татищеву написать произведение, в которое обстоятельно рассказывалась бы история появления самозванца Лжедмитрия I, его воцарение и свержение, с прославлением деятельности самого Шуйского. И такое произведение, «Сказание о Гришке Отрепьеве», появилось уже до коронации Василия и было разослано по городам. В нем описывались не только самозванческая авантюра беглого монаха, но и прославлялся Шуйский. Сначала

¹⁹³ Цит по: Панков В. Третий раскол? Опыт примирительного диалога // Диалог. –1990. – № 6. – С. 75-86.

¹⁹⁴ См.: Шеррер, Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни // Вопр. философии. – 1995. - № 5. – С. 23.

он был представлен невинным страдальцем от злобных происков Годунова, потом - любимцем воинства, славным и премудрым боярином и воеводой. Лжедмитрий был обвинен в «Сказании» не только в том, что присвоил себе чужое имя, но и в том, что попирал православие, угнетал освященный собор, разрешал полякам осквернять русские храмы, женился на еретичке и даже планировал ввести католическую веру. Поэтому главной заслугой Шуйского автор назвал борьбу за веру, поскольку тот «наипаче всех бояр радел и промышлял за православие»¹⁹⁵. Исключительно образно представлено в «Сказании» свержение самозванца. В нем и намека нет на то, что все было совершено кучкой заговорщиков. Напротив, в «Сказании» описано настоящее народное восстание против царя - еретика, начавшееся с моления братьев Шуйских в Успенском соборе о даровании им Божьей помощи в борьбе с «Расстригой». После моления Шуйский якобы вскочил на коня, «вопиюще гласом велим: Отцы и братья, православные христиане! Постражиете за православную веру, побеждайте врагов христианских!»¹⁹⁶. Во главе толпы москвичей он бросился в царский дворец и расправился с Лжедмитрием. Несомненно, что в «Сказании» роль Василия как народного вождя была приукрашена.

Историческая память, история, с другой стороны, в ряде случаев используется политиками для формирования будущего. В 1990-х годах в Германии начали возрождаться неонацистские группировки. Французская националистическая партия Ле Пен во время выборов в европейский парламент набрала большое количество голосов. В то же время в Италии рухнул режим, который основывался на борьбе против фашизма. Новый режим покоится на наследии Муссолини. Антифашизм считается неспособным решить современные проблемы. «Грюндерские мифы режимов, - отмечает Ю. Шеррер, - возникших после войны, не могут противостоять оживлению прошлого, эва-

¹⁹⁵ Морозова, Л.Е. Василий Иванович Шуйский // Вопр. истории. – 2000. - № 10. – С. 84.

¹⁹⁶ Там же.

куированного из сознания»¹⁹⁷. Так резюмировал один журналист ситуацию в различных западноевропейских странах. По мнению Д. Гранина почвой для русского фашизма служит чувство болезненной растерянности россиян, вызванное крахом советской системы¹⁹⁸.

Таким образом, с помощью мифов и вымыслов осуществляется компенсация за потерю своей идентификации, т. е. потерю индивидом, социумом присущих им свойств, стандартов, ценностей социальных установок и ролей. Кризис идентификации всегда требовал в эмоциональном отношении более сильной компенсации. И это требование удовлетворяется путём возвращения к истории, обращения к национальным традициям, повторного открытия забытой памяти. И представляется, что будущее, как это ни парадоксально это звучит, находится в прошлом. Иными словами, миф о светлом будущем превращается в миф о светлом прошлом. «В переходный период, - по мысли А. Яковлева, - народ выходит из своего рода летаргического сна, с характерной для этого внутреннего состояния утратой памяти, духовности, навыков культуры. Это непреложный факт... Вызванное шоком пробуждение, первоначально еще по преимуществу эмоциональное освоение действительности постепенно уступает место рациональному её постижению»¹⁹⁹. В такие периоды носителями исторической памяти могут выступать случайные люди. Сказывается, видимо, возбужденное состояние умов, импульсивные, эмоциональные всплески в сознании населения и его действиях, появляются группы людей, политические партии, движения, которые пытаются остроу внимания к прошлому, общественную потребность в историческом знании соеди-

¹⁹⁷ Шеррер Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни // Вопр. философии. – 1995. – № 5. – С. 22-26.

¹⁹⁸ Гранин Д. А. Триумф наследников побеждённых // Время. – 1994. - 26 авг.

¹⁹⁹ Историческая память обновляющегося общества // Коммунист. – 1990. – №18. – С. 13-38.

нить с собственными интересами. Данный симбиоз порождает антизнания, новые мифы, легенды и стереотипы мышления. История как бы снова выворачивается наизнанку, становится служанкой конъюнктуры.

В условиях глобального социокультурного кризиса историческое сознание становится ареной борьбы национальных идеологий. Национальные истории представлены мифами, символами, святыми, героями и мучениками. История в таких условиях служит источником воспроизводства национального духа, инстанцией для обоснования жизненного права нации, для легитимизации угрозы насилия. Уже поблекшая память возвращается в коллективное сознание и возвеличивает страдания и героизм отцов, ссылается на «кровью политую землю», которую надо защищать и в случае необходимости освобождать с оружием в руках. Сводятся воедино комплексы угроз и демонстрации силы, страх и готовность к агрессии. Политика находит своё завершение в определении врага. Национальное чувство перековывается на оружие и направляется против соседа с чужим вероисповеданием и языком, который должен ответить за несправедливость, причиненную нации, - всё равно, было ли это недавно или много веков назад. Историческая вина не может быть прощена или забыта. «Насилие скрывается в историческом материале, - пишет немецкий философ Д. Гайер, - и сжимается сердце, когда мы видим, что не только политики, но и историки подсовывают воинствующему национализму аргументы, подслащённые учёностью»²⁰⁰.

Следующая особенность проявления исторического сознания кризисного периода заключается в том, что спор об истории, диалог с нею, рефлексия на темы истории перестают быть достоянием лишь тонкого слоя высоко просвещенной элиты или более широкого, но все же достаточно специфично мыслящего интеллигентского сословия. Они захватывают в свою ор-

²⁰⁰ Гайер Д. Насилие и история в посткоммунистическое время // Вопр. философии. – 1995. – № 5. – С. 26 – 31.

биту решительно все слои общества и делаются одним из основных факторов, формирующих культуру общества в целом. В результате диалог с историей разрастается вширь и вглубь, отражает стремление так или иначе оценить прошлое - нередко очернить его, но нередко и - возвысить, найти точки соприкосновения, постичь случившееся, доказать, что «всё действительное – разумно», ибо обусловлено ходом исторического процесса. Это стремление отягощено многими внеположными исторической правде задачами, искажено цензурой, страхом, бескультурьем, цинизмом.

Важной особенностью проявления исторического сознания в переходные периоды является то, что в такие периоды историческое сознание всегда неглубоко, недостаточно проникает в тайники истории, ему присуща эмоциональность. Конечно, историческое сознание, историческую память нельзя понять и представить вне эмоциональной сферы жизнедеятельности человека. Все проходящее через его сознание сопряжено с чувствами, отрицательной или положительной реакцией на те или иные исторические факты, события. То же самое случается и с историческим сознанием народа. Оно всегда эмоционально окрашено. Чем больше исторические события потрясают народные массы, тем глубже они западают в их душу, тем прочнее, на более длительный срок они закрепляются в преданиях, верованиях, традициях.

В переходные периоды историческое сознание не утруждает себя поиском истины. В этот период ценностно-рациональное историческое сознание преобладает над целе-рациональным. В таком историческом сознании доминируют не вопросы - почему, с какой целью, а - каков смысл, кто виноват. Такое массовое историческое сознание занято, прежде всего, поиском исторической «правды». Эмоции преобладают над разумом, доминируют страсти и аффекты, ригоризм и популизм. В такие эпохи историческое сознание в большей степени этично, чем теоретично. А поскольку групповые цели на уровне личности выступают как ценностно-рациональные, то для ценностно-

рационального индивидуального исторического сознания характерна значительная степень конформизма по отношению к массовому историческому сознанию. Поэтому ценностно-рациональное историческое сознание в значительной степени подвержено воздействию извне, оно более податливо для трансформации и манипуляции. При этом изменяются, трансформируются временные формы исторического сознания, способные к осуществлению полной инверсии: стать, например, из апологетического критическим, а затем в модифицированном виде - вновь апологетическим. Доминантные же формы исторического сознания - монументальное или антикварное, этатистское или либеральное, имперское или провинциальное, - как правило, не изменяются. Такая динамичность исторического сознания связана со сменой направленности и интенсивности различных форм исторического сознания. Связана она и с быстротой перехода от настроений к осознанным мнениям, практическим оценкам исторического прошлого и конкретным действиям.

Таким образом, в переходные периоды в развитии социума историческое сознание характеризуется большой политизацией, мифологизацией, ему присущи эмоциональность и динамизм, меняется и соотношение внутри рассмотренных типов элементов в составе исторического сознания, широкое развитие получают элементы, активно отрицающие основы общества.

В историческом сознании общества, состояние которого отмечено печатью всеобщего кризиса и распада относительно широкое развитие получают элементы, активно отрицающие основы этого общества, в первую очередь порожденные данным обществом, но не соответствующие его коренным историческим чертам, в том числе противоречащие им.

Форма меняется всегда, когда кризис разрушает прежнюю социально-политическую структуру. Широкие массы людей стремятся осознать свои новые, групповые и индивидуальные интересы в новой, нарождающейся структуре. Потрясение перехода от привычного и устоявшегося к новому и

пока неизведанному и порождает общие факторы, влияющие на характер исторического сознания. Выраженность характера, форм исторического сознания зависит прежде всего от степени очевидности расхождения потребностей и притязаний людей (у одних - связанных со старой, рушащейся структурой, у других - с новой, возникающей) с предоставляемыми обществом возможностями их удовлетворения, материального и духовного, от несоответствия декларируемых прав и возможностей - реальной действительности. В зависимости от этого находятся и оценки исторического прошлого. В этом проявляется направленность исторического сознания.

В целом в кризисные периоды общества в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств историческое сознание не стремится к целерациональному познанию исторического прошлого, в нём преобладают страсти и аффекты.

3.3. Политизация исторического сознания

В условиях современного глобального кризиса усиливается политизация истории и исторического сознания.

Болевой точкой исторического сознания становится тема глобализации. Опираясь на достижения конкретных дисциплин, в ряде философских исследований глобализация рассматривается прежде всего как объективно исторический процесс, сопряженный с борьбой различных интересов²⁰¹. А сам термин «глобализация» употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества²⁰². В то же время разрушение таких фундаментальных основ европоцентристского историче-

²⁰¹ Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопр. философии. - 2009. - № 1. - С. 12.

²⁰² Там же. - С. 5.

ского сознания, как рационализм, старый миропорядок, основанный на гегемонии США, и формирование нового многополярного мирового порядка ставят под сомнение объективность самого процесса нынешнего этапа глобализации, вызывают протест со стороны многих стран и народов, ширится антиглобалистское движение, возрождаются такие исторические явления, как национализм, фундаментализм, шовинизм и фашизм.

С другой стороны, глобализацию все также считают *ultima causa*, объясняющей практически все заметные тенденции мирового развития – как обнадеживающие, так и вызывающие тревогу. В то же время сама она практически ничем не объясняется, обычно ее представляют как процесс всецело объективный и чуть ли тождественный развитию современной мирохозяйственной системы²⁰³.

Теория глобализации вполне может быть отнесена к числу догматов, поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу²⁰⁴.

Ее постоянно упоминают, но редко определяют, к ней постоянно апеллируют, но редко обосновывают, ее считают стихийной, но постоянно стремятся поставить под контроль²⁰⁵.

При такой неопределенности и недостаточной обоснованности термина глобализация, каждый исследователь этого феномена вкладывает в него собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности исследователя²⁰⁶.

Идеологи глобализма, навязывая общественному сознанию представления о глобализации как необратимом процессе, идущем по всему миру, на

²⁰³ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // *Вопр. философии.* – 2004. - № 4. – С. 58.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. – С. 58.

²⁰⁶ Гранин Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // *Вопр. философии.* – 2008. - № 2. – С. 3.

ценностном уровне выдвигают тезис о приоритете объединяющих ценностей над национально-региональными. Критики глобализации отстаивают точку зрения, что в условиях глобализационных процессов - экономических, политических и социально-культурных, составляющих содержание глобализации, тем более в условиях мирового системного кризиса, важно сохранить приверженность национальному государству и национализму, не утратить национальную идентичность.

Эти противоречивые мировые тенденции, с одной стороны, к унификации и интеграции, с другой – к национальному самоутверждению, выступают в большинстве случаев в форме обновленных версий космополитизма и национализма. Следует отметить, что по проблеме национализма представлено множество работ отечественных и зарубежных авторов. Положительной стороной отечественной трактовки национализма в философии и литературе следует считать отказ от однозначно негативного смысла, которым наделяли это понятие в советский период, и понимание национализма как комплекса идеологических представлений и политической практики, в которых приоритет отдается интересам нации и национально-культурным ценностям. Такое толкование предлагает дифференцированный подход к национализму начиная от законных национальных чувств, различных вариантов этно – и гражданского национализма, патриотизма и кончая примитивным национальным эгоизмом и бытовым шовинизмом (ксенофобия, расизм)²⁰⁷.

Что касается космополитизма, то в условиях глобализации к нему, не один раз развенчанному в прошлом, вновь обращается общественное сознание. В моде древнегреческий философ Диоген Синопский, который называл себя «гражданином мира». Адепты глобализации считают это положение не только нормальным, но и весьма желаемым «Если послушать некоторых чиновников Европейского Союза, - отмечает Н. В. Мотрошилова, - то может

²⁰⁷ Баграмов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов / Вопросы философии. – 2010. - №2. - С. 34.

создаться впечатление, будто общеевропейские, более того «космополитические», всемирно-глобальные ценности уже одержали или вот-вот одержат победу над ценностным «местничеством», «провинциализмом» и т. д.»²⁰⁸. Идеологи космополитизма Аппадюре А., Кастельс М., Робертсон Р. противопоставляют его национальным ценностям. Они считают, что национальные государства либо полностью, либо частично должны уступить свой суверенитет транснациональным институтам, тенденциям, ценностям²⁰⁹.

Чтобы придать космополитизму легитимность, право на существование, ряд исследователей обращаются к историческим корням этого феномена, причинам его возникновения. Истоки космополитизма они обнаруживают в античном мире и связывают их с именами Сократа, Антисфена, Диогена, Цицирона, Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия.

Представителей космополитизма они находят и в эпохе средневековья (Тертуллиан, Эриугена), и в эпохе Возрождения (Данте, Мор, Монтескье, Кампанелла)²¹⁰, а также в других эпохах.

По мнению А. Н. Чумакова, взлет интереса к космополитизму произошел в эпоху Возрождения, именно оттуда берет начало глобализация, а космополитизм в действительности становится планетарным, т. е. по существу оказывается уже не космическим, а глобальным. Такому повороту событий, пишет А. Н. Чумаков, «...способствовало переосмысление античного наследия и открытие истинных масштабов фактической среды обитания человека. А первостепенную роль здесь сыграли, конечно же, «коперниканский переворот» в понимании мироздания и Великие географические открытия, впер-

²⁰⁸ Мотрошилова Н. В. Идея единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 2 // Вопр. философии. – 2004. - № 12. – С. 6, 7.

²⁰⁹ Там же. - С.7.

²¹⁰ Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопр. философии. - 2009. - № 1. – С. 33, 34.

вые реально подтвердившие, что Земля – это шар. Тем самым были внесены фундаментальные коррективы в мировоззрение людей...»²¹¹.

В наше время, как отмечает профессор Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики У. Бек, космополитизм стал жизненно важной темой для европейской цивилизации и для всемирного опыта. Фактически он становится определяющей чертой новой эпохи – «рефлексивной модернити», когда национальные границы размываются и вновь подлежат пересмотру²¹².

У. Бек считает, что интерпретация международных отношений в категориях национального и интернационального породила аксиоматику методологического национализма, согласно которой нация, государство и общество – это «естественные» социально-политические формы современного мира. По его мнению, подобное утверждение – вчерашний день, потому что сегодня мир качественно изменился, и реальности современного транснационального мира предполагают ценности, совершенно не связанные с границами стран и национальностью. Прежние точки отсчета - фетиши «государства» и «нации» - лишаются смысла, так как в мировом сообществе риска страновые проблемы нельзя решать в национальных рамках. Исходя из этого У. Бек делает вывод: «Теория международных отношений слепа – она не видит динамики глобальности...»²¹³.

Здесь следует отметить, что вместе с некоторыми здравыми выводами У. Бек слишком идеализирует ситуацию, выдает желаемое за действительное, и в этом он схож с Т. Кампанеллой, А. Сен-Симоном и др. утопистами, мечтавшими построить «Город Солнца» или жить на «острове Утопия». Историческому сознанию У. Бек внушает мысль о том, что в современных условиях национальный взгляд на вещи становится ошибочным, что капитализм смыкает все национальные границы, смешивает отечественное и иностранное.

²¹¹ Там же. - С.34.

²¹² Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М., 2008. – С. 23.

²¹³ Там же. – С. 35, 47, 56.

Конечно, глобализация бросает вызов сложившемуся миропорядку. Поскольку контроль над ключевыми рычагами в экономической сфере все больше переходит от государственных институтов к транснациональным корпорациям и к транснациональным банкам, заметно снижаются возможности государств воздействовать на экономические и зачастую политические процессы. Что хорошо видно на примере поведения стран в условиях кризиса. Угроза международного терроризма, экономические проблемы, предотвращение техногенных катастроф – все это требует совместных действий многих государств, но все это вовсе не означает, что человечество уже готово к тому, чтобы дружными усилиями и в «едином космополитическом порыве» решать сложные проблемы современности²¹⁴.

Е. Д. Яхнин, говоря о разрастающемся кризисе как закономерном результате эволюции, утверждает, что угроза перехода эволюции в бифуркационную стадию с непредсказуемыми последствиями «требует объединения людей в единое осознавшее себя сообщество землян... Это задача общечеловеческого разума»²¹⁵.

Сегодня глобалисты отказываются от таких понятий, как родина, родной дом, считая их анахронизмами. Это уже не национальное общество, а глобальный рынок²¹⁶.

Идеологи космополитизма для придания своим взглядам большей убедительности прибегают к работе И. Канта «К вечному миру», его идее о всемирном гражданском состоянии как основе вечного мира. «Глобализация создает для все еще далеко забегающей вперед идеи всемирно-гражданского состояния упрочивающий контекст...», - пишет Ю. Хабермас²¹⁷. Хотя Хабермас, говоря о возможных формах реализации кантовской идеи союза на-

²¹⁴ Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопр. философии. – 2010. - № 2. – С. 36.

²¹⁵ Яхнин Е. Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопр. философии. – 2006. - № 5. – С. 165.

²¹⁶ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 420.

²¹⁷ Хабермас Ю. Расколотый Запад : пер. с нем. – М., 2008. – С. 164.

родов, в то же время считает, что такой союз предполагает комбинирование государственного суверенитета и межгосударственной солидарности на основе демократического самоопределения народов, жизнь которых организована по национально-государственному признаку.

Разумеется, понятие «гражданского мира» в XXI веке имеет намного больший реальный смысл и значение, чем сто-двести лет назад. Возможности самореализовываться не только в своей стране – одна из привлекательных сторон эпохи глобализации. Но не всегда это означает утрату психологической, моральной связи с родиной, ее забвение по принципу *ubi bene, ibi patria* («где хорошо, там и отечество») ²¹⁸.

Более того, глобалисты стремятся утвердить в историческом сознании мысль о том, что «в случае конфликта, когда этническое разнообразие ставит под сомнение универсальные ценности, мы должны отстаивать универсализм перед лицом партикуляризма» ²¹⁹. Лозунги подобного рода уже имели место в истории XX века, когда руководство Советской России в период войны с Польшей 1920 году, надеясь на то, что польский пролетариат проявит интернационализм и повернет оружие против своего правительства, издало приказ «На Варшаву! На Берлин!». Однако польский пролетариат проявил патриотизм и поддержал свое правительство, и в результате армия Тухачевского, наступавшая на Варшаву, в конце концов потерпела полное поражение. Или иной пример из новейшей истории. Почему США и поддержавшие их страны Европейского Союза, решая свои проблемы, пренебрегли общепризнанным универсальным принципом территориальной целостности и суверенитета Ливии? Навязывая общественному сознанию мысль об унификации мировой политики и установлении нового мирового порядка, идеологи глобализма закрывают глаза на то, что в настоящее время сохраняется разделение мира на

²¹⁸ Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // *Вопр. философии.* – 2010. - № 2. – С. 37.

²¹⁹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. - С. 79.

доминирующий центр и зависимую периферию. Наибольшие выгоды от глобализации получает «Север», тогда как разного рода издержки ложатся на «Юг».

Противоположное мнение о проблеме единого мирового порядка и, соответственно, о теме космополитизма имеет ряд зарубежных и отечественных философов и социологов. По убеждению американского социолога Э. Валлерстайна, человечество вступает в новую эпоху, эпоху дезинтеграции капиталистической мирозкономики, и «все разговоры о создании «нового мирового порядка» всего лишь пустые заклинания, которым почти никто не верит»²²⁰. Другой американский социолог Д. Белл полагает, что новая мировая система станет системой нескольких региональных гегемоний и их «периферий». «Но мировое правительство, - по его мнению, - не будет создано – по крайней мере, в ближайшие несколько веков»²²¹.

«Сегодня, в условиях мирового экономического кризиса, - отмечает Э. А. Баграмов, - становится очевидным, что рост взаимных связей, взаимной зависимости людей, этнических общностей, государств ведет одновременно к их взаимной уязвимости. Каждая страна ищет свой путь выхода из кризиса. Обещанного идеологами глобализма приобщения менее развитых в экономическом отношении стран, вступивших на путь модернизации, к общему эталону развития явно не получилось»²²².

Сегодня в мире преобладают негативные оценки космополитизма, которые обусловлены бедностью, нищетой большей части населения планеты. А положительно отзывается лишь то меньшинство, которое относит себя к «золотому миллиарду», кто имеет большие возможности пользоваться благами глобализации.

²²⁰ Валлерстайн Э. После либерализма: пер. с англ.; под ред. Ю. Кагарлицкого. - М., 2003. - С. 228, 232, 233, 249.

²²¹ Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. – М., 2007. – С. 304.

²²² Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов //Вопр. философии. – 2010. - № 2. – С. 38.

Состояние сознания людей, вовлеченных в процесс глобализации, таково, что, согласно достоверным опросам, лишь малая часть населения интегрирующихся государств приемлет «космополитические ценности», тогда как подавляющее большинство идентифицирует себя с локально-региональными национальными ценностями и ориентирами. Человечество всегда решало и решает и конкретные и общие задачи достижения единства при наличии и многообразном проявлении различий. Развитие цивилизации предполагает и объединение отдельных стран, а в тенденции – регионов и континентов в совокупную, и именно глобальную всечеловеческую целостность. И все это «при постоянном существовании уникально-единичного, регионально-особенного, при непреходящем порождении той же цивилизацией многообразных противоречащих друг другу дифференций, различий, при их противостоянии и борьбе, в которой гибли отдельные цивилизационные формы, но все-таки выживала цивилизация в целом»²²³.

3.4. Эвристическая мировоззренческая сущность исторического сознания

В современных условиях мировая историческая наука переживает смену парадигм, методологических установок, сближаясь с психологией, двигаясь к истории социальных представлений и ментальностей. Периодические кризисы подтверждают тезис о несостоятельности крайнего индивидуализма, характерного для современной капиталистической системы, которая идеологами глобализации трактуется как вершина исторического процесса. Появляется реальная необходимость реализовать исторический шанс на базе коллективистского общества. Объясняется это тем, что Западная Европа оказалась неспособной воплотить христианский идеал цельности жизни, потому что она переоценила логический способ познания и рациональность. Россия же до сих пор не смогла воплотить в жизнь этот идеал по той причине, что пол-

²²³ Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин, А. А. Гусейнов. – М., 2005. – С. 19, 20.

ная и всеобъемлющая истина по своей сущности развивается медленно, а также и по той причине, что русский народ уделяет слишком мало внимания разработке логического способа познания, который должен сочетаться со сверхлогическим пониманием реальности²²⁴.

Определенный оптимизм в решение задач, связанных с историческим выбором пути России и всего мира, многие ученые видят в том, что «отечественная историческая наука переживает новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории России»²²⁵.

Нация и гражданство в российской интерпретации не всегда совпадают с западноевропейскими стереотипами. Известно, что именно русская педагогическая интеллигенция, опирающаяся на прочную историческую основу, выступала как носитель идей и традиций межнационального согласия, ментальной терпимости. Однако, как отмечают специалисты, «между тем, как показывает массовая практика обучения, ознакомление старшеклассников с противоположными позициями на развитие истории без необходимой системы методических операций не всегда способствует формированию у них целостной картины мира»²²⁶.

Современный историк, особенно работающий в отдаленных от столицы регионах, всегда являлся авторитетом, хранителем российской государственности в этнической системе воспитания. Отечественные историки, преподаватели исторических дисциплин, всегда имели свой взгляд на проблемы, формируемые категориями: «народ и власть», «монархия, автократия, демократия, диктатура в российской истории», «демократический опыт России», идеи соборности и т. п. Пришло время составлять истинную историю России.

²²⁴ Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991.

²²⁵ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2004.

²²⁶ Баранов, П. А. О тенденциях развития современного // Преподавание истории. – 2001. – № 3.

Эвристическая мировоззренческая сущность исторического познания и вследствие этого его важная нравственно-воспитывающая составляющая находит наиболее полное выражение в современной учебно-исторической литературе, формирующей нравственные и общественно-политические взгляды нового поколения, определяя его жизнедеятельность в будущем. Мировоззренческая сущность исторического познания детерминирует процесс создания учебных вариантов национальных историй государств на постсоветском пространстве, что является особым способом переосмысления места и роли локальных этнических культур в прошлом и настоящем, показывает влияние данной литературы на внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты национальной безопасности России.

В условиях переоценки ценностей, проявления русофобии и национализма задача историка состоит в том, чтобы на каждом занятии пытаться проводить исторические параллели, что дает возможность учащимся избавиться от комплексов («тюрьма народов», «кровавое прошлое» и т. п.).

По мере нарастания роли субъективного фактора в истории человечества отдельные культуры и цивилизации столкнулись в последнее время с мощными попытками доминирующей североатлантической цивилизации не столько расширить свое влияние экономическими и политическими средствами, сколько углубить его за счет направленной трансформации глубинных оснований иных культур. Реальный процесс социального развития представляет собой единство прогрессивных и регрессивных составляющих. Социальное развитие представляет собой естественноисторический процесс, где наряду с усложнением, нарастанием разнообразия, дифференциацией элементов общественных структур происходит упрощение ряда явлений. В этих условиях необходим поиск оптимальных форм социального прогресса.

Серьезные возражения вызывает сама интерпретация исторического развития в редуционистском технико-экономическом ключе. Получается,

что США, история которых насчитывает чуть более двухсот лет, – развитая страна-гегемон, а цивилизации Индии и Китая, насчитывающие несколько тысячелетий, олицетворяют отсталость. Такой тип суждения явно страдает одномерностью: выносит за скобки как раз наиболее человечески содержательное – духовную историю. С одной стороны, это свидетельство капитуляции западного гуманитарного мышления, так и не восстановившего свои аналитические права после позитивистско-сциенистского погрома. С другой – давление старой, лапласовской картины мира, чужающейся таких понятий, как сложность, нелинейность, многовариантность.

Некоторые считают, что глобализация, по сути, это – весь исторический процесс развития совокупного социального организма, направленный на достижение его предельной целостности. Эта точка зрения вызывает возражения авторов, видящих в ней утверждение наличия в истории какого-то целевого предназначения. Но возможна и другая позиция, суть которой в том, что смысл истории следует искать не в проекции на нее какой-либо цели, а в том, что исторический процесс – это накопление человечеством на протяжении веков и тысячелетий опыта, который составляет фундамент объективной общности, целостности человечества как в аспекте цивилизации, так и в аспекте культуры. Этот совместный опыт накапливался не только благодаря множественным взаимовлияниям, взаимоотражениям, но и взаимоотторжениям, подавлениям, поглощениям, которые происходили на длительном пути исторического развития. В разные периоды истории эти процессы разворачивались в разных сферах жизни человечества – в религиях, языках, искусстве, политике, технологиях и производстве. Для человечества, цивилизации и культуры последствия этих процессов, тянувшихся иногда столетиями, были часто грандиозны и глобальны. То, что мы сегодня называем глобализацией, – эпизод исторического процесса, хотя и качественно своеобразный, как и

все в истории. Как отмечает О. Бородина, «... правда, и Рим пал, но он пал, дав жизнь будущим великим государствам Новой Европы»²²⁷.

Трансформация истории во многом связана с тем, что современные глобализационные процессы имеют и субъективную сторону, касающуюся нравственных и политических устоев нашей цивилизации. С этой стороны сущность протекающих процессов может быть определена термином «геополитика глобализма», смысл которого заключается в завоевании и укреплении власти Запада над всем остальным миром, установлении нового мирового порядка и единого мирового правительства. Более того, конечная цель глобализации состоит в стремлении Запада навязать всем незападным культурно-историческим типам свое цивилизационное устройство как единственно верное и подлинное. Инструментами такой глобализации являются: разложение национального самосознания людей и народов; подрыв государственности, примат международного права и установление полного контроля над суверенными системами власти; устранение протекционистских, таможенных и других барьеров в мировом финансово-экономическом пространстве; информационная прозрачность.

В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает внешняя по отношению к данному обществу сила (вплоть до «гуманитарной интервенции»).

Сомневаться в том, следует ли транслировать чужой опыт, очевидно, уже поздно – процесс идет весьма интенсивно и в самых разнообразных формах: от разного рода общественных и государственных фондов и институтов – «агентов влияния» до международных и межгосударственных орга-

²²⁷ Бородина О. И. Классическое наследие и современность: опыт реконструирования // Вопр. философии. – 2006. – № 10. – С. 88.

низаций. Вместе с тем наличие чужого социально-исторического опыта может стать помехой на пути накопления своего собственного, затормозить или не допустить выработки альтернативных стратегий. Исторический опыт свидетельствует: нельзя общество, относящееся к одному типу развития, перевести в одночасье на принципиально иной путь.

Когда в истории начинают искать проявления социально-психологических механизмов противопоставления наблюдаемого в современных обществах, прежде всего привлекает не сходство его действия на разных этапах истории, а его способность переводить жесткие столкновения в доступные, часто игровые, формы и тем самым предотвращать их возможные негативные последствия. В этом случае рефлексивные процедуры наслаиваются одна на другую, воссоздавая тонкую и сложную сеть интенциональностей, направленную на снятие жестких оппозиций между эмпиризмом и рационализмом, субъективизмом и объективизмом, релятивизмом и априоризмом, внешним и внутренним.

Реализация исторического познания по западному образцу своеобразна, поскольку сочетает «рыночную привлекательность» с набором институциональных фикций, что особенно наглядно демонстрирует современный этап глобализации. История человека превращается в историю таких безличных сущностей, как социальные институты, формы развития государства, смена ментальностей.

Глобализация не сумела (и еще долго не сможет) «переварить» различия в идеологиях, исторических наследиях, культурах, которые порой, как мы видели недавно, ведут к прямому конфликту цивилизаций. В XXI веке мы еще больше продвинемся по этому пути. И общественное внимание развернулось от глобализационных процессов к не менее глубоким идейно-культурным разломам.

В настоящее время глобализация идет за счет ухудшения природы человека, поэтому ее необходимо развернуть в гуманистическое русло, сориентировать на построение грядущего глобального общества с доминирующей сферой социокультурных услуг.

Таким образом, синтезируя различные оценки глобализационных процессов современности, необходимо отметить, что глобализация все чаще приобретает очертания вестернизации мира. Вестернизация означает не столько счастливое уподобление Западу по критериям «догоняющего развития», сколько разложение органической целостности незападных культур и появление на их месте неупорядоченных конгломератов, превращаемых в свалку технологических и социальных шлаков развитых стран. Действительно, «вестернизировать» мир, сделать его однополярным – то же самое, что сделать наш мозг однополушарным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры.

Общий ход развития мысли присущ всем народам, вовлеченным в движение истории. Он постоянен и непрерывен, имея тенденции к росту, хотя в отдельные периоды истории может замедляться. Кроме того, он содержит как общечеловеческие, так и индивидуальные черты, присущие каждому отдельному этносу. Но в основе всего – единая природа человека.

По мнению П. Е. Бойко, в современных условиях «... само время становится антиметафизическим и антидогматичным, требуя в отношении философии истории XX в. нелюбезного суда диалектического разума»²²⁸.

Хочется верить, что современные и будущие историки, несомненно, обратят внимание на один принцип в рассуждениях Фукуямы, который принимается в виде константы: «Предполагается, что история – это однонаправленное стремление человечества к окружению себя коконом искусственной природы. Но разве теоретически невозможен (ввиду... глобального экологи-

²²⁸ Бойко П.Е. Идея России в русской философии истории. М.: МЫСЛЬ., 2006. – С. 18.

ческого кризиса) обратный процесс и обратная эволюция ценностей? В таком случае “общество потребления” стало бы критической поворотной точкой отсчета. Когда знаки констант поменяются на обратные, не станут ли тогда модели истории повторяться, но уже в обратном порядке и с “обратной” предпочтительностью?»²²⁹.

Доказательством необходимости учета исторического опыта в условиях формирования нового мира под воздействием глобализации является и попытка создания основы единого федеративного европейского государства путем заключения конституционного договора, который предусматривал постепенный отказ от национальных парламентов и институтов. Она, как известно, не только провалилась, но четко продемонстрировала, что единого европейского народа нет²³⁰.

Положительные и отрицательные уроки общественного развития в XX веке позволяют народам и странам, проявляя волю, энергию и настойчивость, концентрироваться на более совершенных и оптимальных путях саморазвития.

ГЛАВА 4. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

4.1. Возрастание роли исторического сознания в кризисной ситуации

Будучи духовным продуктом общественных процессов, особого рода человеческой практики, историческое сознание выступает в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняя функцию интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов на основе осознания общности своей исторической судьбы. Значение исторического

²²⁹ Цофнас А. Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 118.

²³⁰ Зайфферт В. Что будет с европейским союзом? // Лит. газ. – 2006. – 22–28 февр.

сознания как одного из регуляторов социального поведения особенно возрастает в кризисные моменты общественного развития. В первую очередь, это связано с тем, что в настоящее время мировая цивилизация находится на переходе из одного тысячелетия в другое.

Переход в новое столетие, а тем более в новое тысячелетие, порождает психологически объяснимый феномен: осмыслить и обобщить исторические итоги уходящего тысячелетия и «заглянуть» в будущее. При этом особое внимание уделяется прогнозированию проблем, которые предстоит решать в новом времени как человеческому сообществу в целом, так и его отдельным социумам. Такие проблемы все чаще стали называть термином «вызов». Ввод в оборот данной категории, а также парной ей категории «ответ на вызов» есть отражение некоего нового качества человеческого бытия. Обоснованием данного утверждения является то, что научным сообществом признан тот факт, что с конца II тысячелетия происходят фундаментальные в количественном и качественном отношении перемены в условиях существования человеческой цивилизации. В обозримом будущем они приведут, если уже не привели, к её качественно новому состоянию - «цивилизационному сдвигу». Д. Сорокин среди этих перемен выделяет следующие наиболее видимые:

- достижение такого рубежа в использовании традиционных технологий, на котором результаты их функционирования (включая техногенные катастрофы) могут привести к необратимым изменениям среды обитания человека;

- освоение новых технологий, «мощность» которых сопоставима с «мощностью» природных процессов. Важным последствием этого, в частности, является то, что человечество живёт в условиях постоянной угрозы физического уничтожения;

- появление технологий, способных как вследствие целенаправленных действий, так и стихийно изменять биосоциальную природу самого человека,

что, возможно, сопоставимо с теми изменениями, которые породили сам вид человека разумного;

- становление глобального информационного пространства выстраивает принципиально новую систему социальных связей, т. е. каждый может получить доступ ко всему накопленному интеллектуальному богатству и вместе с тем происходит формирование личности, для которой альтернативой непосредственного общения становится виртуальное пространство;

- создание условий для взаимодействия и взаимовлияния между отдельными личностями и различными человеческими сообществами в режиме реального времени, породивших в том числе феномен так называемой глобальной экономики;

- качественное изменение политической конфигурации мира. Складывание монополярной системы, многополярного мира чревато дестабилизацией, которая в прошлом нередко приводила к вооружённым столкновениям²³¹.

Изложенное подтверждает выдвинутую рядом учёных гипотезу, что на нынешнем рубеже впервые в истории всё человечество столкнулось с таким, не имевшим ранее аналогов, комплексом изменений условий своего существования, которые требуют столь же масштабных качественных изменений форм и способов бытия человечества в целом и составляющих его социумов. Учитывая масштабы требуемой трансформации, надо полагать, что она неизбежно приведет к вышеуказанному «цивилизационному сдвигу». Таким образом, вызов предстаёт как точка бифуркации (историческая «развилка»), прохождение которой определяет дальнейшую историческую судьбу социу-

²³¹ Сорокин Д.Е. Вызовы нового века и стратегический ответ России // Вопр. экономики. – 2001. – № 11. – С. 34.

ма, в предельном случае уничтожение общества как особой социальной или физической целостности («нулизация общества»)²³².

Причём уничтожение общества может произойти вследствие неадекватной стратегии ответа на вызов.

В такой сложившейся ситуации переходного периода возникает социальная задача ценностного присвоения новых характеристик прошлого, настоящего и будущего как компонентов исторического времени. «Формируется, - по словам С. Б. Крымского, - новое видение глобальной истории»²³³. Соответственно расширяется диапазон освоения прошлого в формах социокультурной рефлексии, прямого практического использования исторических ценностей, раскрываются нетрадиционные ракурсы освещения смысла, форм, путей и результатов исторической деятельности.

Это особенно выразительно проявляется в процессах национальных ренессансов, столь характерных для современного мира. Ведь национальное возрождение требует ценностного пробуждения всего того, что сохраняется во времени, является инвариантным в опыте нации. Исторические традиции возрождаются сейчас не только под знаком фундаментализма и не только в мусульманских странах. Они возрождаются и в общественной жизни развитых стран, в которых усиливается социальная значимость семьи, религии, общины. С использованием ветхозаветных традиций развивается современный Израиль. «В странах Восточной Европы... также происходят глубинные модернизационные процессы, обусловленные возвратом к традиционным национально-государственным принципам и интересам...»²³⁴. В России и в Украине возрождается казачество. Эти и другие примеры можно рассматривать

²³² Там же. – С. 36.

²³³ Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории // Вопр. философии. – 2001. – № 6, С. 32-41.

²³⁴ Ремарчук, В.Н. Международные конфликты и армия: некоторые последствия политического воздействия / В.Н. Ремарчук. <http://lib.rin.ru/doc/i/154361p5.html>

как свидетельства того, что современная история все теснее связывает движение вперед с преобразованием настоящего под углом зрения неиспользованных возможностей прошлого, т.е. реализует будущее не только в запросах сегодняшнего, но и в составе опыта прошлого, входящего в современность.

И, таким образом, востребованное практикой прошлое приобретает достоинство настоящего и не отделяется осязаемым интервалом от будущего.

Значение исторического сознания в условиях кризиса обусловлено также резким ускорением исторического развития, неудержимым движением истории. Если восточные цивилизации древности и античный мир в течение многих столетий пребывали в рамках традиционных экономических, политических, социальных, духовных отношений, то только за XX столетие человечество проделало путь от индустриального к постиндустриальному, а затем и к информационному обществу.

Только послевоенный период XX в. характеризовался быстрой сменой политического режима во многих странах Европы, Азии и Латинской Америки, крахом колониальной системы, социализацией общественной жизни, в бурным развитием науки и техники. Глобальный мир, создав сложнейшую технику, изменил ритм и движение общественных процессов. Глобализация несет в себе такие негативные явления, как разрушения привычного образа жизни, убыстрения темпов развития, стремительные скорости.

«В условиях постоянно меняющейся ситуации, - пишет В.С. Пусько, - ... многие россияне, не имея соответствующей государственной поддержки, не сумели адаптироваться к новым условиям жизни и скатились за грань бедности и нищеты, или пополнили ряды малообеспеченных слоев»²³⁵.

Скорости глобализирующегося мира кардинально меняют соотношение традиционного и нового, привычного и непривычного. Такое массивное

²³⁵ Пусько, В.С. Философско-экономическое понимание богатства и бедности в современной России / В.С. Пусько // Общество и право. – М., 2009. - № 5 (27). – С. 35.

обновление общества, ведет к его определенной неустойчивости, создавая впечатление всеобщего «разрушения», и человек оказывается лицом, к лицу с непредсказуемым, неведомым, чуждым. Он обращается к наркотикам, спиртному, мистике,, прибегает к насилию, становится агрессивным или апатичным - в век космических скоростей человек безнадежно отстает, не успевая, адекватно, реагировать, на, всевозможные скачки и изменения. Даже Америка не смотря на высокий уровень жизни, является «страной, в которой десятки тысяч молодых людей спасаются от действительности, выбирая наркотическое отупение; страной, в которой, миллионы взрослых ввергают себя в постоянный телевизионный ступор или в алкогольный туман; страной, в которой легионы пожилых людей прозябают и умирают в одиночестве; в которой бегство из семьи и от принятой ответственности становится массовым; в которой широкие массы подавляют свои страстные желания различными транквилизаторами и психотропными препаратами»²³⁶.

Не поспевает в условиях стремительности и растущей динамичности реагировать на новации и «переваривать» их в соответствии со своим духом и национально-традиционное.

Самая главная опасность состоит в том, что глобализация, как она сейчас разворачивается в горизонте подчиненности субъективным интересам, ведет к изменению, а в тенденции и к устранению национальных культур, до сих пор выступающих основой цивилизационного разнообразия человечества.

По мнению Ю. Гранина, «... нынешняя волна глобализации, будучи в значительной мере превращенной формой национализма стран «первого мира» и США, побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобализационных страте-

²³⁶ Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М., 2001. – С.560.

гий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридизации»²³⁷.

В такой ситуации люди не успевают приспособиться к динамике изменений, что вызывает специфический футурошок. Усиливается социальная коллизия между осуждением прошлого и неприятием будущего²³⁸. Иными словами, быстрота изменений во всех областях общественной жизни порождает опасность похоронить навсегда в историческом прошлом важнейшую часть того, чем мы являемся, того, что нас сформировало.

Следующая объективная причина актуализации исторического сознания связана с тем, что в конце II - начале III тысячелетия нашей эры мировая история действительно стала приобретать черты фатальности, когда под вопросом сама возможность будущего. С появлением ядерного оружия массового уничтожения от злой воли определённых социальных сил стало зависеть не только наличное бытие, но и бытие как таковое: возникла опасность атомного Армагеддона, глобального уничтожения или клиоцида (гибели истории). Не менее угрожающими для будущего являются: перспективы экологической катастрофы, нарушение генофонда человечества, распространение «роковых» заболеваний, рост преступности и наркомании. Все более тревожным становится распространение этнических конфликтов. Вредные явления в социальной психологии сконцентрировались таким образом, что создают впечатление настоящего взрыва подземного мира страстей, когда терроризм, фундаментализм, национализм, расизм, иррационализм, эротизм и прочие обретают демоническую окраску. Здесь уместно будет привести точку зрения А. С. Панарина «Еще недавно западная общественность и ведущие интеллектуалы... предупреждали о грядущей экологической катастрофе и необходимости в этой связи новой постиндустриальной аскезы - экологического само-

²³⁷ Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю.Д.Гранин // Вопросы философии. – 2008. – №2. – С. 3.

²³⁸ Там же.

ограничения «аппетитов потребительского общества». Перед лицом глобальных проблем назрела, таким образом, новая духовная реформация на Западе»²³⁹. В такой ситуации у человека, где бы он ни жил, нарастает ощущение неуверенности в завтрашнем дне. И тут, как заметил П. Нора, в условиях усиливающейся неуверенности всем хочется «ощущать на сапогах побольше прилипшей к ним земли прошлого»²⁴⁰, т. е. чувствовать себя потвёрже стоящим на земле. Один из способов для этого - обращение к историческим корням: только ощутив ниточки связей, тянущихся к нам из прошлого, можно почувствовать себя устойчивее в нынешних условиях.

Важное значение приобретает историческое сознание в связи с радикальными изменениями в социальной жизни общества. Изменения кардинального характера в способе производства социального организма выдвигают на повестку дня вопросы, связанные с проблемой выбора дальнейших путей развития, а, стало быть, методов, форм и принципов как оценки пройденного пути, так и выработки программ на будущее. «История превращается из сферы знания в вопрос жизни и осознания бытия»²⁴¹. Именно поэтому общество логикой собственного развития вынуждено обращаться к поиску новых ответов на старые вопросы социального бытия, кто виноват, что делать, и с чего начать. Ответы на подобные вопросы, равно как и на совокупность рядоположенных им, с необходимостью подвигают любое общество в лице каждого нового поколения к переосмыслению причин, приводящих к существующему положению дел. Такое обращение к прошлому необходимо потому, что, строго говоря, ответы на вызов будущего искать практически

²³⁹ Россия в условиях стратегической нестабильности (Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 1995. – № 9. – С. 3-42.

²⁴⁰ Цит по: Иного не дано / под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – С. 491.

²⁴¹ Лосева О. А. Философско-аксиологический анализ исторического сознания: дис. ... канд. филос. наук. - Саратов, 1998. – С. 49.

больше негде, кроме как в прошлом, ибо прогнозирование как попытка познания будущего в отличие от предсказаний иррационального свойства базируется так или иначе на анализе прошлого и настоящего, выявлении в них закономерностей с целью экстраполяции обнаруженных тенденций на вероятное будущее. «Нельзя идти вперед сегодня, - отмечает А. Бовин, - не зная, почему мы зашли в тупик вчера. Нельзя решать задачи сегодняшнего дня, не уяснив себе, почему не оправдали себя решения задач дня вчерашнего. Прошлое, - по его мнению, - не может сказать нам, куда надо идти, но куда идти не надо, оно скажет²⁴². В чём смысл анализа прошлого? Перед субъектом в любом случае в ряду других задач стоит задача осмыслить, понять условия собственной деятельности, т. е. поле, ареал, где он собирается действовать, добиваясь реализации собственных целей. Среди условий важное место занимают социальные условия, т. е. такие, которые связаны с деятельностью других социальных субъектов. Одним из важнейших способов теоретического овладения, т. е. постижения этих условий, является анализ их становления в пространстве - времени, иначе говоря, их исторический анализ. В периоды эволюционного развития социальных организмов исторический анализ результатов прошлой деятельности базируется, как правило, на основе господствующей в данном обществе доктрины и, как правило, не вызывает политического акцентирования на её основаниях. В периоды же развития, носящие характер революционных изменений, кризисов, катаклизмов, когда процессу социальных перемен предшествует процесс ломки парадигм исторической науки, пересмотр их оснований, данная проблематика резко политизируется, так как начинает непосредственно затрагивать интересы социальных групп - как тех, которые заинтересованы в смене парадигмы, так и тех, которые заинтересованы в её сохранении.

²⁴² Бовин А. Е. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Иного не дано. – С. 519–550.

Возрастание роли исторического сознания обуславливается и необходимостью переоценки тех культурных, политических, моральных, религиозных и иных ценностей, которые определяли до переходного периода образ жизни социума. Ярким подтверждением этого тезиса служит «Смутное время» (1598-1613 гг.). Оно не прошло бесследно для российского общества. Его следствия, начав проявляться уже в период царствования Михаила Романова, вытекали из главной причины перемены, произошедшей в положении государства. Данная причина заключалась в том, что, говоря словами В. О. Ключевского, «...прервалось политическое предание, старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве XVI в...»²⁴³. Из потрясения, пережитого в Смутное время, население России вынесло «...обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы, люди XVI века»²⁴⁴. Смута изменила привычный взгляд общества на государя и государство. Если люди XVI века видели в своем государе хозяина государства, целью которого был личный или династический интерес этого государя, то в Смутное время, характеризуемое выборностью царя или его отсутствием, появилась идея государства, которая стала сливаться с понятием о народе. «Рядом с государевой волей, - отмечал В. О. Ключевский, - а иногда и на её месте теперь не раз становилась другая политическая сила... - воля народа»²⁴⁵.

Так было в эпоху крушения Римской империи и формирования новой, европейской цивилизации, когда складывалась новая идеология на основе зарождавшейся христианской религии, и происходила переоценка исторического прошлого империи, которая выражалась не только в переосмыслении прошлого, но и в отказе от многих традиций античности - разрушались пре-

²⁴³ Ключевский В. О. Сочинение: в 9 т.: Т.3. Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. - М.: Мысль, 1988. - С. 62.

²⁴⁴ Там же. - С. 63.

²⁴⁵ Там же. - С. 64.

красные античные храмы, разбивались прекрасные статуи великих античных мастеров, были запрещены языческие жертвоприношения.

В современных условиях произошли глубокие ценностные изменения на Западе. Запад стал индивидуализированным обществом. Согласно английскому социологу З. Бауману, индивидуализированному обществу присущи три характерные черты: утрата человеком контроля над социальными процессами; незащищенность его перед переменами, которые он не в состоянии контролировать и перед ситуацией неопределенности, в которой он должен жить; следующая отсюда неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и подмена их немедленными результатами. Бауман фиксирует появление индивида, которого было бы уместно назвать «негативным» - отщепившимся от социальной ткани, от мысли «о другом», лишенном чувстве солидарности и ответственности, ставящим только краткосрочные задачи, не имеющим связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи. Это индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей и изоляции²⁴⁶.

Как утверждает У. Бек, неопределенность и небезопасность самоподдерживается новым типом индивидуальности, разрывает связь времен и связь поколений, делает общество «обществом риска»²⁴⁷.

Слепая внешняя сила действия общества на индивидов может быть понята и как деполитизация, и как десоциализация, когда сознательная, рациональная, имеющая цель деятельность как индивида, так и государства сведена к минимуму. Не контролируя своего настоящего, человек не может представлять или планировать будущее и ясно осознавать свое прошлое²⁴⁸.

²⁴⁶ Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. – 2005. - № 11. – С.3.

²⁴⁷ Там же. – С.4.

²⁴⁸ Там же. – С. 4.

Следующая причина актуализации исторического сознания обусловлена тем, что у определенной части населения формируется неприятие, а то и сопротивление экономической, политической и социальной обстановке, сложившейся в кризисном социуме. Историческое сознание обращается к прошлому, к поиску в нем утраченных идеалов.

Как отмечал К. Маркс, «... как раз в такие эпохи революционных кризисов они (люди - А.Л.) боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»²⁴⁹.

Так в эпоху Возрождения в социально - экономической и духовной жизни Западной Европы происходил целый ряд изменений - начали развиваться, говоря словами Ф. Энгельса, «...современные европейские нации и современное буржуазное общество...»²⁵⁰. В условиях кризиса феодализма происходили существенные перемены в умонастроениях. Уже средневековые представления, основанные на христианской религии, не удовлетворяли требованиям нового времени. Презрение к земному естеству заменяется признанием творческих способностей человека, разума, стремления к земному счастью. реализация человечности предопределила обращение к культурному богатству прошлого - к античному культурному наследию, к овладению многоликим богатством древней философии, литературы, искусства.

Говоря о данной причине актуализации исторического сознания, следует отметить взаимосвязанность и последовательность причин, о которых идет речь. Сопротивление ситуации, отказ от официальной идеологии, неприятие прежних методов интерпретации прошлого - логическое следствие неудовлетворенности знаниями истории, неудовлетворенности, о которой речь шла

²⁴⁹ Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. — Т. 8. – С. 119.

²⁵⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. - Соч. - Т. 20. – С. 345.

выше. Но это все-таки причины разного порядка. В одном случае можно просто быть неудовлетворенным, в другом - реализовывать это состояние в активном поиске жизненных ценностей в историческом прошлом. Этот поиск тоже является, таким образом, своеобразным катализатором исторического сознания.

Таким образом, в кризисные периоды роль исторического сознания как важного регулятора общественного поведения, как фактора социальной стабильности, неизмеримо возрастает, что обусловлено рядом причин объективного и субъективного характера.

4.2. Актуализация проблемы смысла истории

В исследовании проблемы исторического сознания, как и во всей философии истории, ведущей проблемой является вопрос о смысле истории, его существовании, содержании, связи с ценностями, смыслами отдельных эпох и событий, с направленностью будущего развития и т. д. Известно, что проблемой «смысла истории» на уровне жизненно-практического сознания люди в своей массе интересуются не всегда. Глобальный системный кризис выдвинул на первое место практически-политическую функцию исторического сознания, остро поставил вопрос поиска смысла истории, его содержания, связи с ценностями, смыслами отдельных эпох, направленностью будущего развития.

Одна из позиций, занимаемых исследователями исторического процесса в смысло-теоретическом отношении, заключается в полагании объективного всеобъемлющего исторического смысла. Смысл истории усматривается в реализации определенных принципов, идей, сущностей или ценностей. Такие объективно существующие всеобщности конституируют историческую жизнь человечества в организационное, упорядоченное целое, прозрачное

для философской рефлексии²⁵¹. «Как правило, - пишет Ю. А. Кимелев,- подобная всеобщность является и определенным антропологическим тезисом, призванным выразить предназначение существования человека»²⁵².

Центральной идеей проблемы смысла истории, как и всей философии истории, является идея прогресса.

Идея о том, что человечество развивается по пути все большего политического и социального прогресса, появляется в эпоху Просвещения. «Ее главная идея заключалась в том, что все человечество в разные периоды своей истории – времена процветания и нищеты, войн и мира и т. п. – постепенно совершенствовалось. Прошлое, настоящее и будущее были связаны идеей направленного развития»²⁵³.

Особенно полно идея прогресса была развита французским социологом Огюстом Контом. Девизом своей научной деятельности он избрал слова «Порядок и Прогресс».

По его мнению, сама природа, её внутренний порядок содержит в себе зародыш прогресса: «Наша социальная эволюция фактически является лишь самым внешним итогом общего прогресса, который проходит непрерывно через все живое царство...»²⁵⁴. При этом порядок, по Конту, - условие всякого прогресса, а прогресс – всегда цель порядка.

Более сложную, спиралевидную, прогрессистскую модель развития разработал Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Видение прогресса современным либерализмом построено на фундаменте веры в рациональность мирового устройства, с одной стороны, с другой –

²⁵¹ Кимелев Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: Антология: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. – М.: Аспект – пресс, 1995. – С. 351.

²⁵² Там же.

²⁵³ Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – С. 135.

²⁵⁴ Конт О. Основные законы социальной динамики, или Общая теория естественного прогресса человечества / О. Конт // Философия истории. Антология. – М.: Аспект – пресс, 1994. – С. 116.

в рациональность человеческого действия. В этом смысле либерализм есть продукт западно-европейского эгоцентризма.

Вера в рациональность первого типа полагает мир как устроенный в соответствии с определенными объективными законами – естественными, как естественны законы природы.

Из подобного восприятия мира довольно органично вытекает эволюционистская идея прогресса, причём прогресса фактически однолинейного²⁵⁵.

Понятие прогресса подвергается критике уже с XIX века. С точки зрения историзма, прогресс – это «секуляризованная христианская эсхатология, идея универсальной, достигаемой всем человечеством конечной цели, которая перемещена из сферы чудес и трансцендентности в сферу естественного объяснения имманентности» (Фридрих Мейнеке).

В первой половине XX века русский философ Н. А. Бердяев подверг резкой критике идею прогресса.

Основное противоречие учения о прогрессе заключается в его ложном отношении к проблеме времени – к прошлому, настоящему и будущему. Учение о прогрессе, по мнению Н. А. Бердяева, есть совершенно ложное, не оправданное ни с научной, ни с философской, ни с моральной точки зрения обоготворение будущего за счёт настоящего и прошлого²⁵⁶.

С точки зрения нравственной, Н. А. Бердяев считал: «Прогресс превращает каждое человеческое поколение... в средство и орудие для окончательной цели – совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела... и только где-то на вершине исторической жизни появляется, наконец, на истлевших костях всех предшествующих поколений такое поколение счастливых, которое взберется на вершину и для которого возможна будет высшая полнота жизни, высшее

²⁵⁵ Радаев В. В. В борьбе двух утопий // Вопр. философии. – 1992. - № 4. – С. 32.

²⁵⁶ Бердяев Н. А. Смысл истории. – С. 146.

блаженство и совершенство»²⁵⁷. И отсюда Н. А. Бердяев делает вывод: «Религия прогресса есть религия смерти... Прогресс оказывается не вечной жизнью... а вечной смертью, вечным истреблением прошлого будущим, предшествующего поколения последующим»²⁵⁸.

После Второй мировой войны влиятельные мыслители выражали сомнения в реальности социального прогресса. Свое несогласие с идеей прогресса, разочарование в ней высказывает яркий представитель рационалистического направления во французской философии истории Реймон Арон. Его работа, посвященная критике прогресса, так и называется «Разочарование в прогрессе»²⁵⁹. И. Р. Шафаревич критикует понятие «прогресса» как термина, присутствующего исключительно Западной цивилизации.

С позиций крайне нигилистического отношения к истории отрицают процесс истории как прогрессивное развитие человечества во времени и пространстве представители структуралистского направления во французской историософии «новые философы» А. Глюксманн, Б.-П. Леви, К. Жамбе, Я.-М. Беноисте. Согласно их представлениям история – некий замкнутый, изначально порочный круг, из которого человечество выбраться не в состоянии. Известный структуралист Мишель Фуко, анализируя кантовскую проблему «что есть человек?», пишет о современной философии: «Её забота о человеке, отстаиваемая ею не только на словах, но и во всем её пафосе, само её стремление определить человека как живое существо, как трудящегося индивида или говорящего субъекта – все это лишь для прекраснотушных простаков говорит о долгожданном наступлении царства человеческого; на самом деле все это более призрачно...»²⁶⁰. И заканчивает свою работу фразой:

²⁵⁷ Бердяев Н. А. Смысл истории. – С. 147.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ См.: Aron R. Les desillusions du progress. – Paris, 1969.

²⁶⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977. – С. 436, 487.

«Можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»²⁶¹.

Идея прогресса была подвергнута критике и современными отечественными и зарубежными философами. «Более двухсот лет вера в прогресс вдохновляла Западную цивилизацию. Вряд ли будет преувеличением сказать, что какая-либо другая идея превосходила ее по степени влияния на судьбу современного мира. История XX века и, в частности, история России в полной мере испытали на себе её противоречивое влияние.

Трагично пережитый человеческий опыт нацизма, преодоление соблазна коммунистической утопии, обещавшей построение общества всеобщей справедливости и равенства, возрастание количества социальных проблем, часть которых унаследована от эпохи индустриального капитализма, а часть представляет собой результаты нового глобального и постиндустриального порядка, - все это способно привести к мысли о несостоятельности самой идеи прогресса»²⁶².

Подвергает критике идею прогресса и американский философ Дж. Сантаяна: «...вера в прогресс, как и вера в судьбу или число «три», - чистый предрассудок, безумное представление о том, что если какая-то идея, - в данном случае идея поступательного изменения к лучшему, - была уже где-то осуществлена, поскольку эта идея была силой, которая осуществлялась так формально, то она должна тайно осуществляться везде, даже если этому противоречат факты. Нельзя сказать, чтобы вера в прогресс была тождественна вере в Провидение или даже совместима с ней. Неужели Провидение могло бы начать с неисправности, чтобы затем корректировать себя! Ведь в про-

²⁶¹ Там же.

²⁶² Волгин О. С. Идея прогресса в русской религиозной философии Серебряного века: автореф. дис. ...д-ра филос. наук – М., 2004. – С. 3.

изведениях, которые по существу своему «прогрессивны», как, например, рассказ, начало не хуже конца, если автор профессионален»²⁶³.

Столь же резкой критике подверг идею прогресса современный английский историк Джон Тош. Считая прогресс одним из наиболее распространенных заблуждений массового исторического сознания, он утверждает, что вера в прогресс ведет к безумной идеализации будущего²⁶⁴.

В то же время среди некоторых мыслителей современности идея прогресса по-прежнему звучит как важнейшая и фундаментальная, но требующая определенной доработки.

П. Штомпка, профессор Ягеллонского университета, утверждает: «...идея прогресса слишком важна, слишком фундаментальна для смятения экзистенциальных напряженностей и неуверенности, чтобы от нее отказаться ради чего-то другого. Она переживает временный кризис, но рано или поздно вновь обретет силу и власть над человеческим воображением. Однако для того, чтобы сохранить ей жизнеспособность, ее нужно пересмотреть и переформулировать, очистить от некоторых устаревших положений»²⁶⁵.

В 1999 году во втором выпуске альманаха с характерным названием «Казус» появляется программная статья М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!». Характеризуя специфику общественной роли истории в XX века, М. А. Бойцов видит одну из основных причин ее изменения в том, что «... оказалась скомпрометирована стержневая идея прогресса»²⁶⁶. М. Ф. Румянцева отчасти согласна с ним в том, что «сомнение в наличии «подлинного» прогресса помноженное на сомнение в безграничности познавательных возможностей людского разума, превращает в колеблющийся мираж те картины уютного будущего, что были убедительно набросаны в оптимистическом XIX

²⁶³ Сантаяна Дж. Прогресс в философии // Вопр. философии. – 1992. - № 4. – С.124.

²⁶⁴ Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. – М., 2000. – С. 22 – 29.

²⁶⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 59.

²⁶⁶ Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус – 1999: Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999. – С. 20.

в.», в то же время замечает, что «не стоит путать восприятие истории как процесса и веру в прогресс как частную, возможную, но отнюдь не обязательную форму процесса»²⁶⁷.

Идея прогресса была опровергнута опытом XX столетия. Научно-техническая революция обернулась глубоким экологическим кризисом, двумя мировыми войнами и политическими революциями. XX век ознаменовался в целом таким количеством невиданных ранее катастроф, как военные, политические, экологические и моральные, что разочарование в идее прогресса стало повсеместным. Кровавые диктатуры, геноцид и массовые репрессии, атомные бомбардировки и аварии на атомных станциях, постоянная угроза ядерного уничтожения всего живого на Земле – все это можно отнести к негативным последствиям прогрессивного развития человечества.

Неудивительно, что лейтмотивом XX века стала не идея прогресса, а идея кризиса. Пессимистические взгляды начинают преобладать и в социальной философии, и в философии истории. Как отмечает Р. Хилтон, мы становимся свидетелями забавной ситуации «нормализации кризиса». Философские науки просто одержимы идеей кризиса, который усматривают везде и во всём. Если прежде кризис в историческом развитии рассматривали как временное явление, то сегодня его склонны рассматривать как хронический, всеобщий, без признаков будущего ослабления. «Исторический опыт всё меньше становится частью героического эпоса и все больше – частью мыльной оперы... Одним из наиболее поразительных симптомов эпохи разговоров о кризисе и его нормализации является провал оптимистических повествований о социальных изменениях и исторической эволюции»²⁶⁸.

В середине XX века в западноевропейском историческом сознании родилась новая концепция истории, получившая название модернизации. Со-

²⁶⁷ Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект-пресс, 2002. – С. 20.

²⁶⁸ Hilton R. Problems of crisis and normality in the contemporary world // Rethinking Progress. – Boston, 1990. P.39, 43-44.

гласно этой концепции модерн является окончательным выбором человечества, которому предстоит продолжить эпопею прогресса.

«Либеральное... видение прогресса, - пишет В. В. Радаев, - воплотилось в идее универсальной модернизации (понимаемой по существу, как «вестернизация») – постепенном распространении на весь мир ценностей западноевропейской культуры»²⁶⁹.

Исследователь феномена модернизации Ю. И. Семенов отмечает, что возникло множество концепций модернизации. Первоначально этим понятием обозначался процесс подтягивания неразвитых стран до уровня развитых, которое происходило в результате распространения (диффузии) достижений передовых стран Запада среди отсталых обществ и усвоение их последними (аккультурация). Для них понятие модернизация было равнозначно понятиям европеизация, вестернизация²⁷⁰.

Наряду с такого рода взглядом появилось значительно более широкое понимание модернизации. Сторонники ее считали, что модернизация первоначально имела место в Западной Европе, а остальные страны просто-напросто повторяют путь, уже пройденный западными странами²⁷¹.

Согласно Н. Смелзеру, американскому социологу, термин «модернизация» употребляется для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе его индустриализации. Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества²⁷².

Авторами концепции модернизации явились неолиберальные теоретики, такие, как И. Л. Горовиц, С. П. Хантингтон, К. Фуртало, Д. Лернер, Р. Редфилд, У. Е. Мур, М. Дж. Леви-мл., С. Айзенштадт, и др. В их работах сам

²⁶⁹ Радаев В. В. В борьбе двух утопий // Вопр. философии. – 1992. - № 4. – С.32.

²⁷⁰ Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория. Основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – С. 200.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Смелзер Н. Социология. – М., 1994. – С. 620.

процесс модернизации представляется как переход от более примитивных форм общества или сообщества людей, от менее развитой культуры к ее более совершенным формам, от биологических атавизмов к социальной и политической организации современного типа. В целях предупреждения серьезных осложнений, которые они предрекали к середине XX века, по их мнению, требуется цивилизационный сдвиг, нужна интернационализация того типа развития, который выработают новые общества, с тем, чтобы вместе они могли образовать новое мировое сообщество.

Как отмечал У. Мур: «Все идут в одном направлении, несмотря на различие темпов, рубежей и препятствий, модернизация – это рационализация общественной организации и социальной активности. Такой рациональный процесс ведёт к сближению уровней развития. Модернизация поэтому – путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе»²⁷³.

В своей основе теория модернизации строилась на идее превосходства Запада. Был реанимирован старый гегельянский подход деления народов на исторические и неисторические. Идеологии глобализации обратились к теории Гегеля о том, что только западная цивилизация обладает способностью к закономерной внутренней динамике. Только ей удалось перейти из циклического времени в линейно-кумулятивное время, получившее название исторического прогресса. Только европейская цивилизация признана способной осуществить всемирное распространение и образование единого планетарного пространства (глобализации). Другие же, незападные народы, обречены на то, чтобы следовать по пути Запада, чтобы не быть обреченными на застой.

Экономическая и социальная перестройка общества обуславливалась теоретиками модернизации её культурными предпосылками, такими как наличие у социальных групп, классов и лидеров развивающегося общества

²⁷³ Moore W.E. Worldmodernization. The limits of convergence. – N. – Y., 1979.

«факторов подъема», «импульсов к реформе»²⁷⁴. Сам процесс модернизации рассматривался как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует изменения идентичности людей модернизирующегося общества. Здесь следует признать, что постановка задачи смены идентичности в модернизационных теориях есть не что иное, как требование тех новых рамок самоотождествления, которые соответствовали бы западным ценностям и социальным установлениям²⁷⁵.

Более того, если в сферах социально-экономической, хозяйственно-технологической ещё можно говорить о сближении уровней развития Запада и не Запада, об отсталости незападных цивилизаций, то в сфере – социокультурной применение по отношению к незападным цивилизациям понятий «отсталость», «недоразвитость» весьма проблематично. Локальные цивилизации различаются именно по социокультурным характеристикам, в основе которых лежат в конечном счёте ценностные системы. Отражая специфику духовной сферы, они не могут сравниваться в понятиях «истинный - неистинный» или «передовой - отсталый» и т. п. Их особый статус, отражающий парадоксальную двойственную природу индивида, обуславливает необходимость иного подхода – сопоставления и взаимодополнения, без которого невозможен диалог цивилизаций²⁷⁶. Речь идет о диалоге «культурных миров, сохраняющих каждый свое лицо; ...в подобном диалоге могут сложиться единые нормы глобальной солидарности, глобального этоса»²⁷⁷. По мнению автора, идея формирования универсальной цивилизации не предполагает «отмирания» цивилизационных различий, и тем более в сфере социокультурной. Причём нельзя недооценивать реальности главного противоречия между западными и незападными цивилизациями, которое заключается в противосто-

²⁷⁴ См. Horowitz Y.L. The sociology of development and the ideology // Sosial growth. Process and implication / Ed. By Hawley A.H. N. – Y. etc.1979.

²⁷⁵ Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопр. философии. – 2000. - №. 4. – С. 14.

²⁷⁶ Киселев Г. С. «Вторая Вселенная»: драма свободы // Вопр. философии. – 2010. - №. 3. – С. 9.

²⁷⁷ Померанец Г. По ту сторону своей идеи // Дружба народов. – 2001. - № 3. – С. 153

речии принципов свободы и несвободы. Так, незападные государства всё ещё по большей части не имеют правового характера; речь идет фактически о противоположных принципах взаимоотношений индивида и общности.

Как отмечает Г. С. Киселев, «Перед Западом стоит задача: ... защитить высшие достижения собственной цивилизации и доказать преимущества остальному миру»²⁷⁸.

Здесь следует заметить, что доказать преимущества своих социокультурных ценностей перед остальным миром для Запада является весьма проблематичным, поскольку прогресс истории обернулся рядом негативных последствий, одним из которых явилось массовое общество. Массовому обществу присуще господство масскультуры и вытеснение подлинной культуры. То есть речь идёт о том, что духовная составляющая человека все менее определяет собой социальность, которая таким образом утрачивает характеристики мира человека. «В частности, - по утверждению Г. С. Киселева, - оказывается, что современный человек не умеет и не хочет пользоваться свободой, добытой предшествующими поколениями. Напротив, он, по выражению Э. Фромма, «бежит от свободы», либо передоверяя ответственность за свою жизнь тоталитарной власти, либо вообще забывая о какой-либо ответственности ради неограниченного потребления»²⁷⁹.

Опыт модернизации в 1950-1960-х годах XX века подтверждает несостоятельность выводов адептов модернизации о необходимости и возможности смены идентичности незападных цивилизаций, их социокультурной унификации. Хотя под влиянием модернизационных процессов традиционные культуры так называемых стран третьего мира были в значительной мере разрушены, но в то же время основы современного западного общества в большей мере ими не были приобретены. Например, бурное развитие Японии

²⁷⁸ Киселев Г. С. «Вторая Вселенная»: драма свободы // Вопр. философии. – 2010. - №. 3. – С.9.

²⁷⁹ Там же. – С.8.

не меняло её национальной идентичности на западную и в целом представлялось не следствием успеха модернизационных теорий, а «японским чудом».

В целом классическая теория модернизации, адекватно описавшая модернизационный опыт Запада и способствовавшая модернизации ряда незападных стран, осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что время классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции истекло²⁸⁰.

В современных условиях классическая теория модернизации подвергается критике. «Просветители типа Кондорсе ещё носились с чрезмерными упованиями на то, что искусства и науки будут способствовать не только покорению природы, но и пониманию мира и человека, нравственному совершенствованию, справедливости общественных институтов и даже счастью людей. XX век не пощадил этого оптимизма»²⁸¹. Прежде всего эта теория признает линейность и одновариантность исторического развития, постоянную устремлённость к развитию. Теория модернизации признает за историей непреложность логики и закономерность развития, лишаящее социумы возможности исторического выбора. Она ориентирована на рациональность Запада. К незападным народам предъявляются требования рекультуризации в процессе модернизации. Особой критике подвергается модель догоняющего развития, используемая незападными странами в их попытке приблизиться к уровню развития западных стран.

²⁸⁰ Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // *Вопр. философии.* – 2002. - № 12. – С.5.

²⁸¹ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии.* – 1992. - № 4. – С. 45.

В XXI веке в связи с глобализацией и развитием капитализма в незападных странах – России и других посткоммунистических, в странах Азии – Запад перестает быть универсальным образцом развития и начинают преобладать национальные модели модернизации, основанные на вестернизации, на собственных приоритетах, трактовках и решениях проблем развития каждой страной²⁸².

С середины XX века повсеместно росло убеждение в возможности социалистической альтернативы модернизации. Модернизационные теории решительно отбрасывались в пользу социалистических. «Мы живем не в модернизирующемся, а в капиталистическом мире, - заявлял А. Александер, - и в переходе мировой системы от капитализма к социализму»²⁸³.

Поворот к социализму был связан с открытием Россией и другими странами второго, т. е. западного, пути, способного конкурировать с Западом. Идея второго пути и сегодня имеет место в общественном сознании, но уже редко связывается с социализмом.

В связи с кризисом идеи модернизации в конце 1980-х годов активно стала использоваться идея исторического развития, получившая название глобализация, как «новый мегатренд, сменяющий модернизацию»²⁸⁴.

Глобализация была представлена общественному сознанию как процесс, который обусловлен прежде всего экономическим, технологическим и социальным прогрессом последних десятилетий, и этот процесс, по мнению идеологов глобализации М. Кастельса, Р. Кругмана, В. Гатеса, Т. Сороса, Дж. Стиглица и др., рассматривается как формирование глобального челове-

²⁸² Федотова В. Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопр. философии. – 2009. - № 12. – С. 30-43.

²⁸³ Alexander Y.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World” of “Our Time” // Zetsenrift fir Soziologie. – 1994. Jg.23.Heft.3. – S.165.

²⁸⁴ Федотова В. Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопр. философии. – 2009. - № 12. – С. 30-43.

ского сообщества, а абсолютное большинство живущих на Земле постепенно вырабатывают общее понимание основных принципов жизнеустройства²⁸⁵.

С точки зрения синергетики, глобализация человечества интерпретируется как этап универсальной, или глобальной истории, имеющей циклический характер или, другими словами, имеющей «идеальную программу жизненного цикла, проходящую стадии зарождения, роста и умирания»²⁸⁶.

Ряд исследователей, истолковывающих историю человечества с традиционных социологических подходов, глобализацию понимают как одну – результирующую – тенденцию исторического развития. В данном случае глобализационный процесс интерпретируется как обретение историей качеств глобальности (всеобщности) в результате 1) развития науки и техники, «техносферы» (технический подход); 2) развития экономической (капиталистической) «миросистемы» (миросистемный подход); 3) распространения («столкновения») мировых и локальных «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход) или 4) «модернизации» обществ по мнениям: «аграрное-индустриальное-постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна - постмодерна» (модернистский подход)²⁸⁷.

В подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает собой очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – западной - модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «Центр» и отсталую «Периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада²⁸⁸.

Эту точку зрения разделяет В. Л. Иноземцев: «Возможно, теоретикам глобализации трудно признать, что глобализация представляет собой не про-

²⁸⁵ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // *Вопр. философии.* – 2004. - № 4. – С. 60.

²⁸⁶ Азроянц Эдуард. Глобализация: катастрофа или путь к развитию?. – М., 2002. – С. 250.

²⁸⁷ Гранин Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // *Вопр. философии.* – 2008. - № 2. – С. 5.

²⁸⁸ Там же. – С. 5.

цесс становления единой цивилизации, базирующейся на пресловутых «общечеловеческих» ценностях, а нечто совершенно иное – экспансию «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели. То, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация. Сам этот термин не новообозначаемое им явление характеризуется практически всеми теми признаками, которыми сегодня принято наделять глобализацию»²⁸⁹.

Можно ли считать целью истории, смыслом истории построение «мировой деревни», как это представляется адептам глобализации, по западному образцу? По нашему мнению, современный процесс глобализации является объективным процессом современного этапа развития человеческой цивилизации. Но нельзя путать эту идею, этот процесс с действием какого-либо одного государства, навязыванием его ценностей всему миру.

Вполне можно согласиться с выводом М. Н. Руткевич, что глобализация характеризуется нарастающим расколом мира на страны Запада и в первую очередь США, усиливающие своё господство в мире, и страны, попавшие в их долговую зависимость, и всё более усиливающие своё сопротивление ультраимпериалистической политике США²⁹⁰.

4.3. Русская идея и преодоление кризиса

В начавшемся третьем тысячелетии в связи с глобализацией, породившей глобальный системный кризис, требуется ответ на вопрос о допустимости плюрализма моделей развития. Как сохранить многообразие человеческой цивилизации в условиях экспансии западной субъективистской модели глобализации, навязывающей свои идеалы рынка, морали и нравственности, культуры, образа мышления и действия всему населению планеты?

²⁸⁹ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация как американизация» // Вопр. философии. – 2004. - № 4. – С . 60.

²⁹⁰ Руткевич М. Н. Философское значение концепции устойчивого развития // Вопр. философии. – 2002. - № 11. – С .34.

На первое место в определении главных ориентиров выхода из глобального системного кризиса, а следовательно, и преодоления кризиса идентификации должна быть выдвинута русская национально-государственная идея, способная объединить народ через осознание национальных интересов и постановку четкой национальной стратегии и тактики их претворения в жизнь. Ибо ясно, что без такой идеи, которую предстоит осознать массам, ничего сделано быть не может. Нынешняя безыдейность привела к общественному безразличию, социальной апатии - этим разрушительным силам общества.

Следует отметить, что сам термин «русская идея» появился из-под пера Ф. М. Достоевского, но не в качестве теоретического концепта. Позднее, в конце XIX века, вышла книга В. С. Соловьева «Русская идея». «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой арене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность... когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собой или открывает нам; какой идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира?»²⁹¹. В раскрытии этих вопросов В. С. Соловьев видел путь к пониманию сущности русской идеи.

О русской идее вслед за В. С. Соловьевым писали почти все русские мыслители – К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, Ю. Ф. Самарин, И. Аксаков, К. Аксаков, И. В. Кириевский, П. Я. Чаадаев и др. После Второй мировой войны Н. А. Бердяев издал объемный труд «Русская идея». «Меня будет интересовать не только вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопросов о том, что замыслил Творец о России, каковы умопостигаемый об-

²⁹¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: приложение к журналу // Вопр. философии. – 1989. – С. 219, 220.

раз русского народа, его идея»²⁹², - читаем в первых строках этой книги. Что понимал Н. А. Бердяев под «русской идеей»? Н. П. Полторацкий, автор обстоятельного исследования «Бердяев и Россия» (Нью-Йорк, 1967), писал в одной из своих рецензий: «У Бердяева понятие «русская идея» имеет широкий смысл. Сюда он относит не такие понятия, как русская идея, русский мотив, русская особенность, свойства, судьба, признание, стремление, искание, ожидание и т. п.»²⁹³.

Характерной особенностью русской истории Н. А. Бердяев называет раскол, дуализм. Русская идея прерывна: «есть Россия Киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия. Развитие России было катастрофическим»²⁹⁴. Прерывности, где один период противостоит другому, соответствует и раскол внутри России: раскол церкви, углубленный реформами Петра, раскол между обществом и государством, интеллигенцией и народом. Раскольницей оказалась и сама интеллигенция: славянофилы были раскольниками в одном смысле, народники-социалисты – в другом. Двойственна, по мысли Н. А. Бердяева, и русская культура. Поляризована и природа самого русского человека. «С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой стороны – возможность жесткости; с одной стороны – любовь к свободе, с другой – склонность к рабству»²⁹⁵.

В современных условиях свое видение русской и российской идеи предлагает А. И. Вдовин. По его глубокому убеждению, эти две идеи не только не противоречат, но, напротив, дополняют друг друга. Российская идея, считает

²⁹² Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. - № 1. – С. 78.

²⁹³ Полторацкий Н. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Сб. ст. – Н. – Й., 1988. – С. 131.

²⁹⁴ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. - № 1. – С. 79.

²⁹⁵ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. - № 2. – С.153, 154.

он, воплощена в российской державности, в самостоятельном существовании России, ориентированном на воплощение и защиту ее собственных интересов и интересов тех, кто в ней проживает, не принося их в жертву тем или иным глобальным химерам.

Интегральной же частью российской национальной идеи должны стать национальные идеи всех ее народов и прежде всего русских, поскольку, не решив самую основную национальную проблему России, рассчитывать на ее прочность и жизнеспособность не приходится. «Русская идея сегодня, - указывает А.И. Вдовин, - осознание русскими людьми, народом в целом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество»²⁹⁶.

Трудно с этим не согласиться. Чтобы реализовать русскую идею, по А. И. Вдовину, нужно отказаться от национального нигилизма и двойных стандартов в области национальных отношений как пережитка прошлого. Отказ от русофобии не только как от нравственно-психологической язвы интеллигенции, но и как игнорирования или боязни русского национального фактора при решении политических судеб России, по убеждению автора книг, станет действенным средством оздоровления российской государственности. Ибо только процветание русского народа позволит гармонично существовать в России татарину, якуту и всем другим русским народам²⁹⁷.

И. Б. Чубайс, изучая проблему русской идеи, приходит к заключению, что русская идея – это три основных «кита», на которых выстраивалась Россия на протяжении многих столетий, а именно: православие, собирание земель, переросшее в имперскую политику и общинный коллективизм²⁹⁸.

²⁹⁶ Вдовин А. И. Русские в XX веке. – М.: Олма-пресс, 2004. – С. 424.

²⁹⁷ Там же. – С. 94, 338, 447.

²⁹⁸ Чубайс И. Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ (заметки консерватора) // Вопр. философии. – 2002. - № 10. – С. 31.

Вполне можно согласиться с ним в том, что русская идея понимается только как общероссийская, общенациональная идея, а не буквально идея русских²⁹⁹.

На основе русской идеи должно быть положено начало гражданскому объединению и процессу возрождения России, что более адекватно выразит самобытность российского общества. Главное заключается в том, что Россия не может существовать и развиваться без осознания своих национально-государственных идей, целей и интересов, которые должны быть основой всей ее внутренней и внешней стратегии.

К тому же русская идея будет способствовать мобилизации всех сил российского общества на преодоление глобального социокультурного кризиса. Однако для перехода к более качественному состоянию общества на основе переходных процессов в постсоветской России немаловажное значение имеют ответы на вопросы: от чего и к чему осуществляется переход, каковы конкретные контуры того, что может быть обозначено как современное общество, каковы пути приближения к нему. Для России, пережившей за последние десятилетия территориальный распад СССР, развал советской политической системы, крушение официальной идеологии, советских нравственных и духовных идеалов, изменение форм собственности и всей экономической системы, эти вопросы приобретают особую остроту. Иначе говоря, в стране произошли изменения, которые трансформировали ее глубинный характер и специфику: изменилась социальная система, она стала принципиально отличной от самой себя, возникла угроза утраты своей идентичности. Таким образом, действительный характер процессов, происшедших в нашей стране, позволяет с полным основанием отнести их к проявлениям идентификационного кризиса. И теперь мы вновь ищем свой путь, свою идею и идентичность.

²⁹⁹ Там же. – С. 29.

Очень важно понять, где корень серьезных просчетов, явных ошибок и слабостей политики реформ. Общие фразы об отсутствии научно выверенной стратегии, должного понимания и учета российских условий, бессистемности и непоследовательности принимающихся решений явно недостаточны. Необходимо совершенно другой подход, а именно: нацеленность анализа прошлого на разработку продуманной, четкой программы мер, способствующих быстрому выходу из кризиса, подъему России³⁰⁰.

В новых исторических условиях идет поиск тех идей, которые позволили бы укрепить и поднять на новый качественный уровень российскую экономику и государственность, стали бы привлекательны для общества, всех его слоев. Выработка для России такой идеи сегодня переместилась из плоскости академической в политическую, обрела практическую актуальность.

В начавшемся третьем тысячелетии идет осмысление того, что глобализация, порожденные ею проблемы, вызвавшие глобальный системный кризис, требуют ответа на вопрос о допустимости плюрализма моделей развития. Как сохранить многообразие человеческой цивилизации в условиях экспансии западной субъективной модели глобализации, навязывающей свои идеалы рынка, морали и нравственности, культуры, образа мышления и действия всему населению планеты?

Современная Россия подошла к такому критическому рубежу своего существования и развития, когда возможен даже распад ее тысячелетней государственности. Главные потери сегодняшней России – именно цивилизационные, влекущие за собой полную утрату самобытности нашей культуры и мировоззрения, так как цивилизация как раз и есть определенная совокупность ценностей данного сообщества, выполняющих функцию «жесткого каркаса» для него. Россия может быть самой собой только тогда, когда в ее

³⁰⁰ Топорнин Б. Н. Сильное государство – объективная потребность времени // Вопр. философии. – 2001. - № 7. – С. 7.

обществе будут утверждены ярко выраженные и устойчивые культурные, духовные и другие отечественные ценности³⁰¹.

«Что же разрушает в современной России ее идентичность?» – задает вопрос В.К. Батурич. – Рыночные экономические начала и аномия: в России сегодня все превращается в некую «экономическую субстанцию» - разрушающую, подавляющую, растлевающую, уничтожающую, в том числе и национальные ценности, а вместе с ними – и идентичности Отечества»³⁰².

Вместе с тем, уже в первой половине 90-х гг. XX века государственно-национальная идея вызвала противоречивые суждения, вплоть до резко негативных. «Общенациональная идея, - писал академик Д.С. Лихачев, - в качестве панацеи от всех бед - это не просто глупость, это крайне опасная глупость»³⁰³. Ему вторит В. Клименко: «Нам надо забыть о «Великой России», о ее возрождении, которое никогда не наступит... Мы должны, - по его представлению, - встать в стратегическую оборону и ...иметь мужество потерять половину завоеванного... Необходимо сложить с себя роль носителя мессианской идеи... Героическая эпопея окончена... В мире давно господствуют другие «великие идеи»³⁰⁴. На этих же позициях стоят И.М. Клямкин и Т.И. Кутковец³⁰⁵. «Бредом национального величия» называет русскую идею Е.В. Барабанов³⁰⁶.

Наряду с этим, в общественном сознании того времени зарождалось и другое мнение о государственно-национальной идее: «...наша страна и мир в целом ищут если не национальную идею, то понимание того, что происходит, ищут духовную опору, определяющую как двигаться и куда двигаться»,

³⁰¹ Батурич В. К. Проблемы развития российской цивилизации (обзор Всероссийского философского форума) / В. К. Батурич. – С. 174.

³⁰² Там же.

³⁰³ См.: Межуев В. М. О национальной идее // Вопр. философии. – 1997. - № 12. – С. 3.

³⁰⁴ Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля? // Общественные науки и современность. – 1995. - № 5,6. – С. 79.

³⁰⁵ См.: Кутковец Т. И., Клямкин И. М. Русские идеи // Полис. – 1996. - №1, 2. – С. 118,119.

³⁰⁶ См.: Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопр. философии. – 1991. - № 8. – С. 116.

- отметет С. П. Капица³⁰⁷. России «нужна новая и идеология. Русские - хребет России... объединят вокруг себя иные нации», - утверждал В. В. Жириновский³⁰⁸. За новую мощную интегрирующую идею, но идею «из либерального и демократического лагеря» высказывался Е. Гайдар³⁰⁹.

В начале XXI века общественная мысль вновь обратилась к глубинным основаниям проблемы государственно-национальной идеи и более общей ее постановки. Существенную роль в этом сыграла дискуссия, развернувшаяся в прессе и в научных изданиях в связи с инициативой Президента России, направленной на разработку новой национальной идеи. На основе анализа писем граждан страны в «Российскую газету» и другие издания группа авторов, принимавшая участие в этом анализе, издала книгу «Россия в поиске идей»³¹⁰. Позицию участников дискуссии авторы книги сформулировали следующим образом:

- «Нам нужна новая идеология, выражаемая следующим набором ключевых слов (держава – родина – честь; свобода – собственность – законность...), модернизирующих знаменитую формулу графа Уварова «Православие – Самодержавие - Народность».
- Не нужно никакой идеологии, мы от нее уже достаточно натерпелись (интересно, что эта позиция особенно рьяно отстаивалась профессионалами, сферой основной деятельности которых, по принятым во всем мире определениям, была именно идеология.)

³⁰⁷ «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопр. философии. – 2000. -№ 9. – С. 8.

³⁰⁸ Жириновский, В.В. «Я - союзник, а не попутчик» / В.В. Жириновский. – М., 1996. – С. 33.

³⁰⁹ Гайдар Е. Т. Это решение - чисто политическое // Известия. – 1994. - 20 янв.

³¹⁰ Барботько Л. М. Россия в поиске идей / Л.М.Барботько, В. А. Войтов, Э. М. Мирский. – <http://www.indem.ru>

— «Не нужно никакой национальной идеологии, так как у нас есть великая русская культура, которая успешно выполняет эту функцию»³¹¹.

Отрицание всякой национальной идеологии авторы книги видят в том, что рядом участников дискуссии идеология понимается не просто как система духовных содержаний, но как система, противостоящая человеку, ограничивающая и подавляющая его стремление к духовной свободе.

С их точки зрения, идеология практически выступает средством ограничения индивидуальной свободы в рамках неких «общностей» практические особенности которых хорошо известны нам из нашего исторического давнего и недавнего прошлого³¹². Наш трагический опыт в этом отношении весьма поучителен. Все попытки построения светской национальной идеологии в России, начиная с реформ Петра I, развивались как попытки силовым образом утвердить очередную идеологию в качестве государственной, и тем самым порождали и поддерживали экстремизм идеологических конкурентов.

Между этими экстремизмами были драматические метания крупнейших деятелей культуры. И если, например, Победоносцев и П. Вяземский в результате близкого знакомства с экстремизмом однозначно перешли в лагерь державников, то Достоевский в «Бесах» создал гениальную убедительную картину психологии и социологии политического экстремизма.

И когда в 1917 году, пришла другая власть, то она начала с уничтожения самодержавия, православия, народности. Но принципиальная схема при советской власти сохранилась полностью. Утверждалась одна идеология и силовым путем уничтожалось все остальное, а в конце 80-х гг. XX века та же судьба постигла социалистическую идеологию.

³¹¹ Барботько Л. М., Войтов В. А., Мирский Э. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства / Л. М. Барботько, В. А. Войтов, Э. М. Мирский // Вопр. философии. – 2000. - № 11. – С. 13.

³¹² Там же. – С. 13, 14.

«Может быть, - по мнению авторов книги, - одним из главных достижений новой политической системы был отказ от соблазна придать либеральной идеологии государственный статус со всеми вытекающими отсюда последствиями, как для общества, так и для самой идеологии»³¹³.

В первой половине 90-х годов XX столетия в качестве национально-государственной идеи была выдвинута идея державности. На наш взгляд такому выбору способствовала ситуация, сложившаяся в стране в 90-е годы XX века, когда Россия за несколько лет проделала путь от засилья партийной идеологии через эйфорию идеологической «свободы от» и парад суверенитетов. Эта ситуация существенно продвинула широкие слои общества к осознанию потребности в идее державности. В то же время в выборе идеи державности они так же исходили из того, что Россия не исчерпала своих исторических возможностей, а сама идея державности, пожалуй, самое стойкое и глубоко укорененное в народном сознании понятие. «Польза государства, - утверждал В. Панков, - его роль собирателя народов, символа национальной мощи, заступника и строгого судьи никогда у нас всерьез не подвергались ревизии»³¹⁴.

Державники рассматривают мир в категориях борьбы за власть и ресурсы. Они считают, что главную угрозу международной безопасности представляют те, кто заинтересован в дестабилизации многополярного баланса власти. Для того, чтобы сохранить этот баланс, по их мнению, по крайней мере в Евразии, Россия должна оставаться суверенным государством и великой державой, способной противостоять гегемонизму других держав.

В. Кантор по этому поводу пишет: «Стремление к европейской свободе заканчивается российским хаосом. Уже большевизм показал, что порядок

³¹³ Барботько Л. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства / Л.М. Барботько В. А. Войтов, Э.М. Мирский // Вопр. философии. – 2000. - №11. – С. 15.

³¹⁴ Леона А. В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. – С.104.

несовместим со свободой, а возможен лишь при условии жесткой власти. Хваленая «соборность» русского народа распадается в прах, как только прекращается внешний прессинг. С этим связана еще одна важная черта «русской ментальности» - то, что Соловьев называл способностью к «национальному самоотречению»³¹⁵.

В то же время, державники не считают Россию изначально враждебной Западу. По их мнению, Россия является независимой цивилизацией, с отличающимися от Запада интересами и ценностями, но исторически она успешно взаимодействовала с Западом, и такое взаимодействие не ущемляло политический суверенитет и культурные особенности³¹⁶.

Сегодня Россия утратила большинство признаков великой державы и ей предстоит достаточно долгий путь к восстановлению своего престижа, восстановлению статуса Великой державы. Такая Россия нужна миру как надежный гарант международной безопасности, сдерживающий фактор против военно-политической агрессии в любой части планеты.

4.4. Россия в поисках идентичности

Европоцентристской схеме мирового культурно-исторического развития как реальность противостоят национальные особенности, менталитет, социокультурный уклад, религиозные верования того или иного социума. Более того, признание уникальности той или иной цивилизации является не только одним из главных условий ее успешного развития, но и условием сохранения этой уникальности, собственной идентичности перед лицом вызовов современности.

Проблема сохранения своей уникальности, идентичности как важного условия дальнейшего развития остро стоит перед Россией.

³¹⁵ Vladimir Kantor. *VilKir oder Freiheit? Beitrage zur russischen Gesehichts-philosophie*. Ed. von Dagmar Herрман. Stuttgart, ibidem – Verlag, 2006. – S.47.

³¹⁶ Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // *Вопр. философии*. – 2002. - № 8. – С.10.

Глобальный системный кризис, постигший Россию, обнаружил потребность народов и их лидеров уяснить причины данного трагического этапа и выбрать наиболее приемлемые пути его преодоления. «Главный вопрос, - писал академик Н. Н. Моисеев, - который стоит перед всеми нами: есть ли будущее у России, достойное будущее? Нам нужно понять, сможем ли мы вернуться к более или менее благополучному существованию, на какой основе это может произойти и к чему следует стремиться, а что может оказаться пустой иллюзией. Одним словом, что может стать с нами завтра?»³¹⁷.

Необходимым условием самоидентификации общества, его социальной ориентации, выбора вектора исторического движения является историческое сознание. Знание исторической ретроспективы обуславливает идеи исторической перспективы. «Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства, они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия - человеком»³¹⁸. Совмещение в настоящем исторической памяти и социального идеала - важнейшее условие поступательного движения общества. В то же время особенностью современной России является то, что она вошла в XXI век, не имея четких представлений ни о своем прошлом, ни о своем будущем.

«В этом смысле, - отмечает Н. Г. Козин, - мы переживаем кризис кризисов. Так можно определить потерю самоидентификации по всем направлениям идентичности, лежащей в основе всех остальных кризисов постсоветской России. Именно, он, подобно первому камню в горной лавине, срывает с места все прочие ее кризисы. И сущность этого кризиса прозрачна: если не полная хаотизация, то радикальное уменьшение идентификации людей России с ее коллективной реальностью и вырастающей из нее всей системой коллек-

³¹⁷ Моисеев Н. Н. Обращение к участникам «круглого стола» на тему: «Быть или не быть... человечеству?» // Вопр. философии. – 2000. - № 9. – С. 4.

³¹⁸ Неклесса А. И. Трансмутация истории // Вопр. философии. – 2001. - № 3. – С. 58.

тивных сущностей, которые они прежде не просто разделяли и поддерживали, но за которые они еще и умирали в своей истории»³¹⁹.

Вскрыв сущность идентификационного кризиса России, исследователь этой проблемы Н. Г. Козин определяет последствия кризиса.

Теряя идентичность, утверждает он, мы становимся людьми неидентифицируемой истории, культуры и духовности, а вслед за этим теряем ощущение живой общности людей, объединенных общими коллективными сущностями, несущими в себе смыслы для того, «чтобы жить - и чтобы умереть»³²⁰.

В современной России происходит радикальное сужение пространства общих ценностей и святынь, образуется все больше людей, находящихся во все большей духовной дистанции от России, живущих не из самого сердца своей истории, культуры и духовности, а из «периферии» чувств. Они рождаются чем угодно, но не ценностями и смыслами исторической России, в лучшем случае содержанием, но никак не проживанием их в себе. И как закономерный итог: Россия - страна с радикально хаотизированными смыслами существования в своей собственной истории, и их источник - в хаотизации идентификационных основ существования. В этом суть базисной беды современной России. И это объясняет то, почему XX век для России стал веком падения в уничтожающий себя нигилизм и исторический анархизм³²¹.

Мы живем в духовном кошмаре вакуума идентичности. Не просто разбалансировки разнообразных форм идентитета в истории. Это всего лишь самый поверхностный слой идентификационных проблем современной России. За ним скрывается нечто более трагическое - попытка выхода России вообще из идентификационной сферы своего существования в истории. И

³¹⁹ Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопр. философии. – 2011. - № 1. – С. 43.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же.

как закономерный итог - мы окончательно вываливаемся из своей собственной исторической реальности³²².

И, конечно, нельзя не согласиться с Н. Г. Козиным в том, что «в своем отрицании ценностей исторической России мы ... дошли до предела, до того, что нам больше просто не от чего отказываться. Мы достигли таких глубин отрицания, которые недоступны даже безумию... С энергией умалишенного мы цепляемся за все, что разрушает нашу историческую идентичность»³²³.

Сегодня, как представляется, необходимо отойти от эмоциональной акцентированности исторического сознания и с объективных позиций осмыслить исторический путь России, выводы, вытекающие из него, и извлечь уроки на будущее. Необходимо развеять мифы и стереотипы в историческом сознании, сформированные под влиянием различных политических партий и движений в переходный период. «Путь преодоления кризиса один - избавление власти и всего общества от опасной социальной болезни амнезии - потери социальной памяти, посредством прихода к власти людей, не только профессионально подготовленных к управлению обществом, но и в первую очередь порядочных, нравственно достойных, способных извлечь уроки как из истории, так и из сегодняшнего дня России»³²⁴.

Важной особенностью идентификационного выбора России является то, что Россия, блуждающая по лабиринту многообразных национальных, культурных, религиозных идентификаций своих народов, даже географически находится на перепутье между Западом и Востоком. Она исторически тяготеет к Европе, но не является «достаточно европейской», в том числе из-за своей гигантской территории, на которой никак нельзя обустроить государство европейского типа. В то же время ее нельзя назвать азиатской, близкой по культуре к своим юго-восточным соседям. Потому в общепринятую схему

³²² Там же.

³²³ Там же. - С.44.

³²⁴ Бегенов Н. М. От социальной амнезии к полной анемии // Там же. – С. 131.

«Запад-Восток» Россия не вписывается, отчего ее «государственная» идентичность находится в постоянно неуравновешенном состоянии. Она стремится приписать себя к какому-то из этих двух полюсов и всякий раз чувствует неудовлетворенность, поскольку понимает, что не может до конца принадлежать ни одному из них. Не случайно в российской философии вопросы философии истории применительно к отечественной истории всплывают вновь и вновь. Ведь история страны - основа ее идентичности, как память - основа идентичности индивида³²⁵.

Определяя пути выхода из кризиса, отвечая на бытийные вопросы, следует помнить о том, что истари наши предки получали и находили ответы на эти вопросы в богатстве духовно-нравственного, культурного и интеллектуального наследия нашей Родины. Эволюция духа дает нам ярчайшие образцы преображения, когда преодолеваются эгоизм и распри. И образцы будущности становятся отчетливо ясными для тех, кто не порывает с благодатными духовными истоками.

Исторический опыт показывает, что исторический путь развития России был отмечен периодами как длительного, так и относительно короткого безвременья и безвластия. Но каждый раз Русь, Россия, Российская империя, СССР выходили из тяжелого кризиса, являли миру образец жертвенности, силы духовного потенциала русского и других народов, населяющих ее огромные просторы.

Так было уже в начале становления русской земли - на рубеже первого и второго тысячелетий, когда шло объединение вокруг славян народов от Днепра до Оки, от оз. Ильмень до Днепровских порогов. Именно тогда было образовано мощное Древнерусское государство с центром в Киеве, именовавшееся Киевской Русью. «На протяжении всего периода древнерусской истории главным содержанием национальной идеи стало ощущение катастро-

³²⁵ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей. – С. 17,18.

фы, обрушившейся на Русь»³²⁶. Об этой говорят памятники той поры «Слово о погибели русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Галицко-Волынская летопись», «Задонщина» - в этих и других оригинальных текстах точно показано, как крепнет, созревает национальная идея.

После освобождения от монголо-татарской зависимости была выдвинута политическая идея «Москва - Третий Рим». Эта идея сыграла огромную прогрессивную роль. Она лежала в основе образования русского централизованного государства. Она помогла русским государственным деятелям и просветителям отстаивать независимость и самостоятельность России, самобытность русской духовности и культуры. Не случайно именно тогда возникло само понятие «Россия» как собирательное обозначение и территории, и народа, и культуры, его исторических традиций. Уже тогда проявилась свойственная России историческая жертвенность во имя счастья и сохранения всех своих народов, бескорыстие и мудрость помогать другим народам в историческом развитии и становлении своей государственности.

В то же время, как свидетельствует история, более 200 этносов, живших ранее на территории Западной Европы, исчезли с лица земли. «Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768-843 г.г.), - писал И.А. Ильин. - Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба») через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю - сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны Германии»³²⁷.

³²⁶ Аверладзе Г. Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры: Дис. ... канд. филос. наук. - Ставрополь, 1999. - С. 22.

³²⁷ Ильин И. А. Наши задачи // Париж-Москва, 1992. - С. 257.

Россия же не только сохранила свои этносы, но и не раз спасала народы Европы от завоеваний, порабощения, уничтожения. Как бы ни умаляли факты истории, как бы ни искажали и не фальсифицировали их, истина всегда останется истиной. Многие народы (украинцы, грузины, армяне, латыши, литовцы, эстонцы и др.) сохранили себя как этносы только в объединении с русским народом. Когда французы, англичане и немцы начали создавать свои государства, на землях, где формировались эти государства, жило великое множество различных этносов, - кельтских, иллирийских, балтских, славянских и т.д. Но в течение веков они были стерты с лица земли посредством самого жесткого давления со стороны трех господствовавших этносов. Самая обширная часть Германии - Пруссия, например, - это территория стертого с лица земли наиболее значительного и культурного балтского народа - пруссов. И, между прочим, нет никакого сомнения, что если немцы смогли надолго подчинить себе и земли восточнее Немана, то и от других балтских этносов - литовцев и латышей уцели бы, в лучшем случае, только названия. Подвергнутых немецкой и шведской ассимиляции литовцев и латышей от участи исчезнувших пруссов спасла и сохранила Россия, заплатив Швеции за ее территориальные уступки 2 млн. ефимков по Ништадтскому миру 1721 г³²⁸. В советское время бюджеты всех союзных республик дотировались за счет России. Не Украина, а Россия поставляла Украине ежегодно 30% зерна. Сама Украина обеспечить себя зерном была не в состоянии.

В переходный период среди националистически настроенных граждан бывших союзных республик СССР возобладала прозападная ориентация. Украина трактовала свой отрыв от России как вхождение в Европу, среднеазиатские республики и Азербайджан как присоединение к миру ислама, Грузия заявила, что Европа им как-то искони ближе, чем Россия с ее «азиатчиной». А Прибалтийские республики обвинили Россию в «оккупации». Такие цен-

³²⁸ Назаров М. Тайна России. Историософия XX века / М. Назаров. - М.: Альманах «Русская идея». - Вып. 5. - 1999. - С. 639.

требные политические силы возникли в силу того, что в этих республиках произошла потеря исторической памяти. Распаду единого государства предшествовал разрыв во времени, потеря связи с собственным прошлым³²⁹.

Уроки истории учат, что ни прибалтийцев, ни украинцев, ни грузин, ни среднеазиатские народы, говоря словами А.С. Панарина, никто не ждет ни на Западе, ни на Юге, ни на Дальнем Востоке. Если рухнет Россия, то народам, живущим в нашем евразийском пространстве, придется вскоре столкнуться с натиском Тихоокеанского региона. Там нас поджидают 1,5 млрд. весьма энергичных людей. И если они придут сюда, они будут решать не наши проблемы, а свои и вряд ли проявят ту терпимость и солидарность, которыми характеризовались межнациональные отношения в рамках России³³⁰.

В попытках научного анализа ситуации, убедительных аргументах и оптимальных прогнозах недостатка нет. О существенной корректировке или принятии нового курса реформирования России говорят все от крайне левых до крайне правых. Их авторы защищают свою точку зрения с такой категоричностью, что какой-либо компромисс между ними кажется невозможным.

В переходный период сложилось несколько исторических альтернатив общественного развития. Любая историческая альтернатива предполагает необходимость выбора одной из двух, или нескольких, возможностей.

Уже с началом перестройки первая альтернатива, социалистическая, в советском ее варианте, была отвергнута «архитекторами перестройки», под влиянием массивного воздействия на общественное сознание ей было отказано в существовании. Более того, именно идеологи перестройки, расчищающие себе путь в будущее, и ученые, публицисты, стоящие на их пози-

³²⁹ Леона А. В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса: монография / А.В. Леона. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т. – 2011. – С.103.

³³⁰ См.: Россия в условиях стратегической нестабильности / Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. – 1995. - № 9. – С. 14.

циях, навязывали общественному мнению мысль об отсутствии в СССР социализма вообще.

В то же время, об ошибочности отхода от социалистического пути развития утверждал и А. Зиновьев. Он вообще не принял перестройки, которую он называет «катастройкой». Его раздражает историческое беспамятство, выдаваемое за «прозрение», «проснувшуюся совесть» и т.п. Он не скрывает своего неприятия тех, кто с такой лихой безоглядностью сбрасывает с «парохода современности» Маркса с Лениным, считая коммунизм нонсенсом, ошибкой истории, вывихом мышления. Более того, А. Зиновьев считает, что современное общество западного образца могло бы возникнуть в России исключительно путем навязывания извне, но никак ни в силу внутреннего развития. Российское общество, по его мнению, «обречено на коммунизм»³³¹. Почему А. Зиновьев, самый беспощадный критик коммунизма, советского общества и марксизма выступает теперь в роли как бы адвоката марксизма? Потому что, с одной стороны, - «коммунистический образ жизни сохраняет свою привлекательность в других странах, включая капиталистические», с другой стороны, - утверждает он, - капиталистические страны, куда «демократы» устремились «на всех парусах», отнюдь не земля обетованная. Высокий уровень жизни там намертво связан с безработицей, неуверенностью в завтрашнем дне, изнурительной работой и изнурительным потребительством»³³².

И в настоящее время в обществе имеются сторонники повторения социалистического пути развития России. В этом отношении заслуживает внимания социально-философская концепция социализма и революционного обновления мира, а также развития России в условиях системного кризиса

³³¹ Советское общество и советский человек - точка зрения Александра Зиновьева / Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. - 1992. - № 11. - С. 54.

³³² См.: Там же. - С. 56.

капитализма В.С. Семенова³³³. Исследователь, опираясь на богатый фактический материал обосновывает положение о том, что самая характерная черта начавшегося XXI века состоит в революционности и нарастании привлекательности, возможностей и успехов социализма в мировом масштабе. По его убеждению мир совершил поворот влево, к социализму. По утверждению В.С. Семенова, основное противоречие между трудом и капиталом определяет сущностный смысл XXI века как эпохи «превращения социализма в ведущую и определяющую силу общественного и цивилизационного развития в мире»³³⁴. Что касается России, то основными путями решения проблем социального раскола, экономической отсталости и цивилизационной неопределенности является поворот России влево к последовательному народно-социальному курсу³³⁵. На основе анализа, представленного российскими учеными, В.С. Семенов анализирует три сценария левого развития России. Первый сценарий – новый социализм, второй – свободная ассоциация свободных людей, третий – цивилизм. В итоге автор приходит к выводу, что «выбор для России может быть только левым, в основе народным, социально справедливым по существу, по направленности и содержанию... нового качества социалистичности»³³⁶. «Для России, - утверждает он, - оптимальный общественный путь – социализм XXI века»³³⁷.

С приходом к управлению государством так называемых демократических сил во главе с Б. Ельциным был взят курс на развитие капитализма. Победу одержала одна из противоборствующих тенденций -либеральная альтернатива, зародившаяся в рамках движения «Демократическая Россия» и которая предстала перед обществом в качестве единственно возможного пути исторического развития - закономерного и необратимого. Она получила

³³³ Семенов В. С. Социализм и революции XXI века: Россия и мир / В.С. Семенов. – М.: Либроком, 2009.

³³⁴ Там же. – С.55.

³³⁵ Там же. – С.131-132.

³³⁶ Там же. – С.153-154.

³³⁷ Там же. – С.538.

санкцию официальной идеологии и стала непреложным фактом общественной жизни.

Сторонники либеральной идеи в своей ориентации прозападны. По убеждению либералов, во время холодной войны СССР действовал вопреки своим национальным интересам и теперь Россия должна сделать все возможное для интеграции с Западом. При этом Запад воспринимается ими как единственно жизнеспособная и прогрессивная цивилизация в мире. Основные угрозы «подлинной» идентичности России происходят от ее политико-экономической отсталости и связей с недемократическими странами, в особенности с бывшими союзниками СССР. Достойный ответ на угрозы Россия сможет дать только посредством строительства западных институтов и интеграции в сообщество «западных цивилизационных наций»³³⁸.

Либералы утверждают, что Россия должна войти в Европу, так как нынешняя русская нация не является нацией европейской, поскольку за годы советского периода в России сменилось три поколения и, в результате, мы имеем сейчас другую нацию, чем та, что вошла в революцию в 1917 г., с некоторыми изменениями даже на генетическом уровне. «Те русские люди, которые покинули Россию в годы гражданской войны 1917-1922 гг. и ушли в изгнание, они и их потомки сохранили и даже усилили европейскость, свойственную ранее русскому народу. Они сохранили, а мы утратили и стали не-европейскими русскими, и вообще никакими в историко-культурном смысле слова. Мы стали Homo Sovieticus»³³⁹. Таким образом, делают вывод либералы, Россия была частью Европы, но она не является ею сейчас. Единственный путь назад в Европу, по их мнению, пролегает через возрождение тех культурных оснований европейской цивилизации, которые «мы попытались

³³⁸ Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурного мира и ответственности интеллектуалов // Вопр. философии. – 2002. - № 8. – С.10.

³³⁹ Зубов А. Карта Европы: С Россией или без нее // Вопр. философии. – 2005. - № 12. – С.36.

уничтожить в прошлом, и в прошлом докоммунистическом, и в прошлом коммунистическом»³⁴⁰.

Для возвращения в Европу А. Зубов предлагает вновь стать подлинными Христианами, «глубоко сознающими наши грехи перед лицом Правды Божией, единые с Иисусом Христом и друг с другом в святых таинствах, имеющими живой опыт молитвы и чтения Священного писания как сердечной беседы с Господом»³⁴¹. Для вхождения в Европу А. Зубов считает необходимым возродить демократию, а также восстановить благоговение перед природой и культурой русского массового сознания³⁴².

Либерально-демократическая концепция объявила о признании преимуществ западной либерально-капиталистической цивилизации, ценности которой были объявлены универсальными общечеловеческими, то есть благотворными и наилучшими для любого общества, в том числе и российского. Подобная оценка западного опыта и возможностей его применения в России повлекла за собой отказ от какого-либо критического отношения к западной общественной модели. Она стала трактоваться радикальными реформаторами, средствами массовой информации и теми россиянами, а их, как следует из опросов общественного мнения 1990-1991 г.г., было большинство,³⁴³ которые поддержали их, как во всех отношениях совершенная и даже идеальная. Образцовыми объявлялись и экономический механизм западных стран, и их классовые структуры, и система социального страхования, и политические институты. Даже безработица объявлялась теперь благодеянием поскольку она, стимулировала благословенную конкуренцию на рынке труда и поскольку безработные от нее вовсе не страдали, получая пособия, в десятки раз превосходящие зарплату квалифицированных советских рабочих.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Зубов А. Карта Европы: С Россией или без нее // Вопр. философии. – 2005. - № 12. – С.36, 37.

³⁴² Там же. – С.37.

³⁴³ См.: Капустин В. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. – 1994. - № 4. – С. 32.

Это восприятие Запада было абсолютной противоположностью прежних негативных советских трактовок его опыта. Смена трактовок носила ярко выраженный идеологический характер. Осуществлена она была политиками, средствами массовой информации. Поддержку ей оказала и часть обществоведов, приобретших трибуну в либеральных средствах массовой информации, как результат, широкую известность. «В современном американском гражданском обществе, - писал профессор Л. Любимов, - правящим является правительство «среднего класса», которое сумело в своей программе выразить национальный консенсус по главным вопросам внутренней и внешней политики»³⁴⁴. Самых высоких оценок удостоивались американские лидеры, даже Рейган предстал народным благодетелем, защитником бедняков и безработных.

Для усиления своих позиций, либералы опубликовали в 1990 г. в России перевод статьи американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой объявлялась неоспоримая победа экономического и политического либерализма в США,³⁴⁵ а всем странам нужно только воплощать у себя его образцы. Российское общественное мнение и политики из либерально-демократического лагеря с готовностью поддержали эти выводы³⁴⁶. Это уже позднее, когда либеральные программы преобразования России провалились, общественному сознанию были представлены критические материалы отечественных и зарубежных авторов,³⁴⁷ в которых рисуемая Ф. Фукуямой картина объявлялась ни чем иным, как атеистическая эсхатология, вульгаризированный христианский финализм³⁴⁸.

³⁴⁴ Любимов Л. К какой системе принадлежит США? // Литературная газета. - 1989. - 29 июня.

³⁴⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. - 1990. - № 3. - С. 134.

³⁴⁶ См.: Замошкин Ю. А. «Конец истории»: идеологизм и реализм / Ю.А. Замошкин // Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 148-155.

³⁴⁷ См.: Малахов В. С. Еще раз о конце истории // Вопр. философии. - 1994. - № 7,8. - С. 48-50; Фридрих К. О функциях одной мыслительной фигуры // Там же. - С. 50-58.

³⁴⁸ Малахов В. С. Еще раз о конце истории // Вопр. философии. - 1994. - № 7-8. - С. 49.

Историки и обществоведы, осмысливавшие с либеральных позиций историю России, занялись поиском «либеральных корней» в российском прошлом. Одни из них генезис русского либерализма относили к последекабристской эпохе, а его изначальной формой объявлялся либеральный консерватизм³⁴⁹. Другие же находили исторические корни в русском просветительстве второй половины XVIII в.³⁵⁰. Среди крупных обещающих исторических работ первым воплощением либерального подхода стала коллективная монография «Наше Отечество. Опыт политической истории», опубликованная в 1991 г. Магистральной линией всей отечественной истории в монографии признается борьба реформ и контрреформ, нормой или идеалом для них является либеральная западная цивилизация. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно одному из определений, встречающихся в ней, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству»³⁵¹. Руководство страны видело в истории либерализма миф своего происхождения и объявляло себя ее последователями в целях утверждения в общественном сознании исторической преемственности проводимых им преобразований. «...демократии, отмечает английский историк Н. Дэвис, - как и любому другому движению, требуется миф - миф происхождения достаточно древний и со своими героями»³⁵².

Вместе с тем, исторический опыт показывает, что отличие цивилизации восточных славян от цивилизаций европейского пространства проявилось еще в конце первого тысячелетия. И в некотором смысле неприятие Западом Византии распространилось и на славянские народы, принявшие христианство по византийскому образцу. Это глубокое отличие цивилизаций прошло сквозь всю историю. И, конечно, игнорировать этот факт нельзя. Стремление

³⁴⁹ Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская, мысль после 14 декабря 1825 года. - М.: Эдиториал, УРСС, 1999.

³⁵⁰ Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века / Из истории общественно-политической мысли России. - М., 1994. - С. 33, 34.

³⁵¹ Наше Отечество. Опыт политической истории. - В 2 т. - М., 1991. Т. 2. - С. 4.

³⁵² Дэвис Н. Эллада // История. - 2001. - № 1. - С. 12.

русских императоров «войти в Европу» всякий раз оканчивалось для нас катастрофой. Самый яркий, классический пример, это создание Александром I Священного Союза, который окончился тем, что русские войска использовали в качестве жандармской силы для подавления революционных движений в Европе, а потом в «благодарность» последовал разгром под Севастополем, потеря Аляски и пр. Примерно то же произошло и после Великой Отечественной войны. СССР в третий раз поставил заслон созданию на территории европейско-азиатского континента единой империи и снова защитил своей кровью Европу. По мнению Н.Н. Моисеева, «...разговоры о вхождении под крышу европейского дома – очередная вредная утопия». Наоборот, считает он, «надо понять, как, опираясь на ту самоценность, которую представляет наша цивилизация, сделаться эффективными партнерами с западными странами, не меняя своей идентичности»³⁵³.

Под влиянием кризиса «эталонной демократии» в общественной мысли российского общества начался отход от слепого следования «единому стандарту демократии».

«Россия готова принять – и принимает – те ценности западной демократии, которые соответствуют традициям страны, современным реалиям развития российского общества. Совершенно неприемлема любая система демократии как обязательный эталон, как модель, на которую следует равняться»³⁵⁴. Такой подход был выбран к определению дальнейшего развития демократии в России, он исходит не из принципа исторической исключительности, а из трезвого осознания собственного и международного опыта, из здравого смысла.

³⁵³ См.: Россия в условиях стратегической нестабильности / Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. - 1995. - № 9. - С.6.

³⁵⁴ Зеленко, Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопр. философии. – 2008. - № 5. – С. 7.

Появление значительного числа теорий перехода от советской системы к новому политическому порядку способствовало возникновению новых формулировок демократии, таких как «фасадная демократия», «авторитарная демократия», «полудемократия», «электоральная демократия», «псевдodemократия» и т.п. Для описания нового качественного состояния современного российского общества и его отличия от предшествующего используются термины: «управляемая», «делегативная» демократия, «режимная система» и др.

В последнее время актуальной является идея суверенной демократии, предложенная В. Сурковым, и являющаяся ядром программы партии «Единая Россия». Эта идея достаточно удачно выражает стремление авторов и сторонников этого понятия к подлинной независимости нашей страны и реальному народовластию.

4.5. Историческое сознание и формирование нравственного образа истории России

Актуальность проблематики, связанной с поисками смысла истории, обусловлена необходимостью поиска путей развития России в современном глобальном мире. Как отмечают исследователи нравов и обычаев русского народа, русские мобилизуются и готовы на невероятные подвиги и сопротивление любому противнику только тогда, когда они находятся в состоянии полной мобилизации, осознают, что окружены внешним противником и готовятся дать ему отпор. Именно на это настраивал страну Александр III, когда говорил, что у России есть только два союзника – армия и флот. Но вот если такой духовной мобилизации у народа нет, он внутренне разоружается, и его можно застать врасплох и сильно потрепать, прежде чем он мобилизуется. Однако сознание современного человека сузилось до уровня практического применения вещей. Все же, что касается природы и мироздания, взаимопроникновений, влияний, трансформации, ушло из нашего языка.

Подобный обвал нравственности социологи объясняют термином «аномия». Явление социальной аномии – это процесс, который всегда прогрессирует в обществе, в котором развалены прежние нормы и ценности, а новые по-настоящему еще не сложились. Современные интернетовские призывы к наслаждениям – это весьма продуманная акция по утверждению «новых ценностей», которые провозглашает общество потребления, сокрушив общество коммунистическое. Разнузданная коррупция, массовые переводы капитала за рубеж, преимущественная активизация фиктивного капитала в ущерб продуктивному хозяйственному началу, продажность чиновничества, явочным порядком объявившего свои профессиональные услуги «предпринимательством» (в форме получения взяток), – во всем этом видится не одна только анархия переходного периода. Многие свидетельствуют в пользу того, что новые власти усматривают в этом вызове морали и здравому смыслу показатель модернизации «совкового сознания», духовного разоружения, необходимого для вступления в новую жизнь.

Подобная ситуация сложилась из-за игнорирования исторических традиций, характерных для нашего общества, и непродуманного заимствования норм, которые чужды нашему сознанию. Во многом это связано с тем, что в индивидуалистическом обществе принижается значение всех социальных норм, кроме норм права. Все остальные нормы считаются личным делом каждого, поэтому, по мнению Локка, можно произвольно менять и Божьи законы, и природу порока и добродетели: «... насколько благо государства является мерилем всех человеческих законов, коль скоро оно, по-видимому, ограничивает и переиначивает обязательность даже некоторых Божьих законов и изменяет природу порока и добродетели»³⁵⁵. Например, Джон Ролз, представляющий команду либералов, разрабатывает специальную теорию спра-

³⁵⁵ Локк Д. Опыт о веротерпимости // О свободе: антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М.: Наука, 1995. – С. 56.

ведливости. Политическая добродетель при демократической форме правления выступает как реализация свободы, как дальновидная целеустремленность эгоизма свободной личности. Ролз пишет: «... если граждане демократического общества хотят сохранить свои основные права и свободы, в том числе и гражданские свободы, гарантирующие свободы частной жизни, они должны воспитать в себе то, что я называю политическими добродетелями... Без социальной активности граждан, без их политических добродетелей нельзя защитить демократические свободы и сохранить конституционный режим»³⁵⁶.

Оценивая ситуацию, которая сложилась в современном глобальном мире, можно констатировать, что политический либерализм избегает всеобъемлющих концепций, в том числе и всеобъемлющих концепций добродетели предвидя в каждой из таких (всеобъемлющих) концепций «зерна» тоталитаризма. Отдается предпочтение некоторому перечню законодательно оформленных потребностей в рамках некоторого теоретического построения и плюрализма. При этом данное теоретическое построение соответствует определенным принципам справедливости и честности.

История подтверждает, что нравственный образ истории России послепетровского периода, вплоть до революционного XX века, был крайне противоречив: одна, вековая тенденция народа как творца истории – на основе религиозной духовности искать путь к установлению Царства Божия на русской земле, и другая – на основе светской духовности во главе с наукой формировать народный, социальный интеллект для построения на той же земле справедливого социально-политического строя, чтобы всем трудящимся было «жить хорошо на Руси». В борьбе и переплетениях этих двух тенденций в XIX-XX веке одни забывали о том, что православная нравственность может

³⁵⁶ Ролз Дж. Идея блага и приоритета права // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уордон. – М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-традиция, 1998. – С. 102, 103.

укорениться только в обществе свободного, коллективного и научно организованного труда, а другие – о том, что жизненная концепция единства освобожденного труда, справедливого устройства жизни всех народов и приоритета духовности в человеческих отношениях содержится в православной «русской идее» и коренится в стихийном «русском коммунизме»³⁵⁷.

Согласно отечественной исторической традиции, совершенная добродетель находится в гармонии с нормами права, с законотворчеством. Аристотель пишет: «Закон велит поступать мужественно. Благоразумно и вообще вести себя в согласии с тем, что зовется добродетелями. Вот почему так говорят, что справедливость – это, по-видимому, некая совершенная добродетель. Ведь если справедливое – то, что велит делать закон, а закон приказывает исполнять все добродетели, то поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона достигает совершенного достоинства, так что справедливый и справедливость – это некая совершенная добродетель»³⁵⁸.

В. К. Кантор в своей книге «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России»³⁵⁹ прямо заявляет, что берет слово в спорах о пути, вновь избираемом Россией. Все историко-культурные экскурсы, составляющие большую часть книги, сводятся к важному тезису: будущее вырастает из прошлого, от понимания истории нашей страны зависит выбор, который надо делать уже сегодня, чтобы не было поздно. Конечно, нужна понятийная основа для реконструкции исторических событий. Но историческое вопрошание предполагает определенную ориентацию в ценностном пространстве. История вообще, а история культуры в особенности – арена конфликта между ценностями. Едва ли он

³⁵⁷ Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 21

³⁵⁸ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 342.

³⁵⁹ Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 543.

выразим в одних только логических контрверзах. Не меньше, а то и больше, чем логика, его раскрывает ошибка интуиций, когда рациональное рассуждение – форма, лишь отчасти сдерживающая поток эмоций.

Государственное мышление нашего Отечества в системе диалектики рационального и иррационального предполагает рачительное, заботливое отношение к институциональному оформлению нашего общества. Никакой социальный институт, имеющийся в указанной системе, не может быть предметом нападков или предметом отрешения от жизни общества. В то же время возникновение социальных институтов, инспирированное из-за рубежа в тех или иных целях, должно быть предметом пристального внимания. Они не должны становиться источниками роста социальной энтропии.

В системе диалектики рационального и иррационального находит взаимопонимание все жизнеутверждающее в России, в том или ином плане следующее этой диалектике, и потому основанное на ней институциональное единство России – это предмет особого идеологического самоутверждения страны по концепции государственного мышления.

В русской идеологии государственного мышления с древних времен имеет место принципиальная точка зрения, согласно которой совершенная личность существенна не степенями своей свободы, а способностью вносить отрицательный вклад в социальную энтропию, т. е. предотвращать рост социальной энтропии, формировать и укреплять стройность общественных отношений и, так сказать, снимать нестроения в обществе. И потому совершенная личность выступает как личность, раскрывающаяся и актуальная в стандартах жизни, определяемых характером и уровнем совершенства общественных отношений. Отсюда жизнь более или менее совершенной личности раскрывается мерами жизни по правде, жизни по-людски. И в этом плане государственное мышление выступает как мышление наличного характера и уровня совершенства общественных отношений, как мышление, в своем от-

ношении вносящее отрицательный вклад в социальную энтропию в условиях наличного характера и уровня совершенства общественных отношений. Государство в данном случае предстает не как орган политического насилия, не как орган подавления, не как социальный институт, доказывающий наличие неразрешимых социальных противоречий, доказывающий, что эти противоречия не могут быть разрешены, а социальный институт политической добродетели, являющийся определенным элементом добродетели совершенной, развертывающей совершенство отношений между людьми и совершенство отношений между природой и обществом. И потому понятие «политическая добродетель» выступает как понятие, раскрывающее просторы совершенной добродетели не только в политической, но и других сферах общественной жизни: в экономической, социальной, духовной и т. д. Весь спектр осуществления совершенной добродетели образует такую целостность, которая и является основой государственного мышления и определяет содержание идеологии государственного мышления.

Гармонизация деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества (институтов государства, церкви, различных творческих и других союзов, организаций и т. д.) в процессе организации общественного прогресса и соборного управления, происходящих по принципу «всем миром», практика конкурентной вражды всех социальных институтов, характерная для жизни западных обществ, изначально неприемлема для жизни российского общества. В основе совершенства общественных отношений коллективистского общества России лежит противоречие социальной смуты и стройности, характеризующих разнонаправленные векторы развития общества (энтропийный и антиэнтропийный). Антиэнтропийный вектор связан с процессами усовершенствования общественной жизни: развитие ее коллективистской организованности, сложности, упорядоченности, гармоничности. Антиэнтропийная управленческая стратегия,

осуществляемая в рамках концепции русского социализма, должна иметь в своей основе антиэнтропийный вектор, направленный на гармонизацию деятельности всех актуальных социальных институтов российского общества.

История нашего Отечества учит, что главным в достижении процветания государственного устройства коллективистского общества является не совершенствование законов, а совершенствование личности каждого члена общества и в первую очередь самого правителя. Так как совершенная добродетель находится в гармонии с позитивными социальными нормами (нормами права, морали, религиозными нормами и т. д.), то и правитель обязательно должен быть наделен добродетелями. Именно славянофилы первыми приняли точку зрения, согласно которой доказывалась необходимость различения качественностей обществ. Славянофилы разрабатывали идею личности в контексте совершенной личности, акцентировали свое внимание на добродетелях как естественных характеристиках общественных отношений российского общества. Алексей Степанович Хомяков писал: «Наша древность представляет нам пример и начало всего доброго в жизни частной, судопроизводстве, в отношении людей между собой... нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее»³⁶⁰.

Как свидетельствуют многочисленные примеры отечественной истории, именно через доброту, самоотверженность, любовь к Родине, бескорыстие и другие добродетели раскрывается совершенство русского человека. Идеолог славянофильства К. С. Аксаков отмечал, что быт русских славян основан на добродетелях: «При своих верованиях славяне русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости и многие общественные и личные добродетели»³⁶¹.

³⁶⁰ Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Медуум, 1994. – С. 463.

³⁶¹ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 423.

Ответы на вопросы, поставленные современностью, действительно можно и нужно искать в истории, ведь согласно русской традиции, главная специфика добродетели совершенной личности – это жизнь для блага других людей и общества. Эту мысль мы находим в словах К. Н. Леонтьева, который призывает современников: «хранить свою личную веру и личную добродетель до конца...; своему русскому государству, как столпу настоящего недемократического христианства, мы должны стараться сделать пользу, как умеем»³⁶². В современном глобальном, погрязшем в конфликтах мире, Россия может занять свое место, если она будет опираться на свои исторические традиции, т. е. – учиться Истории.

Заключение

В современных условиях происходят фундаментальные в количественном и качественном отношении перемены в условиях существования человеческой цивилизации, обусловленные катастрофическими последствиями научно-технического прогресса и безграничным вмешательством человека в природу, поставившие человечество на грань катастрофы. Эти перемены могут привести к качественно новому состоянию – «цивилизационному сдвигу». Он предстает как точка бифуркации, прохождение которой определяет дальнейшую историческую судьбу человечества.

Глобальный мир изменил ритм и движение общественных процессов. Глобализация несет в себе такие негативные явления, как разрушение привычного образа жизни, убыстрение темпов, стремительные скорости. Скорости глобализирующегося мира кардинально меняют соотношение традиционного и нового, идет массивное обновление социумов, адепты глобализации постулируют неизбежность полной планетарной интеграции, переход

³⁶² Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Избр. – М.: РарогЪ; Моск. рабочий, 1993. – С. 185.

от множественности государств, народов, наций и культур к униформенному миру. Формируется новое видение истории.

Процессы современного этапа глобализации обнаруживают глубинные противоречия, переросшие в глобальный системный кризис. Особенностью этого глобального, планетарного кризиса является то, что это кризис парадигмального характера, идет смена старой системы микроустройства, основанной на гегемонии США, и становление новой.

Системный по своему содержанию кризис, проявившийся в форме частности глобальных кризисов: экономическом, политическом, социальном, культурном, экологическом, геополитическом, представляет собой систему, в основе которой лежит кризис аксиологический, кризис человеческого в человеке.

Кризис поставил точку на периоде господства европоцентристского миропорядка, который обусловлен широкомасштабными изменениями, происходящими в мире под влиянием современного этапа глобализации. Равновеликое значение для мировых процессов приобретают разные центры сил, в первую очередь, страны азиатского региона. Вызов западным нормам и ценностям сегодня бросает радикальный исламский мир, выступающий за создание нового халифата.

В основе глобального системного кризиса лежит кризис рационализма - научного мировоззрения, зародившегося накануне эпохи Просвещения. Отсюда наука начинает рассматриваться как источник могущества людей, их власти над природой. С этого времени человек претендует на роль Высшей Силы или Высшего разума.

Суть современного кризиса рационализма заключается в том, что индустриальная цивилизация, породив гигантски мощную технонауку, инициировав безудержный планетарный научно-технический процесс, идеологию эконоцентризма и безудержного потребительства, не создала прочной нравст-

венно-мировоззренческой основы, которая позволила бы всем творениям современной эпохи гарантировать человечеству достойное будущее, перспективу сохранения планетарного социума в мире.

Историческое сознание, представляя собой многогранное явление общественной жизни, духовное образование общества, в условиях глобального системного кризиса испытывает мощное давление извне, меняется соотношение его форм в общей структуре сознания. Усиливается политизация истории и исторического сознания. История превращается в орудие политической борьбы, происходит инструментализация исторической памяти, мобилизация исторического сознания для реализации политических стратегий борющихся за власть партий. Историческое сознание становится ареной борьбы национальных идеологий.

В кризисные периоды рефлексия на темы истории, спор об истории захватывают в свою орбиту все слои общества и становятся одним из факторов, формирующих культуру общества в целом.

Историческое сознание не утруждает себя поиском истины. В кризисный период ценностно-рациональное историческое сознание преобладает над целе-рациональным. Такое историческое сознание занято поиском исторической «правды». Эмоции преобладают над разумом, доминируют страсти и аффекты, ригоризм и популизм.

В условиях глобального системного кризиса историческое сознание выступает в качестве одного из важных факторов социальной стабильности, выполняя функцию интеграции, консолидации социальных групп и индивидов. На первое место выдвигается вопрос поиска смысла истории, его содержания, связи с ценностями, смыслами отдельных эпох, направленностью будущего развития.

Глобальный системный кризис выдвинул на первое место практически-политическую функцию исторического сознания. Историческое сознание яв-

ляется необходимым условием самоидентификации общества, его социальной ориентации, выбора вектора исторического движения социума. Знание исторической ретроспективы обуславливает идеи исторической перспективы. Совмещение в настоящем исторической памяти и социального идеала – важнейшее условие поступательного движения общества.

Определяя пути выхода из кризиса российского общества, следует помнить, что истари наши предки получали и находили ответы на этот вопрос в богатстве духовно-нравственного, культурного и интеллектуального наследия нашей Родины. Нынешнюю Россию нельзя оторвать от ее многовековой истории, постижение которой только и может дать верный ориентир на пути развития российского общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономова, Н. С. Культура, история, память / Н. С. Автономова // Вопр. филос. – 1988. – № 3.
2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2004.
3. Азроянц, Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? / Э. Азроянц. – М., 2002.
4. Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки, воспоминания, материалы / Г. Л. Белкина, В. И. Игнатъев, Е. Д. Фролова, М. Г. Фролова; под ред. Г. Л. Белкиной. – М.: Наука, 2001.
5. Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / К. С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995.
6. Алаев, Л. Б. По последним данным разведки, мы воевали сами с собой (к вопросам об основном противоречии нашей эпохи) / Л. Б. Алаев // Восток (ORIENS). – 2002. - № 4.
7. Алиев, М. Г. Социализация согласия / М. Г. Алиев. – М., 1998.
8. Анисимов, И. И. Историческое сознание как феномен культуры / к постановке проблемы / И. И. Анисимов // Сознание и диалектика познания: Межвузовский сборник научных трудов. - Иваново: Изд-во ИГУ, 1986.
9. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт // Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007
10. Араб-оглы, Э. А. Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности / Э. А. Араб-Оглы // Вопр. философии. – 1990. - № 8.
11. Аристотель. Сочинения / Аристотель: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.

12. Арон, Р. Измерения исторического сознания: пер. с фр. 2-е изд. / Р. Арон; отв. ред. и автор закл. ст. И. А. Гобозов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
13. Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
14. Астэр, И.В. Кризис социальных связей и проблема одиночества в условиях российского мегаполиса /И. В. Астэр // Credo. – 2010. – № 2(62).
15. Ахиезер, А. С. Россия – критика исторического опыта. – М., 1991.
16. Баграмов, Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов / Э. А. Баграмов. Вопр. философии. – 2010. - № 2.
17. Балахонский, В. В. Глобализационные процессы современной цивилизации и проблемы молодежи / В. В. Балахонский // Диалог поколений и культур в контексте глобализации. Материалы Междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2007.
18. Баранов, П. А. О тенденциях развития современного / П. А. Баранов // Преподавание истории. – 2001. – № 3.
19. Барг, М. А. Историческое сознание как проблема историографии / М. А. Барг // Вопр. истории. - 1982. - № 12.
20. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987.
21. Бармашова, Т. И. Нил Сорский о диалектике сознательного и бессознательного в духовном развитии личности / Т. И. Бармашова // Теория и история. – 2004. – № 3.
22. Бегенов, Н. М. От социальной амнезии к полной анемии / Н. М. Бегенов // Вопр. философии. 2001.
23. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М., 2008.

24. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс – Традиция, 2003.
25. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. – М., 2007.
26. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. О русских классиках. – М.: Высш. шк., 1993.
27. Бердяев, Н. А. О творческом историзме / Н. А. Бердяев // Наше наследие. – 1991. – № 4.
28. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопр. философии. – 1990. – № 1.
29. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопр. философии. – 1990. – № 2.
30. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
31. Бессмертный, Ю. Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопр. истории. – 2000. – № 9.
32. Бехман, Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопр. философии. – 2007. – № 1.
33. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Изд-во полит. лит., 1991.
34. Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – Кн. 2. – М., 1989.
35. Бойко, П. Е. Идея России в русской философии истории. – М.: Соц.-полит. МЫСЛЬ. – 2006.
36. Бойцов, М. А. Вперед, к Геродоту! / М. А. Бойцов // Казус – 1999: Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999.
37. Бородина, О. И. Классическое наследие и современность : опыт реконструирования / О. И. Бородина // Вопр. филос. – 2006. – № 10.

38. Бранский, В. Г. Глобализация и синергетическая философия истории / В. Г. Бранский, С. Д. Пожарский // ОНС. – 2006. - № 1.
39. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – М., 2003.
40. Валлерстайн, Э. После либерализма: пер. с англ. / под ред. Ю. Кагарлицкого. - М., 2003.
41. Вдовин, А. И. Русские в XX веке / А. И. Вдовин. – М.: Олма-пресс, 2004.
42. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – М.: ЮристЪ, 1995. – 688 с.
43. Володина, Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии / Т. А. Володина // Вопр.истории. - 2000. - № 11, 12.
44. Гаврилов, О. Ф. Историческое сознание и его социальные функции / методологический анализ/: дис. ...канд. филос. наук. – Томск, 1986.
45. Гаджиев, К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопр. философии. – 2010. - №.6.
46. Гайер, Д. Насилие и история в посткоммунистическое время // Вопр. философии. – 1995. – № 5.
47. Гегель, Г. Лекции по философии истории. – СПб., 2000.
48. Гегель, Г. – В. – Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 1993.
49. Гегель, Г. – В. – Ф. Философия истории. Введение / Г. Гегель // Философия истории. Антология. – М.: Аспект-пресс, 1994.
50. Гегель, Г. Сочинения: в 8 т. Т 8. – М.; Л., 1935.
51. Геллнер, Э. Структура человеческой истории / Э. Геллнер // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001.
52. Гензелис, Б. К. Человек и историческое сознание / Б. К. Гензелис // Некоторые аспекты философского понимания человека. - Вильнюс: АН Лит. ССР. Ин-т философии, социологии и права. Лит. отд-ние филос. общ-ва СССР, 1988.

53. Гефтер, М. Я., Век XX и мир / М.Я.Гефтер. – Т.1, 1996. – №1.,
54. Глобалистика. Энциклопедия / под ред.: И. Мазур, А.Чумакова. – М., 2003.
55. Гобозов, И. А. Введение в философию истории / И. А. Гобозов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 1999.
56. Гранин, Д. А. Триумф наследников побеждённых / Д. А. Гранин // Время. – 1994. - 26 авг.
57. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // Вопр. философии. – 2008. – № 2.
58. Грин, В. Периодизация в европейской и мировой истории / В. Грин // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001.
59. Гришаев, С. В. Запад: правда и вымыслы о населении СССР. – Красноярск: КГУ, 1992.
60. Громько, А. А. Становление нового мирового порядка. США-Канада // Экономика, политика, культура. – 2002. –№ 11.
61. Грякалов, А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: Pro et Contra. Материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб. : Астерион, 2006.
62. Гудсблом, Й. История человечества и долговременные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии / Й. Гудсблом // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структура истории. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001.
63. Гулыга, А. А. История как наука / А. А. Гулыга // Филос. пробл. ист. науки. М., 1969.
64. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – М., ДИ-ДИК, 1994.

65. Гумницкий Г. Н. О «плюрализме» в философии и познании истины / Г. Н. Гумницкий, М. Г. Зеленцов // Вестн. РФО. – 2005. – № 2.
66. Гэй, У. Процессы глобализации и наука глобалистика / У. Гэй // Век глобализации. – 2008. - № 1.
67. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. А. В. Белова / отв. ред. О. А. Платонов. – 2-е изд. – М.: Ин. рус. цивилизации. Благословение, 2011.
68. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
69. Дахин, В. Н. Глобализация – взгляд историка / В. Н. Дахин // Свободная мысль. – XXI. – 2001. – № 5.
70. Джегутанов, Б. К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ / Б. К. Джегутанов: дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2003.
71. Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. - М., 2005.
72. Дилемма глобализации. Социума и цивилизации: иллюзии и решения. – М.: Вариант, 2002.
73. Дилигенский, Г.Г. «Конец истории» или Смена цивилизаций? / Г. Г. Дилигенский // Вопр. философии. – 1991. - №3.
74. Дилигенский, Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания / Г.Г. Дилигенский // Вопр. философии. – 1983. – № 11.
75. Дубровский, С. В. Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды / С. В. Дубровский // ОНС, 2002. - № 4.
76. Дудник, С. И. История и историческое сознание / С. И. Дудник // Я (А. Слинин) и МЫ. – Вып. X. – СПб.: Санкт-Петербург. филос. общ-во, 2002. – С. 147, 148.

77. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Худ. журн., 1999.
78. Зайфферт, В. Что будет с европейским союзом? / В. Зайфферт // Лит. газ. – 2006. – 22–28 февр.
79. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». – М., 2006.
80. Зеленко, Б. И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание / Б. Л. Зеленко // Вопр. философии. – 2008. - № 5.
81. Золотарев, В. Возвращение к урокам прошлого // Свободное слово. – 2001. – № 6.
82. Зюганов, Г. А. Глобализация: тупик или выход. – М., 2002.
83. Ивашов, Л. Х. Россия и мир в новом тысячелетии. – М., 2000.
84. Извеков, А. И. Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется / А. И. Извеков // Вопр. философии. – 2010. - № 1.
85. Ильин, И. А. О русском национализме / И. А. Ильин. – М.: Рос. Фонд культуры, 2007.
86. Иного не дано / под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – С. 680.
87. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В. Л. Иноземцев // Вопр. филос. – 2004. – № 4.
88. Историческая наука. Проблемы методологии. – М., 1986.
89. Историческая память обновляющегося общества // Коммунист. –1990. – №18.
90. Историческое сознание общества - на уровень задач перестройки // Вопр. истории. – 1990. – № 1.
91. История России / Россия в мировой цивилизации: учеб. пособие для вузов / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – М.: Центр, 1998.
92. История России в вопросах и ответах: курс лекций / сост. С. А. Кислицин. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 608 с.

93. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. – М.: Мысль, 1991.
94. Исупов, К. Г. Проблемы глобализации на фоне русской мысли (предварительные соображения) / К. Г. Исупов // Глобализация: pro et contra. Материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб. : Астерион, 2006.
95. Калашников, В. Д. Научная теория и научная история / В. Д. Калашников // Теория и история. – 2002 – № 1.
96. Каменская, Р. А. Историческое сознание: дис. ...канд. филос. наук. - Волгоград, 1999.
97. Кант, И. Сочинения: в 6 т. Т. 5. Первое введение в критику способности суждения. – М.: Мысль, 1966.
98. Кантор, В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В. К. Кантор. – М.: РОС-СПЭН, 2008.
99. Карапетян, Л. М. О понятиях «глобализм» и «глобализация» / Л. М. Карапетян // Филос. науки. – 2003. - № 3.
100. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб., 1993.
101. Келле, В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И. Т. Фролова / В. Ж. Келле // Вопр. философии. – 2009. – № 8.
102. Кимелев, Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк / Ю. А. Кимелев // Философия истории: Антология: учеб. пособие для студентов гуманит. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект-пресс, 1995.
103. Кирвель, Ч. С. Глобализация образования и социальные стратегии современности / Ч. С. Кирвель, В. И. Стрельченко // Диалог поколений и куль-

тур в контексте глобализации. Материалы Междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: изд-во политехн. ун-та, 2007.

104. Киселев, Г. С. «Вторая Вселенная»: драма свободы / Г. С. Киселев // *Вопр. философии.* – 2010. - №3.

105. Киселев, Г. С. Смысл и ценности нового века / Г. С. Киселев // *Вопр. философии.* – 2006. - № 4.

106. Кисель, М. А. Философия истории / М. А.Кисель // *Современная западная философия.* – М., 1991.

107. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения. – М., 1983.

108. Ключевский, В. О. Сочинение: в 9 т. Т. 9. – М., 1991.

109. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1988.

110. Кнабе, Г. С. Гегель, Европа и рубеж тысячелетий / Г. С. Кнабс // *Вопросы философии.* – 2010. - № 1.

111. Когда рушатся империи... // *Вопр. истории.* – 1994. – № 7.

112. Козин, Н. Г. Идентификация. История. Человек / Н. Г. Козин // *Вопр. философии.* – 2011. - № 1.

113. Комаров, В. Д. Актуализация нравственного смысла / В. Д. Комаров // *Теория и история.* – 2007. – № 2.

114. Кон, И. С. Проблемы истории в истории философии / И. С. Кон // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* – Вып. 4. – Томск, 1986.

115. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины человеческого разума / Ж.А. Кондорсе // *Философия истории. Антология.* – М.: Аспект-Пресс, 1994.

116. Конрад, Н. И. О смысле истории / Н. И. Конрад // *Восток – Запад.* – М., 1966.

117. Конт, О. Основные законы социальной динамики, или Общая теория естественного прогресса человечества / О. Конт // *Философия истории. Антология.* – М.: Аспект-пресс, 1994.
118. Косолапов, Н. А. Глобализация, миропорядок XXI века и Россия / Н. А. Косолапов. – М., 2001.
119. Косолапов, Н. О месте геополитики в эпоху глобализации / Н. Косолапов // *Восток (ORIENS).* – 2003. - № 4.
120. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть...человечеству?» // *Вопр. философии.* – 2000. – №9.
121. Крымский, С. Б. Метаисторические ракурсы философии истории // *Вопр. философии.* – 2001. – № 6.
122. Кукарцева, М. А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // *Вопр. философии.* – 2006. – № 4.
123. Курашвили, В. СССР в 2000 году // *Через тернии / сост. А.А. Проташик.* – М.: Прогресс, 1990.
124. Кутырев, В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) / В. А. Кутырев // *Вопр. философии.* – 2003. – № 1.
125. Лапин, Н. И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // *Вопр. философии.* – 1992. - № 12.
126. Латышев, А. Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: дис. ...канд. филос. наук / А. Н. Латышев. – М., 1991.
127. Левада, Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // *Филос. пробл. ист. науки.* – М.: Наука, 1969.
128. Лекторский В. А., Кузьмин М. Н., Артеменко О. А., Баграмов Э. А., Гараджа В. И. Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе и школе. – М.: ИППО, 2008.

129. Леонтьев, К. Н. Чем и как либерализм наш вреден?: избр. / К. Н. Леонтьев. – М.: РарогЪ; Моск. рабочий, 1993.
130. Леопа, А. В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса: монография / А.В. Леопа. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011.
131. Леопа, А. В. Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Леопа Александр Владимирович. – Красноярск, 2004.
132. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: пер. с англ. / М. Лернер. – М.: Радуга, 1992.
133. Локк, Д. Опыт о веротерпимости / Д. Локк // О свободе: антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М.: Наука, 1995.
134. Лосева, О. А. Философско-аксиологический анализ исторического сознания: дисс. ... канд. филос. наук. – Саратов, 1998.
135. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра. – М., 2001.
136. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Сов. писатель, 1991.
137. Лужков, Ю. М. Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России. – М.: МГУ, 2003.
138. Львов, Д. С. Образ России – истоки формирования // Вопр. философии. – 1998. - № 4.
139. Макаревич, Э. Игры интеллигентов или Социальный контроль масс / Э. Макаревич, О. Карпухин. – М., 2003.
140. Маклаков, В.Т. Историческое сознание: природа, формы бытования, язык / В.Т. Маклаков // Историческое познание и современность. - Свердловск: Урал. науч. центр, 1987.
141. Макнил, В. Меняющийся образ всемирной истории / В. Макнил // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сиб. хроно-

граф, 2001.

142. Маркс, К. Избранные сочинения: в 9 т. Т. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1985.

143. Маркс, К. Сочинения. – 2-е изд. Т. 8. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1959.

144. Мартин Г. П. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию: пер. с неме. / Г. П. Мартин, Х. Шуман. – М., 2000.

145. Маслов, Н. Н. Политическая история. СССР: предмет, содержание, задачи / Н. Н. Маслов. - М.: Политиздат, 1991. - С. 14.

146. Межуев, В. М. Философия истории и историческая наука / В. М. Межуев // Вопр. филос. – 1994. - № 4.

147. Могильницкий, Б. Р. Введение в методологию истории / Б. Р. Могильницкий. – М.: Наука, 1989.

148. Моисеев, Н. Н. Обращение к участникам «круглого стола» на тему: «Быть или не быть... человечеству?» / Н. М. Моисеев // Вопр. философии. 2000. - № 9.

149. Моисеев, Н. Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н. Н. Моисеев // Вопр. философии. – 1991. - № 3.

150. Морена, Э. Принципы познания сложного в науке XXI века / Э. Морена // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / Отв. ред. Н. К. Удумян. – М., 2004.

151. Мотрошилова, Н. В. Идея единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 2 / Н. В. Мотрошилова // Вопр. философии. – 2004. - № 12.

152. Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопр. философии. – 2002. – № 7.

153. На берегу новой реальности. Комментарий // Свободная мысль. – 1991. – № 17.

154. Назаретян, А. П. Универсальная (Большая) история – учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества / А. П. Назаретян // *Вопр. философии.* – 2004. – № 4.
155. Неклесса, А. И. Конец эпохи большого модерна / А. И. Неклесса // *Знамя.* – 2000. – № 1.
156. Неклесса, А. И. Трансмутация истории / А. И. Неклесса // *Вопросы философии.* – 2001. – № 3.
157. Неретина С. С. Образ мира в «Исторической Библии» Гийара де Мулэна / С. С. Неретина // *Из истории культуры Средних веков и Возрождения.* – М.: Наука, 1976.
158. «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России / «круглый стол» // *Вопр. философии.* – 1996. – № 12.
159. Никитин, В. Е. Проблема исторической реальности / В. Е. Никитин // *Метафизические исследования. Вып. 2. История. Альманах лаборатории Метафизических исследований при философском факультете.* – СПб.: СПбГУ, 1997.
160. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // *Избр. тр.* – М., 1997.
161. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства. Кризис сознания / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2009.
162. Падалка, Н. В. Глобализация как феномен современной культуры (философско-антропологический анализ) / Н. В. Падалка: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2004.
163. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности / А. С. Панарин. – М., 1999.
164. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М.: Эксмо, 2003.

165. Панарин, А.С. Философия истории / А. С.Панарин. – М.: Гардарики, 1999.
166. Панарин, А. С. Глобализация / А. С. Панарин // Глобалистика. Диалог. – М., 2003.
167. Панков, В. Третий раскол? Опыт примирительного диалога // Диалог. – 1990. – № 6.
168. Панюков, А. И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденция развития, метод. анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Панюков Александр Иванович. – Красноярск, 1995.
169. Платонов, С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. – М.: Молодая гвардия, 1989.
170. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 1. / Плутарх. – В двух томах. Том I. М.: Правда, 1990.
171. Полторацкий, Н. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века: сб. статей / Н. Полторацкий. – Нью-Йорк, 1988.
172. Померанец, Г. По ту сторону своей идеи / Г. Померанец // Дружба народов. – 2001. - № 3.
173. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки). – М.: Канон +, 2008.
174. Поршнева, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнева. – М., 1991.
175. Пригожин, И. Р. Наука, цивилизация и демократия / И. Пригожин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988-1989. – М.: Наука, 1989.
176. Пригожин, И. Р. Философия нестабильности / И. Р. Пригожин // Вопр. философии. – 1991. - № 6.

177. Проскурин, С. А. Глобализация как фактор поляризации мира / С. А. Проскурин // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 4.
178. Радаев, В. В. В борьбе двух утопий / В. В. Радаев // Вопр. философии. – 1992. - № 4.
179. Рашковский, Е. Б. Мировые цивилизации и современность / Е. Рашковский, В. Хорос. – М., 2003.
180. Рашковский, Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... / Е. Б. Рашковский // Вопр. философии. – 2011. - № 6.
181. Репина, Л. П. История исторического знания / Л. П.Репина, В. В.Зверева. – М.: Дрофа, 2004.
182. Риск исторического выбора в России (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 1994. – № 5.
183. Розов, Н. С. Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика / Н. С. Розов // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2000.
184. Ролз, Дж. Идея блага и приоритета права / Дж. Ролз // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уордон. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-традиция, 1998.
185. Россия в условиях стратегической нестабильности (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 9.
186. Румянцева, М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект-пресс, 2002.
187. Руткевич, М. Н. Философское значение концепции устойчивого развития / М. Н. Руткевич // Вопр. философии. – 2002.– № 11.
188. Самиев, А. Х. Генезис и развитие исторического сознания / А. Х. Самиев. - Душанбе: Дионис, 1988.

189. Сантаяна, Дж. Прогресс в философии / Дж. Сантаяна // Вопр. философии. – 1992. - № 4.
190. Свасьян, К. А. PROOEMYUM / К. А. Свасьян // Вопр. философии. – 2010. - №2.
191. Семенков, В. Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания / В. Е. Семенков // Credo New. – 2006. – № 3.
192. Семенникова, Л. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. Семенникова. – М., 1994.
193. Семенов, В. С. Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-филос. анализ и прогноз) / В. С. Семенов. – М., 2000.
194. Семенов, Ю. И. Философия истории (Общая теория. Основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003.
195. Слинин, А. Я. Наука, культура и будущее общества. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / А. Я. Слинин. – СПб., 2001.
196. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1994.
197. Согрин, В. В. К новому историческому сознанию // Общественные науки. –1989. – № 3.
198. Соловей, И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И. В. Соловей // Филос. науки. – 2005. – № 11.
199. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев. – М., 1989.
200. Сорокин, Д. Е. Вызовы нового века и стратегический ответ России // Вопр. экономики. – 2001. – № 11.
201. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор акад. РАНГ. В. Осипов. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998.

202. Стародубцева, Л. Взгляд Линнея, или Мир сквозь линзы умозрений / Л. Стародубцева // Вторая навигация: Альманах. – Запорожье: Дикое поле, 2006. – № 6.
203. Степанянц, М.Т. Восточные сценарии глобального мира / М.Т. Степанянц // Вопр. философии. – 2009. - № 7.
204. Стернз, П. Периодизация в преподавании мировой истории: выявление крупных изменений / П. Стернз // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001.
205. Столович, Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопр. философии. – 2004. – № 7.
206. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М., 1991.
207. Толстоухов, А. В. Глобальный социальный контекст и контуры экобудущего // Вопросы философии. – 2003. – № 8.
208. Толстых, В. И. Цивизационный кризис и идеалы идеологий // Тр. Фонда Горбачёва. Т. 1. – М., 2000.
209. Топорнин, Б. Н. Сильное государство – объективная потребность времени / Б. Н. Топорнин // Вопр. философии. 2001. - № 7.
210. Тош, Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. / Д. Тош. – М., 2000.
211. Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч – М.: ЮристЪ, 1992.
212. Трубицын Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ / Д. В. Трубицын // Вопр. философии. – 2009. - № 8.
213. Труфанова, Е. О. Идентичность и Я / Е. О. Труфанова // Вопр. философии. – 2008. - № 6.
214. Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е.О. Труфанова // Вопр. философии. – 2010.

215. Тыменецка, А. Т. Феменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера / А. Т. Тыменецка // *Вопр. философии.* – 2005. - № 11.
216. Уайтхед, А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. – М., 1990.
217. Уледов, А. К. Структура общественного сознания. – М., 1968.
218. Устьянцев, В. В. Историческое сознание и социальная память / В. В. Устьянцев // *Историческое воззрение как форма общественного сознания. Материалы Межвузовской конф. 1993 г. Саратов: изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1993.*
219. Устюгова, Е. Н. Глобализация и культура: исторический контекст / Е. Н. Устюгова // *Филос. науки.* – 2005. - № 12.
220. Федотова, В. Г. Судьба России в зеркале методологии / В. Г. Федотова // *Вопр. философии.* – 1995. – № 12.
221. Федотова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // *Вопр. философии.* – 2008. – № 8.
222. Федотова, В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В. Г. Федотова // *Вопр. философии.* – 2002. - № 12.
223. Федотова, В. Г. Российская история в зеркале модернизации / В. Г. Федотова // *Вопр. философии.* – 2009. - № 12.
224. Федотова, В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // *Вопр. философии.* – 2000. - № 4.
225. Федотова, В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // *Вопр. философии.* – 2005. - № 11.
226. Флиер, А. Я. Культура как фактор национальной безопасности / А. Я. Флиер // *Общественные науки и современность.* – 1992. - № 12.
227. Фридрих, Кл. О функциях одной мыслительной фигуры / Кл. Фридрих // *Вопр. философии.* – 1994. - № 7-8.

228. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1977.
229. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. - № 3.
230. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект/Ю. Хабермас // Вопрос философии. – 1992. - № 4.
231. Хабермас, Ю. Расколотый запад / Ю. Хабермас. Пер. с нем. – М., 2008.
232. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М., 2004.
233. Хвостова, К. В. Особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова. – М.: Наука, 2005.
234. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопр. философии. – 1994. – №10.
235. Хиллебранд, Р. Глобализация экономики: последствия международной конкуренции территориальных условий хозяйствования для экономической политики / Р. Хиллебранд // Politekonom. – 1997. - №3,4.
236. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. / А.С.Хомяков. – М.: Медиум, 1994.
237. Хомяков, А. С. «Семирамида»: Исследование истины и исторических идей // А.С. Хомяков. Сочинения В 2 т. Т. 1. Работы по философии. – М., 1994.
238. Хофмайстер, Х. Что значит мыслить философски / Х. Хофмайстер. – СПб.: Изд-во Петербург. ун-та, 2006.
239. Ципко, А. Третье средневековье / А. Ципко // Лит. газ. – 2006. – 29 марта – 4 апр.
240. Цофнас, А. Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопр. философии. –2009. – № 11.

241. Цофнас, А. Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат / А. Ю. Цофнас // *Вопр. философии.* – 2005. – № 11.
242. Цыганков, А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов / А. П. Цыганков // *Вопр. философии.* – 2002. - № 8.
243. Чистанов, М. Н. Историческое сознание как проблема социальной онтологии: автореф. ...д-ра филос. наук. – Новосибирск, 2010.
244. Чубайс, И. Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ / И. Б. Чубайс // *Вопр. философии.* – 2002. – № 10.
245. Чумаков, А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности / А.Н. Чумаков // *Вопр. философии.* – 2009. – № 1.
246. Шеррер, Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни // *Вопр. философии.* – 1995. – № 5.
247. Шиллз, Э. О соотношении центра и периферии / Э. Шиллз // *Сравнительное изучение цивилизаций.* – М., 2003.
248. Ширманова, М. Ю. Историческое сознание общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ширманова Марина Юрьевна. – Ростов-н/Д., 1989.
249. Шичалин, Ю. А. Античность – Европа – История / Ю. А. Шичалин. – М., 1999.
250. Шоню, П. Во что я верую. – М., 1996.
251. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление/ А. Шопенгауэр // *Избр. произведения.* – М.: Просвещение, 1992.
252. Шпанн, О. Философия истории / О. Шпанн. – СПб.: Изд-во С.-Петербург ун-та, 2005.
253. Штомпель, О. М. Социокультурный кризис / Теория и методология исследования проблемы : дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-н/Д., 1999.
254. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.,

1996.

255. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004.

256. Юрьев, А. И. Политическая психология терроризма / А. И. Юрьев // Филос. науки. – 2005. – №10.

257. Яковлев, В. П. Историческая наука и историческое сознание / В. П. Яковлев.

258. Яковлев, В. П. Социальное время / В. П. Яковлев. - Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1980.

259. Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс. – СПб., 2000.

260. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.

261. Ясперс, К. О смысле и назначении истории / К. Ясперс. - М., 1991.

262. Яхнин, Е. Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) / Е. Д. Яхнин // Вопр. философии. – 2006. - № 5.

263. Alexander, Y. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World” of / Y. C. Alexander.

264. Aron, R. Les desillusions du progress. – Paris, 1969.

265. Bzezinski, Z. Beetween Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. – N. – Y., 1989.

266. Cristian, D. Maps of time: an introduction to ”Big History”. Berbeley: Calif.: VniV.of California Press, 2003.

267. Fukuyama, F. The West has Won: Radical Yslam can’t Devaocracy and Capitalism // [http://www/guardian/co/uk](http://www.guardian.co/uk).

268. Hilton, R. Problems of crisis and normalicy in the contemporary world / R. Hilton // Boston: Rethinking Progress, 1990.

269. Horowitz, Y. L. The sociology of development and the ideology / Y. L. Horowitz // Sosial growth. Process and innlication / Ed. By Hawley A.H. – N. – Y. etc.1979.
270. Moore, W. E. Worldmodernization. The limits of convergence. – N. – Y., 1979.
271. Ritter, Y. Metaphysik und Politih / Y. Ritter // Das burgerliche Leben. Zur aristoffelischen Theorie des Glucks (1956). – 2-е изд. – Frankfurt an Main, 1988.
272. Strauss, L. Political and Crisis of our Time / L. Strauss // The Post – Behavioral Era. Perspectives on Politica Science. N. Y., 1972.
273. Toynbee, F. Surviving the Future / F. Toynbee. – London, 1971.
274. White, H. The Burden of History / H. White // History and Theory. v. V. – 1966.
275. Ybid.
276. Zakaria, F. The Post-American World / F. Zakaria. – New York; London, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Глобальный системный кризис как особенность современного этапа развития мирового сообщества	6
1.1. Парадигмальный характер глобального системного кризиса.....	6
1.2. Глобальный системный кризис как кризис рационализма и европоцентристского миропорядка.....	17
1.3. Проявление глобального системного кризиса в форме частных системных кризисов.....	33
1.4. Кризис фундаментальных оснований человеческого бытия.....	44
Глава 2. Историческое сознание как социальный феномен.....	58
2.1. Основные представления о сущности исторического сознания.....	58
2.2. Историческое сознание как метод научного познания.....	78
2.3. Амбивалентность цивилизационного исторического сознания.....	90
2.4. Реконструкция исторического прошлого – основа формирования исторического сознания общества.....	103
Глава 3. Характерные черты исторического сознания кризисного общества.....	111
3.1. Возрастание общественной роли исторической науки.....	111
3.2. Особенности проявления исторического сознания.....	117
3.3. Политизация исторического сознания.....	129
3.4. Эвристическая мировоззренческая сущность исторического сознания.....	137
Глава 4. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального системного кризиса.....	144

4.1. Возрастание роли исторического сознания в кризисной ситуации.....	144
4.2. Актуализация проблемы смысла истории.....	156
4.3. Русская идея и преодоление кризиса.....	170
4.4. Россия в поисках идентичности.....	180
4.5. Историческое сознание и формирование нравственного образа истории России.....	195
Заключение.....	202
Библиографический список.....	206